

Олесь Бузина

**Утешение
историей**

«Утешение историей» — восьмая книга Олеся Бузины. Автор видит ее цель в том, чтобы погасить страсти и поддержать дух читателя в тяжелые нынешние времена.

- [Олесь Бузина](#)
 - [Предисловие](#)
 - [На Руси Великой и Малой](#)
 - [Карма Украины](#)
 - [Возвращение погон](#)
 - [Колония образованных малороссиян](#)
 - [Поэт мертвой петли](#)
 - [Наследие Богдана](#)
 - [Летописец Руины](#)
 - [Фиаско Казановы в «Русском мире»](#)
 - [Уродливая, нищая и варварская Европа](#)
 - [Эта уродливая, нищая, варварская Европа...](#)
 - [Эта уродливая, нищая, варварская Европа-2](#)
 - [В Долину Смерти въехала бригада...](#)
 - [Свободное Конго — людоедские корни ЕС](#)
 - [Отто Скорцени: «Почему мы не взяли Москву?»](#)
 - [Балканская чертовщина](#)
 - [Последний римлянин](#)
 - [В Америке тоже не все ладно](#)
 - [Остановившиеся колеса Детройта](#)
 - [Америка, которую все обижают](#)
 - [Эпохи перемен](#)
 - [Эпоха перемен](#)
 - [Умирение по-европейски](#)
 - [Майдан по-французски](#)
 - [Майдан по-французски — 2](#)
 - [Железный закон революций](#)
 - [Памяти швейцарской гвардии](#)
 - [Республики 1918 года](#)
 - [«Нехай гірше, аби інше»](#)
 - [Пока другие воюют](#)
 - [Пока другие воюют — 2](#)
 - [«В такой войне участвовать я не могу»](#)
 - [Кто же думал, что она будет Первая...](#)
 - [Махновщина — мать порядка](#)
 - [Литераторы на Гражданской](#)
 - [Самая короткая война](#)
 - [О величии мелочей](#)

- [Великие изобретатели мелочей](#)
 - [Потомство фигового листа](#)
 - [Чудо нежданное](#)
 - [Чудо нежданное](#)
 - [Жизнелюбие против самоубийства](#)
 - [Крейсер «Варяг» — рецепт прорыва](#)
 - [Золотой выстрел, или Забытый подвиг адмирала Эбергарда](#)
-

Олесь Бузина

Утешение историей

*История в некотором смысле есть священная книга народов...
Простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с
несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным
явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях,
свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще
ужаснейшие...*

(Николай Карамзин)

Предисловие

Эту книгу родила война. Я не собирался ее писать. В планах у меня были совсем другие книги. Но Майдан и война на Донбассе сломала все планы. Произошло то, чего я больше всего не хотел — гражданская война вернулась на Украину.

Я не буду делить участников ее на правых и виноватых. Кто прав был в Гражданской войне начала прошлого века? Красные или белые? Петлюровцы или гетманцы? Махновцы или совсем забытые сегодня григорьевцы? Или зеленые, воевавшие со всеми и бегавшие ото всех? Теперь уже не важно.

Теперь это просто кино.

Но то, что происходит сегодня, не кино. Забытый спор правых и левых младогегельянцев, который вроде бы давно решился в Сталинграде, снова воскрес на Донбассе. И в Киеве. И в Одессе. Везде, где вместо философских споров вспыхивали очаги вооруженной борьбы. Иногда эта война происходит прямо у тебя в голове. Уже когда эту книгу нужно было сдавать в печать, на Юго-Востоке буквально за одну неделю погибли двое моих друзей. Обоих я знал по военной реконструкции. Одному было сорок семь. Другому — двадцать. У первого остались жена и сын. У второго — беременная жена. Тот, что был старше, воевал, скорее, из чувства долга и профессиональных соображений — он был бывшим капитаном спецназа. Еще советского. Тот, что моложе, — из юношеского романтизма и идеологических убеждений. Впрочем, оба ни были романтиками. Немного наивными.

При этом они воевали ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА. Бывший советский капитан — в одном из добровольческих батальонов, сформированных Киевом. Двадцатилетний мальчишка — в армии Луганской народной республики. Тем не менее, обоих своих друзей я любил. Оба вызывали у меня человеческую симпатию. Оба, по рождению, были КИЕВЛЯНАМИ и разговаривали ПО-РУССКИ.

Относиться к их смертям равнодушно я не могу. Я держал в руках каску одного из них. Того, что был старше. Каска еще пахла потом и волосами. Знаете этот грибной запах человеческой головы, который остается на шапке? Пропотевшая каска пахнет точно так же. Мобильный телефон напоминал осколок льда, залитый кровью. Друг погиб, подорвавшись на mine. Растрескавшаяся после взрыва панель мобилника впитала кровь из разорванного сердца. Темно-вишневую, просто рубиновую кровь. Его привезли в Киев, чтобы похоронить.

Второго друга — того, которому было всего двадцать, в Киев не привезут. Его похоронят на Луганщине. Там, где он воевал и умер. Для нынешних киевских властей он сепаратист. Хотя сам он говорил, что собирается вернуться в Киев и освободить его. Так он думал. Хотя большинство нынешних киевлян, наверное, думают иначе. По крайней мере, если верить соцопросам.

Обоих я отговаривал брать в руки оружие. Еще весной, когда кипели страсти и уходили колонны на Восток. Ночью. По проспекту Победы. Еще не зная, что идут к трагедии Изварино и Иловайска. В мясорубку Саур-Могилы.

Одному я говорил: «За кого ты собрался воевать? За олигархов, которые пришли к власти на волне Майдана? Пусть они договорятся с Востоком, а не посылают туда войска!» Другого останавливал: «Стрелков приехал и уедет. У него симпатичные усы. Но нельзя воевать только за то, что тебе подмигнули из Кремля. А если там передумают?»

Ни первого, ни второго я не убедил. Они были страстными людьми. Куда более страстными, чем большинство из нас. Я молился за то, чтобы они уцелели. Но мои молитвы не дошли до Господа. Меня утешает только то, что еще двух моих друзей я удержал от этой войны. Один собирался бежать на Донбасс, чтобы вступить в армию Новороссии. Другой — дважды порывался пойти в военкомат и стать солдатом ВСУ — Вооруженных сил Украины.

Я ненавижу эту войну. Ненавижу захлебывающихся от восторга девочек с телевидения, делающих репортажи, якобы с «фронта». Ненавижу всех, кто наживается на крови. Делает на ней МИЛЛИОНЫ. Всех этих олигархов и пиарщиков, политологов и конспирологов.

Ненавижу мужеподобных амеб, засевших в столичных редакциях и разжигających конфликт воинственными статьями и своими «героическими» фотографиями с автоматами в глубоком тылу. Это гражданская война. Победителей в ней не будет. Как не было, на самом деле (вспомните судьбу Тухачевского и Троцкого!), победителей и в той Великой Гражданской Войне.

А то, что эту уже называют Малой Гражданской, — слабое утешение.

Когда-то Бэций написал книгу «Утешение философией». Он сидел в тюрьме в ожидании казни и пытался отвлечься от мыслей о смерти.

Мир сегодня — тоже одна большая тюрьма, перегороженная государственными границами, где вместо пропусков — визы. Война стала глобальной. Очень похожей на мир. Но все-таки войной. По-видимому, идет новая Латентная Мировая, прорываясь, как гейзер, то в Сирии и Ираке, то в Афганистане и Ливии. То, как сегодня, на Украине. Мы не знаем еще, как назовут нашу эпоху. Как не знали французы, что живут во время Столетней войны.

Поэтому моя книга называется «Утешение историей». Ведь история умеет утешать не хуже философии. И, главное, доступнее. Без абстракций и сложных терминов. Все революции похожи друг на друга. Все войны. И все переговоры о мире. Пусть это послужит вам утешением, хотя и не оживит погибших.

Киев. Декабрь 2014-го.

«За что?» — повторяют наши люди. А спрашивать надо: «Почему?».

На свете есть два народа, у которых страдание возведено в культ: евреи и украинцы. У первых есть Стена Плача. Вторые плачут без всякой стены и так. По любому поводу. С Библейских времен евреи были убеждены, что Бог, любя свой «избранный» народ паче всех остальных, карает его за нарушение божественного закона, торжественно врученного Моисею. Так сказать от великой любви. Желая только добра. Украинцы, напротив, считают, что небеса невзлюбили их просто так. И карают ни за что. Из вредности.

Оба этих мироощущения абсолютно иррациональны. Мир знает множество успешных евреев. Некоторые даже считают, что все деньги принадлежат им, и за всеми заговорами стоят тоже они. Лично я не разделяю этот предрассудок. Я видел богатых евреев, бедных и даже очень бедных. Умных, талантливых и абсолютно бездарных. Даже сумасшедших евреев, с блаженной улыбкой перевозивших на тачках бумагу на полиграфической фабрике, куда раз в неделю мы, киевские школьники, ходили на УПК (учебно-производственный комбинат) получать «рабочую» профессию.

Не меньше знает история и одаренных самореализовавшихся украинцев, имена которых известны на весь мир. Непревзойденный Гоголь — мистик и юморист, овладевший русским языком лучше любого уроженца так называемой коренной России. Богдан Хмельницкий, рискнувший бросить вызов самой могущественной державе тогдашней Восточной Европы — Речи Посполитой — и победивший ее. Великий режиссер Сергей Бондарчук, снявший лучший фильм всех времен о Наполеоне — «Ватерлоо». Непобедимый фельдмаршал Паскевич, одержавший победы над Персией, Турцией и Польшей. Плеяда блистательных советских маршалов, вышедших из Украины: Малиновский, Рыбалко, Черняховский, Гречко. Прекрасные актеры: Гринько, Ступка, Брондуков...

И тем не менее выражения «еврейская тоска в глазах» и «тужлива українська пісня» говорят сами за себя. Повторяю, оба народа любят пострадать. Есть в их психологии что-то неистребимо мазохистское. Недаром Ющенко копировал культ Голодомора с культа Холокоста. И то, и другое, естественно, имело реальные причины.

Я специально расспрашивал у своей бабушки, родившейся в 1920 году, о голоде 1933-го.

Голодать страшно. Один из их соседей убил мальчика, выкапывавшего в его огороде клубни недавно посаженного картофеля, а тело прикопал на меже. Другой сосед раскапывал могилы на кладбище и снимал с покойниц, похороненных в хорошие времена, золотые и серебряные украшения. Все село это знало и говорило ему: «А як же Бог?». Тот отвечал с иронией: «Бог то Бог, а сам не будь плох!». Прапрабабка по мужской линии умерла в нашей семье именно в 1933-м.

Заикливаться на страданиях прошлого — это притягивать их снова.

Но возводить все это в культ? И отмывать деньги на памятниках умершим в то время, когда сегодня население Украины сокращается ударными темпами, и без всякой войны с 1992 года лишилось 6 миллионов человек?! По-моему, это чудовищно. Поверьте, я физически не мог выносить Ющенко с его танцами на костях. Концентрироваться на страданиях — это притягивать их к себе снова.

Все народы в той или иной степени страдали. Франция вытащила на своей крови Первую мировую войну. В процентном отношении она понесла тогда самые высокие потери. Больше России, Германии, Италии, Австро-Венгрии. Демографические потери ее были так высоки, что на Вторую мировую французского «эллана» (боевого пыла) уже просто не хватило. Достаточно немцам было обойти в 1940 году линию Мажено, и вся французская армия бросилась наутек.

Но вы не встретите в истории Франции болезненной заикленности на этих утратах. Французский военный музей в Париже буквально набит памятью о победах. Там даже Наполеона, не раз битого русскими, англичанами и немцами, все равно воспринимают как непревзойденного полководца! Забудь неудачи, помни только о хорошем — первое правило сохранения здоровой психики. Для плача достаточно носового платка. Стена заставит вас изойти на одни слезы. Лучше плакать украдкой. Чтобы никто не видел. Недаром говорят: Москва слезам не верит.

Будучи до недавнего времени преимущественно крестьянской страной, Украина никогда не задумывалась об отдаленном будущем. Крестьянин живет годичным циклом. Вспахал, посеял, собрал урожай, расслабился зимой. И так до бесконечности. Тучная украинская земля могла прокормить всех без излишних усилий. Иностранцы, посещавшие страну в XVII веке, не замечали особого трудолюбия у «народа казаков». Украина так плодородна, писали они, что множество фруктов и осыпавшегося зерна просто пропадает в садах и полях. Реки кишели рыбой. Леса — зверьем. Интенсивное развитие просто не требовалось в этих условиях земного рая.

ВЫЖИВАТЬ В ОДИНОЧКУ. Сильная черта украинца — его индивидуализм. Если присмотреться к нашему крестьянину, он умеет все. Или почти все. Наши заробитчане, строящие дома в Европе и России, преимущественно такие крестьяне. Их жены дома занимаются хозяйством. А мужья добывают живые деньги на заработках. Кризисное время снова вызвало эти способности у среднего украинца. Когда колхозы развалили, фермы растащили по кирпичу, работы просто не осталось.

В этом смысле украинский крестьянин, несомненно, сильнее потомка чернокожего плантационного раба из США. У последнего никогда не было своего хозяйства. Он работал на плантации латифундиста, выполнял простейшие операции — например, собирал хлопок, и ни о чем не думал. Недавнее банкротство Детройта — города, заселенного потомками негров-рабов, — блестящее тому свидетельство. Чернокожие рабочие выполняли простейшие операции на автосборочном конвейере точно так же, как их дедушки собирали хлопок на плантациях. Закрутить гайку, подсоединить проводок, прикрутить зеркало, получить зарплату в конце недели. И никаких мыслей о будущем, кроме танцев и пьянки в выходные.

Крейсер «Украина». Продолжает ржаветь на верфи в Николаеве. Его сестершип «Москва» является флагманом Российского Черноморского флота.

Фото: А. Сигниенко.

Когда крупные компании из-за засилья профсоюзов вынесли автомобильные заводы из Детройта сначала в Мексику, а потом в Европу и Азию, Детройт умер. Подсоединение проводка заменила доза героина. И никто не перестроился! Такова сила косности, передающаяся по наследству из поколения в поколение.

Наши, если не считать тех, кто просто спился и умер после закрытия предприятий и исчезновения государственного контроля за поведением граждан, предпочитают выкручиваться любыми способами. Но в одиночку. Или мелкими группами. И обычно никогда не думая о том, что будет дальше, чем через год. Отсюда — слабая коллективная память. Одному и тому же красноречивому проходимцу будут верить из года в год просто за его обещания. Чем слаще говорит, тем лучше. Все, что не получается, всегда можно сбросить на козни врагов. А жить — не реалистичными планами, а иллюзиями. Объявим независимость — и все наладится. Протащим Ющенко на Майдане — и всем будет счастье. Вступим в Евросоюз — и станем богатыми и культурными европейцами, а моча в подворотнях Львова и Киева испарится сама собой. Чудом! Не успев долететь до земли из переполненного пивом живота.

ГОРЕ ОТ ИЗБЫТКА «ПОЭТОВ». «Пересічний» украинец, о котором так много говорят, — существо глубоко эмоциональное. Эмоции в нем перевешивают рассудок. Иллюзии — четкость зрения. О чем, к примеру, говорит обилие поэтов и кобзарей в украинской истории? О повышенной эмоциональности народа.

Но поэты — люди не конструктивные. Даже самые выдающиеся. Гениальный Франсуа Вийон сгинул без следа в молодом возрасте. Пушкин и Лермонтов буквально нарвались на пули. Шевченко сам убил себя водкой и триппером, который тогда лечили ртутью. Это самоубийственная профессия. Если народная поэзия слишком богата, значит, нация обладает повышенным процентом неуравновешенных импульсивных индивидуумов.

Наша армия. На ее боевую подготовку в 2010 г. было выделено меньше денег, чем на военные оркестры.

Фото: А. Яремчук.

В Украине поэтов всегда было в избытке. Зато не хватало инженеров и менеджеров. Не «манагеров», как их сегодня презрительно называют, а именно МЕНЕДЖЕРОВ — то есть организаторов производства, толковых управленцев. Для крестьянина-индивидуалиста никакие менеджеры были не нужны. Он сам был себе на хуторе директором. Но время маленьких хозяйств на клочках земли стало заканчиваться уже в начале прошлого века. Крестьяне-единоличники проигрывали крупным помещичьим хозяйствам, построенным на научной основе (с агрономами, зоотехниками, машинами и правильным севооборотом). Крестьянин думал, что все его проблемы в нехватке земли. Но когда после революции землю поделили, зерна больше не стало — его производство наоборот уменьшилось, по сравнению с 1913 годом — последним перед катастрофой Первой мировой войны.

Советские колхозы (фактически возвращение к государственным «поместьям») были попыткой выйти из этого кризиса. То, что от них отказались после Перестройки, — трагедия, а не прогресс. Достаточно посмотреть на современное вымершее украинское село, куда бригады трактористов приезжают весной из города пахать, а комбайнеров — летом убирать. В этом одна из причин снижения рождаемости в стране. А если нет рождаемости, не будет и потребителя. Некому станет даже памперсы продавать! Экономика может развиваться только за счет людей, производящих и потребляющих товары. Как она может расти, если люди умирают или эмигрируют из страны?

Показателем силы нации всегда есть армия. Накануне Евромайдана 2013 г. она насчитывала в Украине меньше 200 тысяч человек. Боевой состав не дотягивал даже до 100 тысяч. Все остальное — это военкоматы, училища и оркестры. Есть жуткая статистика. В бюджете 2010 года (его заложили еще при Ющенко) на содержание военных оркестров и ансамблей песни и пляски выделялось денег больше, чем на боевую подготовку! Это был, так сказать, символический финал майданной эпохи.

Сегодня эта диспропорция изменилась в обратном направлении. Но новые виды техники не разрабатывают или не закупают. В передовых армиях основным видом боя становится ночной. Американцы оснастили свои войска прицелами ночного видения и тепловизорами. То же самое сейчас делает и Россия. А для украинца престижным стало не служить. «Нащо нам та армія, — сказал мне на днях один молодой человек. — Зараз армії нічого не вирішують».

Тогда почему же американцы несут «демократию» в Ирак и Афганистан именно военными методами, а энергетическую независимость для своей страны добывают с помощью завоевательного похода на Ближний Восток? Почему Франция упорно содержит свой авианосец, который позволил ей свергнуть правительство в Ливии? Почему в израильской армии служат даже девушки? Потому что армия — это кулаки и мышцы нации. Без них здоровое тело невозможно.

А ведь были и такие украинцы — сильные и успешные!

Если бы наше правительство нашло в себе силы достроить тот же крейсер «Украина», это обеспечило бы работой множество людей, показало бы способность государства содержать хотя бы один крупный корабль и позволило бы вместо «эскадры разнородных кораблей» создать хотя бы одно действительно боеспособное, а не декоративное, соединение под украинским флагом. Ведь даже возвращение в строй устаревшей подводной лодки «Запорожье» позволило не угаснуть навыкам подводного плавания на Украине.

ЧУДА НЕ БУДЕТ. В мире нельзя выжить без друзей.

Исторически так получилось, что Украина вызрела в составе России и Советского Союза. Победы Румянцева и Суворова дали возможность освоить Дикое Поле — нынешние Одесскую, Херсонскую, Николаевскую, Донецкую и Луганскую области. Нужно уметь быть благодарными. Это Империя присоединила к Украине Закарпатье, Галичину, Крым, Новороссию. Ничего этого у Украины не было во времена Богдана Хмельницкого! Это Империя построила тут мощнейший промышленный потенциал, который пилили и разбазаривали на протяжении всех лет независимости. «Южмаш» в Днепропетровске, судостроительные заводы в Николаеве, авиационный завод в Киеве, огромное количество НИИ, разрабатывавших до 1991 года передовые технологии, — наследие именно советского и российского имперского прошлого. Все это не нужно Западу. У них такое свое есть.

История показывает, что украинец процветал только, когда находил общий язык с Москвой и чувствовал себя частью общего русского мира. Никаких других дорог к процветанию у Украины нет. 22 года «многовекторности» и «евроинтеграции» это прекрасно доказали. Если кому-то нужно еще 10 или 20 лет биться головой об дерево, чтобы убедиться в этой элементарной истине, пусть бьется. Но поправить карму Украины можно, только вернувшись в Русь.

17 августа 2013 г.

Возвращение погон

По странному стечению обстоятельств, Сталин вернул погоны на Рождество 1943 года — 6 января. Главный символ Белой армии неожиданно «покраснел».

Товарищ Сталин. Боролся с «золотопогонниками». А потом стал одним из них. Запретный плод сладок.

Существует мнение, что решение ввести в Красной армии погоны подсказал Сталину случай из боевой молодости времен гражданской войны. Весной 1918 года будущий «вождь и учитель» был назначен в Царицын на должность чрезвычайного комиссара по отгрузке хлеба в Москву. Там он встретил странного «красного генерала» — Андрея Евгеньевича Снесарева. По логике, никаких красных генералов в 1918 году быть не могло. Если генерал, значит враг, контра. Но жизнь — не логична. Поэтому бывший генерал-лейтенант царской армии Андрей Снесарев, а теперь «руководитель Северо-Кавказского окружного комиссариата по военным делам», разгуливал в фуражке с красной звездой, аксельбантах генерального штаба и серебряных погонах с тремя золотыми звездочками, полагавшимися ему по дореволюционной форме.

«А вы не боитесь, что товарищи перепутают вас издали с белым и просто шлепнут?» — якобы спросил Сталин. «Война — вообще дело опасное для жизни, — ответил Снесарев, — а генерал-лейтенантского чина меня никто не лишал, и скрывать его я не считаю нужным».

Сталинград. Самое подходящее время для введения погон — чтобы помнили победу.

Генеральская прямота Сталину понравилась. И хотя впоследствии они поссорились, и Троцкому пришлось отозвать Сталина в Москву, а Снесарева — в Смоленск, но Царицын от войск наступавшего белого казачьего генерала Краснова эта парочка все-таки удержала. Снесарев стал начальником Академии генштаба. Сталин, как известно, — вождем советского народа.

В 1942 году ситуация повторилась. На бывший Царицын, называвшийся уже Сталинградом, пер немец. Приказ № 227 («Ни шагу назад!») был уже отдан, заградотряды созданы, и тогда к кнуту товарищ Сталин решил добавить пряник — погоны, уничтоженные советской властью после Октябрьской революции. Он вспомнил, как выглядел Снесарев в лихие царицынские дни, и подумал, что красную звезду вполне можно объединить если не с двуглавым орлом, то с галунными погонами, олицетворявшими в пору его молодости высокое звание русского офицера. Так 6 января 1943 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении погон для личного состава Красной Армии», объявленный приказом Народного комиссариата обороны № 24 от 10 января. С этого момента красный офицер стал невероятно похож на белого. Можно сказать, скрытая гражданская идеологическая война, наконец-то, закончилась.

Однако, несмотря на сталинские сантименты, подготовка к введению погон началась еще в середине 30-х годов. Форма Красной армии была скромной. Бывшим царским офицерам, служившим в ней, она, по-видимому, не нравилась. К примеру, Михаил Тухачевский — когда-то подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, ставший волею судьбы одним из первых советских маршалов, — еще в 1936 году поднимал вопрос на одном из совещаний о возвращении погон. Тогда Сталин резко выступил против такой инициативы. Не потому, что она ему не нравилась, а потому что исходила от политического врага,

которого Иосиф Виссарионович подозревал в организации военного заговора против себя. Через год Тухачевского расстреляли как «врага народа». Поносить погоны снова ему не посчастливилось. А 22 марта 1940 г. в проекте «Положение о прохождении службы в Красной Армии», разработанном Наркоматом обороны, впервые официально появилось предложение о введении знаков различия в виде «продольных наплечников из ткани» с поперечными полосками и звездочками для различения званий.

Советские погоны генерал-майора. Такие ввели 6 января 1943 года.

Осенью 1941 года, когда в Красной армии появились первые гвардейские части, возникла идея ввести для них особую форму. Снова всплыла мысль о погонах. Но до реализации ее дело так и не дошло. В первоммайском приказе Наркома обороны в 1942 году впервые после долгого забвения появилось «контрреволюционное» слово «офицер». До этого начальствующий состав Красной армии назывался просто «командирами». А 9 октября того же года Президиум Верховного Совета СССР упразднил военных комиссаров и ввел в армии единоначалие. Практика, существовавшая со времен гражданской — военспец и присматривавший за ним от партии комиссар, — канула в прошлое. В общем, идея «опогонивания» армии назревала. Тем более, что еще в мае 1942-го ее одобрило Главное политическое управление РККА. Окончательно этот проект был разработан к осени и 23 октября был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б). Все это показывает, что ничто не делается в государстве по мановению руки. Даже такой, как сталинская. Все проходит утряску, согласование перед тем, как приобрести вид выверенного окончательного документа.

ПОПАЛИ В ТОЧКУ. Остается вопрос: если введение погон было утверждено Политбюро еще в середине осени 1942-го, почему указ Президиума Верховного Совета был подписан почти через два месяца — 6 января? Думается, Сталин и тогдашнее руководство

Советского Союза ждало большой победы на фронте. Символом ее должны были стать погоны — постоянным напоминанием на плечах каждого солдата и офицера. В октябре 1942-го немецкая армия успешно наступала на Сталинград. Как раз с 13 по 26 октября части генерала Паулюса прорвались в самый центр города, прижав остатки 62-й армии генерала Чуйкова к Волге. Волга пылала в прямом смысле слова — это горела нефть, растекшаяся из разбомбленных нефтехранилищ. Где-то там зенитчиком, прикрывая переправу через реку, сражался и дед автора этих строк. Судьба великой битвы да и всей нашей цивилизации висела на волоске — до погон ли тут было? А к Новому году Паулюс уже надежно сидел в окружении. Никаких сомнений о его дальнейшей судьбе не оставалось.

Момент для введения погон как раз назрел. И последнее, на что исследователи в советские времена не осмеливались обращать внимание, а сегодня не обращают просто по недомыслию. С 6 на 7 января наступало Рождество. Не думаю, что это было случайное совпадение. Бывший семинарист Джугашвили в официально атеистической стране словно просил помощи у Бога. Это была война Отечественная, Священная — те, кто понимает, все заметили. Погоны упали свыше как Божья благодать, а звезды на них напомнили о Вифлеемской звезде. И даже если это просто совпадение, то, согласитесь, какое-то уж слишком закономерное — служащее доказательством Провидения.

Обычно говорят, что Сталин вернул погоны. На самом деле, он их ввел. До того дня погоны как знаки различия в Красной армии никогда не существовали. Их никто не носил, если не считать генерала Снесарева. Большевики всегда пытались до этого момента отмежеваться от старого царского режима. Они настаивали, что подлинная история началась в 1917 году. Жест Сталина был зримым возвращением к дореволюционному прошлому. К большой имперской форме.

Погоны прапорщика. 95-й пехотный полк. Первая мировая война.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ. Но оказалось, что прерванную традицию не так-то просто восстановить. По всему Союзу разыскивали старых мастеров, ткавших когда-то галунные ленты, искали станки, возрождали технологии. Перейти на погоны, согласно приказу, требовалось с 1 по 15 февраля — за полмесяца. Но даже на Курской дуге в июле 1943-го некоторые летчики и танкисты, как показывают фотографии, носили не погоны, а

старые петлицы. А большая часть пехоты надела погоны на гимнастерки с отложным воротником, а не со «стойкой». Только когда запасы старого обмундирования вышли, Красная армия полностью перешла на новую форму одежды.

1943 год. Александр Солженицын с другом. У одного еще петлицы, у другого — уже погоны.

Попадают снимки, где одни солдаты и офицеры еще с петлицами, а другие — уже с погонами. Одни из самых известных из них — фотография 1943 года будущего писателя Александра Солженицына и его друга Николая Виткевича. На Виткевиче — уже погоны. На Солженицыне — еще петлицы с двумя кубиками и артиллерийскими пушками. Кстати, молодому Солженицыну возвращение погон не понравилось. Он видел в этом отступление от революционных традиций. Кто бы подумал, что из этого молодого человека, еще недавно писавшего роман «Люби революцию», получится главный критик советского режима — автор «Красного колеса»? А тогда Солженицына возмущали погоны, как и роспуск Сталиным Коминтерна, который произойдет в мае — событие, говорившее, что на мировой революции, в прямом и переносном смысле, поставлен крест.

В строгом смысле слова, сталинские погоны не были копией царских. Несколько другое плетение галуна. Чуть более грубая работа. Другая система обозначения званий. Да и звания другие. Вместо подпоручика — лейтенант. Вместо штабс-капитана — капитан. Вместо капитана — майор. Вместо фельдмаршала — маршал Советского Союза. На царских погонах звания обозначались только маленькими звездочками. Сталин ввел большие звезды для старших офицеров, начиная от майора, и генералов. Чин фельдмаршала до революции обозначался двумя скрещенными жезлами на галунном зигзаге. Звания маршала Советского Союза символизировали большая звезда и герб СССР.

Дореволюционных офицеров часто называли «золотопогонниками». Это не совсем так. Значительная часть из них была в строгом смысле «серебрянопогонниками». Золотые погоны носили пехота и артиллерия. А казаков, военных инженеров, жандармов, офицеров

Генерального штаба и значительную часть регулярной кавалерии отличали по серебряным погонам. На серебряных погонах звания обозначались золотыми звездочками. На золотых — серебряными. Куда разнообразнее был и набор цветов просветов и выпушек.

Как говорят некоторые непосвященные, что такое просвет и выпушка — дело темное, без ста грамм не разобраться. А ведь все это проще простого. Выпушка — это суконный кант по краю погона. Просвет — продольная полоска ткани, разделяющая погон на две или три части. У младших офицеров — один просвет. У старших — два. Правда, до революции младшие назывались, на немецкий манер, «обер-офицерами», а старшие — «штаб-офицерами».

При Сталине цвета выпушек и просветов стали обозначать рода войск. Малиновые — пехоту. Синие — кавалерию. Черные — артиллерию и танковые войска. Голубые — авиацию. При царе цветовая гамма на погонах строилась совсем по другой системе. К примеру, стрелки носили малиновые выпушки. А обычные пехотинцы — красные и синие. Царская пехотная дивизия делилась не на три, как советская, а на четыре полка. Первые два полка каждой дивизии имели красные выпушки, а третий и четвертый — синие. В погонах же многочисленных кавалерийских полков царило, такое разнообразие, что без специальных таблиц все их и запомнить невозможно! Можно сказать, что советская система была менее нарядна, но более рациональна и удобна. Даже размер звездочек она поделила на три категории. Лейтенантские и капитанские были размером в 13 мм. У майоров, подполковников и полковников — 20-миллиметровые, а у генералов — 22-миллиметровые. В общем, каждому — по важности.

Генерал Снесарев, чья упорная привязанность к погонам в 1918-м подсказала Сталину вернуть их в 1943-м, прожил жизнь удивительную и, как для тех опасных времен, долгую — целых семьдесят два года. Было в его судьбе все — и войны, и научные труды, и приговор к расстрелу. Родился Снесарев в семье священника. Перед тем как податься в армию, закончил физико-математический факультет Московского университета. Потом — военное училище, Академия генштаба и служба на самых разных должностях по всей Российской империи. Одно время он был даже начальником Памирского отряда пограничной стражи. Последняя должность в старой армии — командир 9-го корпуса. В генерал-лейтенанты Снесарева произвели буквально за несколько дней до Октябрьского переворота. Так что с погонами ему расставаться особенно не хотелось. Столько служил, и на тебе — пришли какие-то «товарищи» и требуют: «Снимай!».

В центре — генерал Снесарев. В таком виде он воевал и за красных.

Да и вообще Снесарев относился к породе армейских щеголей. Во время Первой мировой войны он любил носить не уставной мундир, а не предусмотренный никакими приказами френч, распространившийся среди русских офицеров в подражание британской армии. Носили его обычно те, кто хотел выделиться, подчеркнуть свою непохожесть на серую армейскую массу. Революцию Снесарев принял достаточно легко. Как человек образованный, он знал, что в перегибах ее не было ничего особенного — точно такой же была по кровавому размаху и французская революция с ее гильотиной. Пока новой власти были нужны военспецы, Снесарев ей служил. В 1930-м, памятном волной репрессий против бывших царских офицеров, был обвинен в принадлежности к тайной организации и приговорен к расстрелу.

Смертную казнь на десять лет лагерей ему заменил лично Сталин. Но отсидел генерал только четыре. В 1934-м его выпустили по причине слабого здоровья. Еще три года генерал доживал на воле и умер в 1937-м — в самый разгар ежовщины. Как ни странно, просто от старости. Считается одним из основоположников русской школы геополитики, крупным востоковедом и военным разведчиком. А в истории остался только как чудаковатый красный генерал с белогвардейскими погонами. Вот как бывает — один пиар-ход обеспечивает место в вечности надежнее самой беспорочной службы!

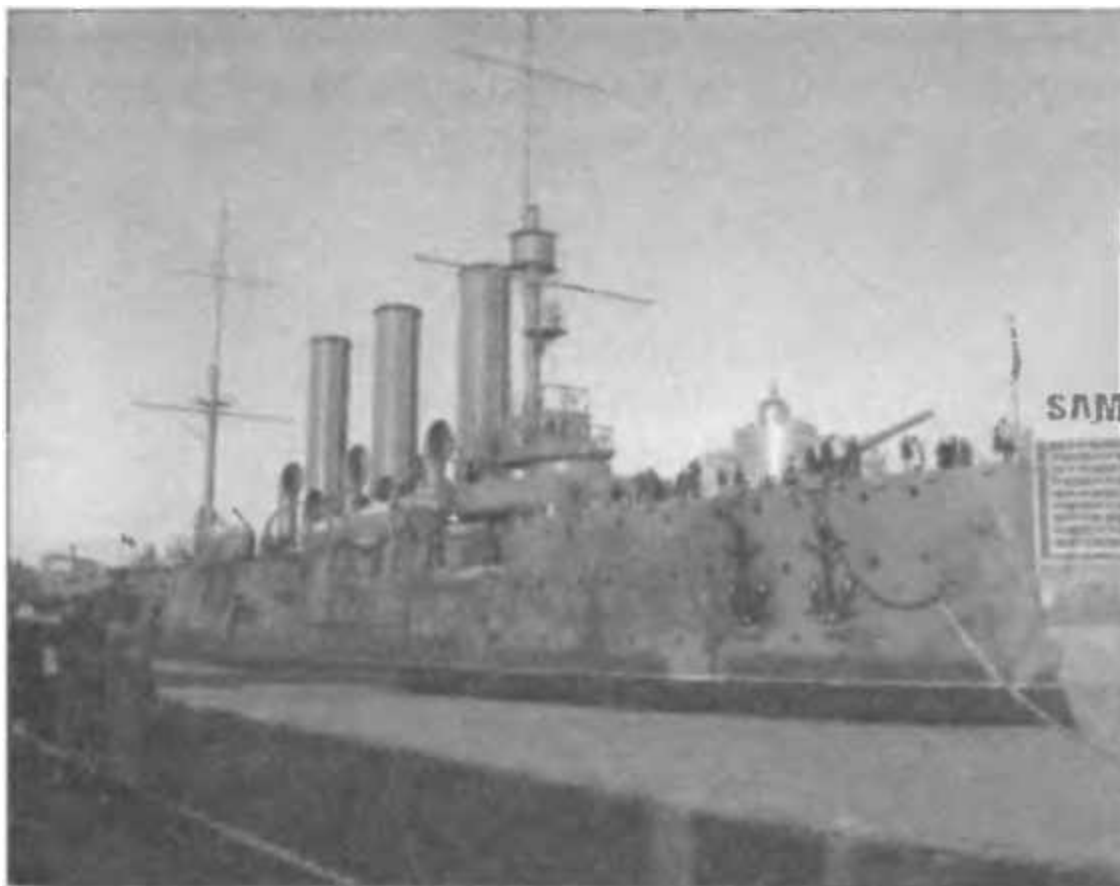
А с возвращением погон получилась настоящая рождественская сказка. Мучили офицеров, мучили, искореняли как класс, лишали форменных признаков, а потом вернулось все на круги своя — как раз на Рождество переломного 1943 года.

12 января 2013 г.

Колония образованных малороссиян

Украинские адреса в Петербурге — бесчисленны. Автор песни «Очи черные» Евгений Гребинка так и назвал его еще во времена Шевченко: «Колония образованных малороссиян».

Из современной украинской школы ребенок вынесет о Петербурге только то, что он был построен «на костях украинских казаков». Кости в фундаментах, конечно же, были. Но украинских — меньше всего. В основном, там лежат русские косточки. На строительство города царь мобилизовал около сорока тысяч человек — помещичьих и государственных крестьян. Таких сословий в казачьей Малороссии попросту не было!

Вмерзшая в лед «Аврора». Из кораблей, участвовавших в Цусиме, до наших дней дожила только она и броненосец «Микаса» в Японии. «Аврора» — продукт инженера из Украины.

Да и сама царская фамилия по причине влажного петербургского климата и совершенно естественного для начала XVIII столетия отсутствия антибиотиков несла потери. К примеру, у царя Петра Первого из одиннадцати детей от жены Екатерины в Петербурге умерли девять! Уцелели только дочери — Анна и Елизавета. Малышей уносил грипп (его называли горячкой), легко распространявшийся в портовом городе.

Зато никто не вспоминает совсем другое определение столицы империи, демонстрирующее, какое в реальности место занимали там наши земляки. Оно принадлежит первому редактору шевченковского «Кобзаря» и автору известного на весь мир романа «Очи черные» поэту Евгению Гребинке. В одном из писем он пошутил: «Петербург есть колония образованных малороссиян».

Набережная Мойки. Сюда стоит отправиться весной, когда сойдет лед и можно будет гулять.

Дорогу в столицу империи предки нынешних украинцев открыли действительно прежде всего через образование. Среди «птенцов гнезда Петрова» самый образованный — киевлянин Феофан Прокопович. Москвич Алексашка Меньшиков умел водить кавалерию в атаку, подыскивать царю баб и... воровать в особо крупных размерах. Но до конца жизни он так и не научился толком писать — только подмахивал свою фамилию под документами. Потомок шотландских королей на службе Петра Яков Брюс хорошо разбирался в артиллерии и астрологии, из-за чего окружающие считали его чернокнижником. А Феофану Прокоповичу, успевшему пройти курс наук в коллегии св. Афанасия в Риме, Петр Великий доверил управление всей Русской православной церковью. И это при том, что в юности Феофан ради возможности учиться за границей перешел из православия в унию. Римская коллегия, где он учился, и придумана была для обращения в греко-католицизм восточных славян.

Но Петра это совсем не смущало. Ведь Феофан, возвратившись домой, снова принял православие. А административные и ораторские таланты его были таковы, что замены им не нашли и наследники Петра!

Именно Феофану Прокоповичу принадлежит изобретение слова «россияне», снова возрожденного в эпоху Ельцина. Впервые оно появилось в посмертном панегирике Феофана царю, который поднял его к вершинам церковной власти: «До чего мы дожили, о россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!»

По «Духовному регламенту» Прокоповича Русская церковь существовала почти два столетия — до самой Октябрьской революции. Ему же принадлежит и авторство знаменитой формулы о «триедином русском народе», состоящем из великороссов, малороссов и белорусов. Идеология петровской империи — разработка нашего земляка. Не «москальская» выдумка, а киевское изобретение!

Но Прокопович не был одинок. Старое московское духовенство находилось в оппозиции реформам царя. В результате, Петр на все высшие церковные посты стал назначать выходцев из Малороссии. Они делали карьеру через Петербург. И откуда только туда не ехали — даже из Львова, находившегося под польской властью. Вот вам пример одной такой карьеры — епископа Астраханского Лаврентия Горки. Он родился в 1671 году во Львове. Из-за гонений на православных уехал в Киев, окончил тут Могилянскую коллегию (статус академии присвоит ей все тот же Петр Первый в 1700 году) и стал игуменом Выдубицкого монастыря. Потом, как и многие приятели Прокоповича, перебрался в Москву и там получил место архимандрита Воскресенского монастыря. Это был очень боевой пастырь! В персидском походе Петра Первого Лаврентий Горка занимал пост «обер иеромонаха армии и флота». А потом был епископом в Астрахани, Рязани и Вятке. Собирал книги, писал стихи и, кроме всего прочего, основал Вятскую духовную семинарию.

Зимний дворец. Его построила Елизавета, подарив свой Разумовскому.

И сколько их таких! И Йоасаф Горленко из Прилук, ставший в ту же эпоху наместником Троице-Сергиевской Лавры под Москвой и епископом Белгородским. И Кириак Кондратович — сын сотника из Ахтырки, подавшийся в «град Петра» и получивший почетную должность «придворного философа» у императрицы Анны Иоанновны. И Павел Конюсевич из Самбора под Львовом — архимандрит Юрьевского монастыря в Новгороде, а потом (держитесь крепче!) митрополит Tobольский! Он заправлял церковными делами фактически во всей Сибири. Как видите, не только «в кайданах» попадали в Сибирь украинцы.

У большинства этих людей биография складывалась стандартно. Рождение в небогатой, но ценившей науку малороссийской семье, школа, Могилянская академия в Киеве и широкая дорога, проходившая, как и сегодня, мимо Батурина на Петербург. Там было много земляков и возможностей. Если хотите, это была «украинская мафия». Но «мафия» в хорошем смысле слова. Эти люди не убивали, не грабили и не занимались воровством. Однако их ценили

именно на тех должностях, где требовалось образование и распорядительность. Даже самый известный и бесшабашный из малороссийских выходцев в Петербурге Алексей Разумовский — тайный муж дочери Петра Первого императрицы Елизаветы — не причинил ближним другого зла, кроме того, что в пьяном виде поколачивал придворных своей супруги. Всякий раз, когда граф Петр Шувалов отправлялся на охоту с графом Разумовским, графиня Шувалова заказывала молебен, так как, налившись после стрельбы по зверю, потомок простых казаков из Козельца любил прохаживаться батоном по шуваловской спине. А по свидетельству британского посла Вильямса, однажды в нетрезвом состоянии Разумовский поколотил фельдмаршала Апраксина. И ничего, все терпели. Не станешь же поднимать руку на мужа императрицы! Кстати, поместья Разумовские получили совсем недалеко от Петербурга в Новгородской губернии. Там они осуществляли «колониальный гнет» Малороссии над Великороссией.

Дворец Разумовских и сегодня одно из самых приметных зданий Петербурга. Он расположен на Невском проспекте. Только немногие из наших земляков знают, кто был первым владельцем этих хором. Называются они Аничков дворец.

С этих гордых графских палат и началась традиция строить дворцы на Невском. А дело было так.

В 1741 году на этом месте на углу Фонтанки и Невского располагались казармы Преображенского полка. Его солдаты при деятельном участии Алексея Разумовского и возвели Елизавету Петровну на престол. На радостях и из любви к месту, откуда царевна вознеслась на трон, Елизавета решила вместо казарм построить тут свой дворец. Проект был заказан знаменитому Растрелли. Здание имело дворцовую церковь Воскресения Христова, а парадным фасадом выходило на речку Фонтанку с гаванью и двумя галереями вдоль берега. Потом Елизавета Петровна решила построить еще и Зимний дворец, а этот подарила мужу — тому самому казаку-драчуну Алексею Разумовскому. На чьих костях он построен, история умалчивает. Но явно не на украинских. Своих земляков Разумовский очень любил.

При Екатерине II Разумовские загнали дворец казне, получив за него немалые деньги. Новая царица передарила его Потемкину. Потом им владел Николай I — еще в бытность великим князем. Именно тут происходили в его времена «домашние балы» для узкого круга, которые особенно любил этот император и не любил Пушкин. Поэта сюда непременно звали (одни говорят — из-за жены, другие — из-за таланта). А тот не любил танцевать и просто «жрал», по его признанию, мороженое. Но как бы то ни было, именно после Разумовских — простых «новых украинцев» XVIII столетия — на Невском проспекте стали вырастать роскошные здания, например, дворец Строгановых.

Да и вообще украинский след возникает в Петербурге в том месте, где и не подумаешь. Взять хотя бы крейсер «Аврору». Знаменитый корабль. Уцелел в Цусимском сражении. Ознаменовал своим холостым выстрелом рождение новой эпохи 25 октября 1917 года. Стоит на вечной стоянке у набережной Невы — плати деньги и можешь гулять по внутренним помещениям, переносясь на сто лет назад. А ведь строил «Аврору» уроженец Украины — корабельный инженер Ксаверий Ратник. Он родился в Николаеве, создал несколько броненосцев для Черноморского флота, был замечен, переведен в Петербург и занял должность директора казенного Балтийского завода — важнейшего судостроительного предприятия царской России. Можно долго спорить, насколько совершенным был проект «Авроры». Но из кораблей той эпохи до наших дней дожили только она и броненосец «Микаса» в Японии, тоже превращенный в музей. А сам Ратник умер в имении под Киевом в 1924 году, раздав все имущество крестьянам.

Генерал-лейтенант Ксаверий Ратник — строитель «Авроры», родившийся в Николаеве и умерший под Киевом.

Еще одна дорожка ведет из-под Киева в Петербург из села Малая Березайка. Там в наследственном имении родился в 1840 году писатель Всеволод Крестовский. Помните сериал «Петербургские тайны»? Он снят по роману Крестовского, который называется почти так же — «Петербургские трущобы». Чрезвычайно популярное было в XIX веке произведение! Но и жизнь его автор прожил еще более удивительную! Окончил историко-филологический факультет, издал свои «Трущобы», женился, а потом бросил семейную жизнь и... поступил обычным юнкером в уланский полк. Участвовал в русско-турецкой войне, дослужился до офицера, писал романы, либретто опер, оставил интереснейшие «Очерки кавалерийской жизни», объехал весь мир вместе с Тихоокеанской эскадрой адмирала Лесовского, редактировал газету «Варшавский дневник». А лежит в Петербурге на Волковом кладбище — в месте, называемом Литераторские мостки. Рядом с Лесковым, Тургеневым и Салтыковым-Щедринным. Очень советую романы Крестовского «Панургово стадо» (о революционерах-нигилистах), «Тьма египетская» и «Торжество Ваала». Острсюжетные, легко написанные — блестящий образец русского натурализма. Действие многих из них происходит в Украине. Погуглите в интернете, если лень дойти до книжного магазина. Хотя Крестовский никогда не ленился он был одним из самых динамичных наших литераторов.

Путешествие в Петербург и сегодня мало чем отличается от того, как ездили наши предки сто лет назад. Это если не лететь самолетом. Поезд из Киева отправляется утром. А ровно через сутки тоже утром вы — в Петербурге на Витебском вокзале. А потом ныряете в метро и буквально через пятнадцать минут выходите на Невский проспект. Направо — к Зимнему дворцу. Налево — почти три километра по прямой — к Московскому вокзалу. Удивительно регулярный, с первых минут понятный город. И, главное, все на месте — и Петропавловская крепость, и конный памятник Николаю I, и бронзовая Екатерина, и Исаакиевский собор. Никто ничего не взрывал, как в Киеве, чтобы смыть «тяжелое наследие царского режима». Революция тут чувствуется только в том, что Александра III убрали со Знаменской площади, переименовав ее в площадь Восстания. А Ленина на броневишке

водрузили рядом с Варшавским вокзалом — там, где он выступал, вернувшись из эмиграции.

Гребинка и Крестовский — петербуржцы из Украины, написавшие «Очи черные» и «Петербургские трущобы».

Найти недорогую гостиницу, где номер стоит долларов шестьдесят в сутки, в Петербурге вполне реально. Просто нужно знать места. От голода тоже не умрете. Блокадные ужасы остались в далеком прошлом. Зато в Петербурге можно встретить ресторан под названием «Ленинград» и бесчисленное количество заведений, торгующих нон-стоп круглые сутки — сказываются белые ночи, приучившие этот город не спать. Один из книжных магазинов на Невском тоже торгует без перерыва на сон — двадцать четыре часа! Только продавцы меняются.

У каждого найдется в Петербурге любимое место. У меня их два — Храм Спаса на крови, построенный в память Александра И, убитого террористами, и Военно-исторический музей. Первым директором этого музея был, кстати, приятель Тараса Шевченко, оставивший о нем интересные и откровенные мемуары, — Афанасьев-Чужбинский. Тоже родился в Украине — под Луб-нами. Из «образованных малороссиян» — окончил тот же лицей в Нежине, что и Гоголь. А потом — служба в кавалерии, литература, путешествия. Под старость Чужбинскому захотелось теплого места, и как отставной улан он нашел его в Военно-историческом музее — гигантском арсенале возле Петропавловской крепости, этажи которого набиты нашей общей военной славой императорской эпохи. Не нужно ее забывать, как и строки Евгения Гребинки из повести «Записки студента»: «Вот уже месяц живу я в Петербурге; все мои занятия — обед, сон и прогулка. Чем более узнаю я Петербург, тем более ему удивляюсь. Очаровательный город».

26 января 2013 г.

Поэт мертвой петли

В Киеве на Сырецком летном поле 9 сентября 1913 г. русский авиатор поручик Нестеров впервые совершил знаменитую фигуру высшего пилотажа, которая теперь носит его имя.

Выставка в Национальном военно-историческом музее Украины, посвященная 100-летию подвига Петра Нестерова, неожиданно прекрасна. Много подлинных экспонатов: мундиров начала XX века, личных вещей наших первых летчиков (в том числе и погон штабс-капитана самого автора мертвой петли). Характерная трогательная деталь — Нестеров был человек семейный и небогатый. В 1913 году у него было уже двое детей. Мертвую петлю он закрутил в чине поручика — три звездочки на погоне. Погоны стоили дорого. Получив чин штабс-капитана, заказывать новые погоны герой не стал. Просто добавил четвертую вышитую звездочку — на экземпляре с выставки она едва уместилась на погоне, что лишний раз доказывает подлинность экспоната.

Один из первых воздушных боев. Пулемет на аэропланах появился в 1915 году уже после смерти Нестерова. Воздушным снайперам поначалу приходилось стрелять стоя.

Один из залов экспозиции представляет собой киевский кинотеатр столетней давности: белый экран, легкие венские стулья с гнутыми спинками. Тут можно посмотреть подлинную хронику с Нестеровым. Благодаря растиражированной фотографии мы привыкли представлять его строгим серьезным офицером. На самом деле воздушный герой был очень легким веселым человеком.

Жизнерадостная улыбка Нестерова была не менее знаменита, чем гагаринская.

Есть такое выражение: «гагаринская улыбка», возникшее благодаря первому космонавту. С не меньшим правом можно сказать: нестеровская улыбка. Кинохроника показывает стройного человека, чье лицо буквально озарялось обаятельной усмешкой. Спортивный. Подтянутый. Исследователи утверждают, что его рост был, примерно, 175–176 см, что считалось выше среднего для той эпохи.

Вряд ли Нестеров чувствовал себя героем. В его поведении не было ни малейшего хвастовства или стремления к назойливой саморекламе. Он доказывал не СВОЮ значимость, а возможности человека — то, что «в воздухе везде опора». Это выражение первого мастера высшего пилотажа стало крылатым.

АЭРОДРОМ НА СЫРЦЕ. Жители нынешних киевских улиц Дегтяревская, Шамрила, Телиги даже не подозревают, что над их головами незримо парит призрак желтого аэроплана поручика Нестерова. Сырецкое летное поле начиналось почти сразу же за той стеной Лукьяновского кладбища, которая выходит на Оранжевую.

Нынешняя Дегтяревская улица была очень короткой — от Лукьяновской площади до знаменитого здания тюрьмы под номером 13 — и называлась Дегтяревской (через букву «Е»). За тюрьмой она переходила в Житомирскую почтовую дорогу. Тут — от пересечения современной улицы Телиги (еще не существовавшей во времена Нестерова) и нынешней Дегтяревской, изменившей благодаря пертурбациям XX столетия букву в названии, примерно от дома № 58 — начинался первый киевский аэродром — Сырецкий. Несколько деревянных барачков — ангаров для самолетов. Земляная площадка с выгоревшей к концу лета травой. Недаром аэродром назывался Сырецкое летное поле. Поле — оно и есть поле.

Девятого сентября 1913 года (27 августа, по старому стилю) по этому полю шел

стройный молодой человек в офицерской фуражке и кожаной куртке с бархатным воротником. Он сел в маленький желтый моноплан «Ньюпор-4» с двигателем в 70 лошадиных сил, носившим смешное название «Гном», взмыл в воздух и совершил свой «полет по замкнутой кривой в вертикальной плоскости, или мертвую петлю», как писал один из тогдашних журналов. Это произошло в 6 часов 15 минут вечера на высоте около 600 метров. Все случившееся было удостоверено в протоколе Киевского общества воздухоплавания. Наверное, эта петля, изменившая жизнь и самого поручика, и всей авиации, выглядела даже обыденно. За случившимся наблюдала только небольшая группа сослуживцев Нестерова по 3-й авиационной роте, любителей авиации и журналистов.

УМНЫЙ В АРТИЛЛЕРИИ. В те времена бытовала шутка: «Умный — в артиллерии, красивый — в кавалерии, пьяница — на флоте, дурак — в пехоте». Нестеров был «умным». Он закончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. В год окончания училища ему было всего 19 лет. В наше время в этом возрасте молодые люди считаются просто оболтусами. Ни высшего образования. Ни профессии. Часто даже в армии еще не успели побывать, бегая от военкоматов.

Афишная тумба 1913 г. Передает атмосферу той поры, когда Нестеров совершил мертвую петлю.

В Российской империи 20-летний офицер — норма. Училища были двухгодичными. Лишнему не обучали. Но из стен этих заведений выходили настоящие военные, служившие не за страх, а за совесть. Тем более, что за спиной 19-летнего подпоручика Нестерова кроме двух лет училища было еще и семь классов Нижегородского кадетского корпуса. Автор мертвой петли родился в Нижнем Новгороде на Волге в семье офицера. Военная служба была его наследственной профессией.

Есть странное совпадение. Отец Нестерова умер в том же возрасте, в котором погиб во

время Первой мировой войны его сын — всего в 27 лет. Он оставил жену с четырьмя детьми — в том числе и с трехлетним Петром. Не имея средств к существованию, мать будущего летчика Маргарита Викторовна была вынуждена поселиться в Нижегородском Вдовьем доме — богоугодном заведении для жен офицеров и чиновников, потерявших супругов. Большого выбора, где учиться, у маленького Нестерова не было — как сын офицера он имел право на бесплатное обучение только в кадетском корпусе. Иными словами, даже в увольнение Петя Нестеров ходил из одного казенного заведения в другое.

ВЛЮБИЛСЯ И ЖЕНИЛСЯ. Потомственный дворянин подпоручик Нестеров, как и все младшие офицеры, не имел права жениться до 28 лет, не уплатив так называемый «реверс» — специальную сумму в 5000 рублей, удостоверявшую его способность содержать семью. Но он влюбился в девушку не дворянского происхождения, к тому же полячку — Надежду Рафаиловну Галецкую. Она родилась в бедной крестьянской семье.

Настоящее имя будущей жены Нестерова было Ядвига Луневская. Родители отдали ее на воспитание в бездетную семью Галецких. Ее крестили девочку по православному обряду и дали ей новое имя. Девочка стала русской — по законам Российской империи для этого главным было не происхождение, а вероисповедание. Приняв православие, русским становился и поляк, и еврей, и немец, и кто угодно.

Чтобы не платить реверс, можно было выбрать службу на окраине Империи. В каком-нибудь глухом углу. И один из лучших выпускников столичного элитного училища Нестеров легко пошел на этот шаг! В 1906 году он отправился в 9-ю Восточно-Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду — во Владивосток. Вместе с ним приехала и будущая супруга. Через три года у них родился первый ребенок — дочка.

Артиллерия незримо связана с небом. Корректировку стрельбы с закрытых позиций пытались производить с воздушных шаров, соединенных проводным телефоном с землей. Нестеров не раз поднимался в небо на аэростате. А потом умудрился лично построить планер, на котором взмыл в воздух.

На выставке. Левый погон принадлежал штабс-капитану Нестерову.

Не имея связей и состояния, молодой офицер мог пробиться наверх, только ухватившись за крыло птицы счастья. Для Нестерова такой птицей стал самолет. Русская авиация делала первые шаги, стремясь ни в чем не отстать от Запада. Великий князь Александр Михайлович — родственник и друг Николая II — делал все для развития нового рода вооруженных сил. Собственно говоря, еще даже не вооруженных. На первых аэропланах не было пулеметов и бомб. Они предназначались только для разведки. Благодаря великому князю в 1910 году в России были открыты три летные школы: в Гатчине под Петербургом, Севастополе и Одессе.

ВОЗДУШНЫЕ ХУЛИГАНЫ. Осенью 1911 года поручик Нестеров поступил в Офицерскую воздухоплавательную школу в Петербурге, а после ее окончания ровно через год — в Гатчинскую авиашколу. В Гатчине находилась квартира лейб-гвардии Кирасирского полка Ее Величества — так называемых «синих кирасир». Один из офицеров этого аристократического полка — князь Владимир Трубецкой — оставил замечательные мемуары о своей службе. Он описывал, как нервировали пожилых военных полеты первых авиаторов над Гатчиной.

Аэропланы, пролетавшие над колонной кавалерии, пугали лошадей. Генерал-кавалерист злился и махал кулаком в небо хулиганам-летчикам: «Трескучая этажерка медленно и тяжело пролетала над нашими головами на высоте всего лишь нескольких аршин, едва не касаясь своими колесами острых кончиков наших пик. Эта безобразная штука страшно пугала лошадей, заглушая команду начальства и сигналы трубачей, внося своим появлением ужасный кавардак в наше учение. Несмотря на то, что военное поле было большое, гатчинские летчики почему-то норовили летать именно там, где в данную минуту находился наш полк, имея явное намерение похулиганить.

Военная авиация была тогда еще в зачаточном состоянии. Ею интересовались скорее как новым и любопытным видом рискованного спорта, нежели как военным фактором, мощь

которого была сомнительна для многих старых начальников-генералов, относившихся к самолетам иронически. Тогдашние гатчинские летчики — эти пионеры летного дела в России — состояли из офицерской молодежи приключенческого типа, которой надоело тянуть лямку в своих полках. Летчики, увлекаясь своим новым делом, однако имели хотя и лихие, но тем не менее хулиганские замашки. В новой школе дисциплина по первоначально была слабая, и молодым летчикам, видимо, доставляло удовольствие портить ученье, а заодно и настроение таким земным существам, какими были мы, кавалеристы.

При появлении «фармана» наш генерал, как правило, входил в раж, грозил пилоту кулаком, а полковой адъютант, вонзив шпоры в коня, карьером летел к начальнику летной школы с требованием прекратить безобразие, что начальник школы далеко не всегда мог выполнить, ибо не знал способа, каким бы он мог вернуть обратно первобытный самолет, управляемый шутником-летчиком. Наш генерал — фанатик кавалерийских учений — требовал наказания летчика за хулиганство, но начальник летчиков — не меньший фанатик своего дела — напирая на неведомую нам технику, всегда находил оправдания для своих офицеров».

Кто знает, возможно, одним из таких небесных хулиганов, трепавших нервы лошадям и кавалерийским генералам в Гатчине, был и 24-летний поручик Петр Нестеров? После окончания авиационной школы его ждала недолгая служба в Варшаве, где он освоил новейший самолет «Ньюпор», а потом Киев. В нашем городе Нестеровы поселились на Печерске на улице Московской — в двух шагах от тогдашнего ипподрома.

Если открыть справочник «Весь Кїевъ» за 1914 г., то в разделе «3-я Авіаціонная рота» (дореволюционная орфография сохранена) значится и «воен. летч. поруч. Нестеровъ Пет. Ник.». Весь состав русских авиационных сил печатался совершенно открыто. То же самое, кстати, делали военные Австро-Венгрии и Германии, публикуя списки всех своих офицеров, кроме разведчиков, естественно. Военную тайну составляла не численность армии, хорошо известная противникам благодаря открытым парламентским системам, которые выделяли средства на нужды обороны, а оперативные планы командования.

Фигура Нестерова из экспозиции Военно-исторического музея в киевском Доме офицеров.

ГОД СЛАВЫ. Первая мировая война началась для России 1 августа 1914 года. Войска Киевского военного округа, развернутые в Юго-Западный фронт под командованием генерала Николая Иванова, повели смелое наступление на австрийский город Львов. Воздушная разведка приобрела решающее значение. С неба были хорошо видны колонны русских дивизий. Двухместный самолет-разведчик «Альбатрос», пилотируемый унтер-офицером Францом Малиной (летчик-наблюдатель барон Розенталь), несколько раз появлялся над позициями наших войск 26 августа (8 сентября по н. ст.) в районе городка Жолква. Австрийцев явно интересовали намерения наступающих русских.

Командир 11-го корпусного авиаотряда Нестеров решил пресечь любопытство противника. Он так торопился в свой аэроплан, что даже не успел пристегнуться. Удар Нестерова пришелся на фюзеляж австрийца. Автор мертвой петли таранил «Альбатрос» колесами своего летательного аппарата. Наблюдавшим с земли показалось, что погиб только австриец. Но через мгновение из русского самолета, потерявшего управление, выпала крошечная фигурка пилота.

Генерал-квартирмейстер (по-нынешнему — начальник оперативного отдела) 3-й армии Михаил Бонч-Бруевич, видевший эту картину, вспоминал: «Какое-то мгновение все мы считали, что бой закончился полной победой нашего летчика, и ждали, что он вот-вот благополучно приземлится... Неожиданно я увидел, как из русского самолета выпала и, обгоняя падающую машину, стремглав полетела вниз крохотная фигура летчика. Это был Нестеров, выбросившийся из разбитого самолета. Парашюта наша авиация еще не знала, читатель вряд ли в состоянии представить себе ужас, который охватил всех нас, следивших за воздушным боем, когда мы увидели славного нашего летчика, камнем падавшего вниз...»

Пропеллер на могиле. Русские летчики хоронят погибший экипаж. Первая мировая

война.

Нестерова похоронили в Киеве на Аскольдовой могиле. В 30-е годы, когда кладбище на склонах Днепра ликвидировали, прах выдающегося летчика перенесли на Лукьяновское кладбище. Его словно тянуло к месту, где он впервые завязал свою мертвую петлю. Прижизненная слава Петра Нестерова вписалась в год без одного дня: от 9 сентября 1913 года, когда он совершил свой «кувырок» через голову на Сырецком аэродроме, до 8 сентября 1914-го, ставшего днем смерти основоположника высшего пилотажа и первого пилота, совершившего воздушный таран.

Но таран — не самоубийство. 22 марта 1915 года уроженец Херсонской губернии русский летчик Александр Казаков точно так же, как Нестеров, ударил колесами австрийский «Альбатрос»: «Что-то рвануло, толкнуло, засвистело, в локоть ударил кусок крыла моего «Морана». «Альбатрос» наклонился сначала на один бок, потом сложил крылья и полетел камнем вниз». Наверное, то же самое мог бы рассказать и Нестеров, если бы уцелел. Полковник Казаков стал самым результативным русским асом Первой мировой. На его счету 32 воздушные победы. Нестеров оказался прав — храброму в воздухе «езде опора».

14 сентября 2013 г.

Наследие Богдана

В чаду новой майданной смуты мы совершенно забыли о 360-летию события, навсегда изменившего судьбу не только украинской, но и общерусской истории — Переяславской Раде. Официально она датирована 8 января 1654 года — именно в этот день казачья старшина во главе с гетманом Хмельницким присягнула московскому царю. В недавние советские времена эту дату официально называли «Днем воссоединения Украины с Россией».

Летопись Самуила Величко — казачьего историка начала XVIII века — описывает Переяславскую Раду так: «Хмельницкий, изрубив орду, возвращавшуюся из Литвы, положил этим начало к неприязни с ханом. Он сразу же послал к пресветлому великому государю Алексею Михайловичу, всероссийскому самодержцу, своих послов, желая со всей Малороссийской Украиной, лежащей по оба берега Днепра, со всем Запорожским Войском пойти под его сильную протекцию при своих давних правах и вольностях. Он, пресветлый всероссийский монарх, это посольство Хмельницкого принял сердечно и мило и очень радовался тому, что такая большая часть малороссийской земли, остававшейся в греко-русском православии, добровольно склоняется к нему, православному монарху, без какой-либо войны и кровопролития и отчуждается от своих вчерашних панов — поляков, пребывающих в римской вере. Итак, он, монарх всероссийский, для утверждения под высокую руку его, Хмельницкого, со всей Украиной и Запорожским Войском, прислал в Переяслав своих именитых и полномочных комиссаров — великого боярина Василия Васильевича Бутурлина со товарищи, прибывшими в Переяслав на праздник Крещения. Прибыл на тот же праздник Крещения из Чигирина в Переяслав с генеральной старшиной, с полковниками и значительным с обоих берегов Днепра войсковым товариществом и Хмельницкий... При исполнении указанной присяги наименовал Хмельницкий быть вместе с собой под протекцией и державой пресветлого всероссийского монарха городам Киеву,

Брацлаву, Чернигову со всей Украиной и ее поветами аж по самую линию, то есть по реки Горынь, Рось и Тетерев».

Но исторические события не вмещаются в один день. Это медленный непрерывный процесс. Перенесшись мысленно в ту далекую эпоху, мы обнаружим, что большинство людей, населявших Украину, не только в дни Рады, но и вскоре после нее еще не знали, ЧТО произошло в Переяславе. В «стране казаков» не выходило ни одной газеты. Не было даже почты, регулярно доставлявшей письма. Информация распространялась через знакомых и... базары, куда раз в неделю съезжались торговцы. Естественно, она искажалась до неузнаваемости, обрастая чудовищными слухами, так, что никто толком не мог понять, с кем дружим сегодня и против кого воюем. Единственными более-менее надежными источниками были гетманские универсалы — из них, по крайней мере, можно было узнать официальную точку зрения.

Польский король Ян Казимир не мог предложить Хмельницкому ничего, кроме плахи.

На протяжении всего января и февраля 1654 года гонцы Богдана Хмельницкого и боярина Бутурлина развозили текст присяги царю по полковым городкам и сотенным местечкам. Писари зачитывали ее народу (не полковники и сотники, а именно писари, так как большинство казачьей старшины в те времена не умело писать!), люди слушали и присягали.

МАЗЕПИНЦЫ И БОГДАНОВЦЫ. Выбор Хмельницкого впоследствии имел немало критиков и горячих поклонников. В начале XX века в Киеве в день Переяславской Рады у памятника гетману собирались группки «мазепинцев» и «богдановцев», ругавшихся до одури, прав или не прав был Богдан. Но если отбросить патетику, у Хмельницкого просто не было другого выбора.

Как всякий политик он пытался решить две проблемы — сохранить страну и себя в качестве ее главы. Он перепробовал все прелести «многовекторности», так популярной у нас при Кучме: дружил с крымским ханом и турецким султаном, мадьярами и молдаванами,

получал военную помощь от русского царя, пытался мириться с поляками, но к 1654 году явно устал бегать между всеми навприсядки, отплясывая боевой гопак. И годы брали свое, и враги становились все сильнее.

Вряд ли Богдан подозревал, как вырастет Украина в результате его выбора. Он всего лишь хотел сберечь хутор.

Попытки «евроинтеграции» тоже ни к чему не привели. После каждого выигранного сражения с Польшей Хмельницкий заключал мирный договор. Он садился пить с польскими гетманами и военачальниками, которых хорошо знал по прежней службе Речи Посполитой, провозглашал тосты за здравие короля, обещал быть верным его слугой. Но пир заканчивался. Казаки возвращались в свой лагерь, а ляхи — в Варшаву, где снова набирали войско и шли на Украину возвращать все к тем порядкам, что были до восстания 1648 года. Видеть Украину даже в виде автономии, а Хмельницкого — ее главой — польская политическая элита, зараженная европейской манией величия, не желала.

Хмельницкий нужен был ей на плахе, а не в Чигирине — столице тогдашней казачьей державы.

Самому же Богдану приходилось то и дело краснеть перед своим «электоратом» за очередную попытку договориться с Варшавой. Вот как описывал «мир» 1649 года на Украине информатор русского правительства Кунаков в своем донесении: «А ныне де у Богдана Хмельницкого с поляками война будет впрямь по такой причине: когда хлопы из Войска Запорожского по пактам учили было приходиться в панские и шляхетские имения в дома свои, паны и шляхта их мучили и избивали и похвалялись: то де и вашему Хмельницкому будет, дайте нам справиться. И к Богдану Хмельницкому приходили хлопы, собралось больше 50 000 человек, и ХОТЕЛИ ЕГО УБИТЬ: для чего де без нашего совета с королем помирился?»

ЖИВОЙ И СО СЛАБОСТЯМИ. Став после смерти символом восточного выбора Украины, при жизни Хмельницкий не был памятником. Современники отнюдь не

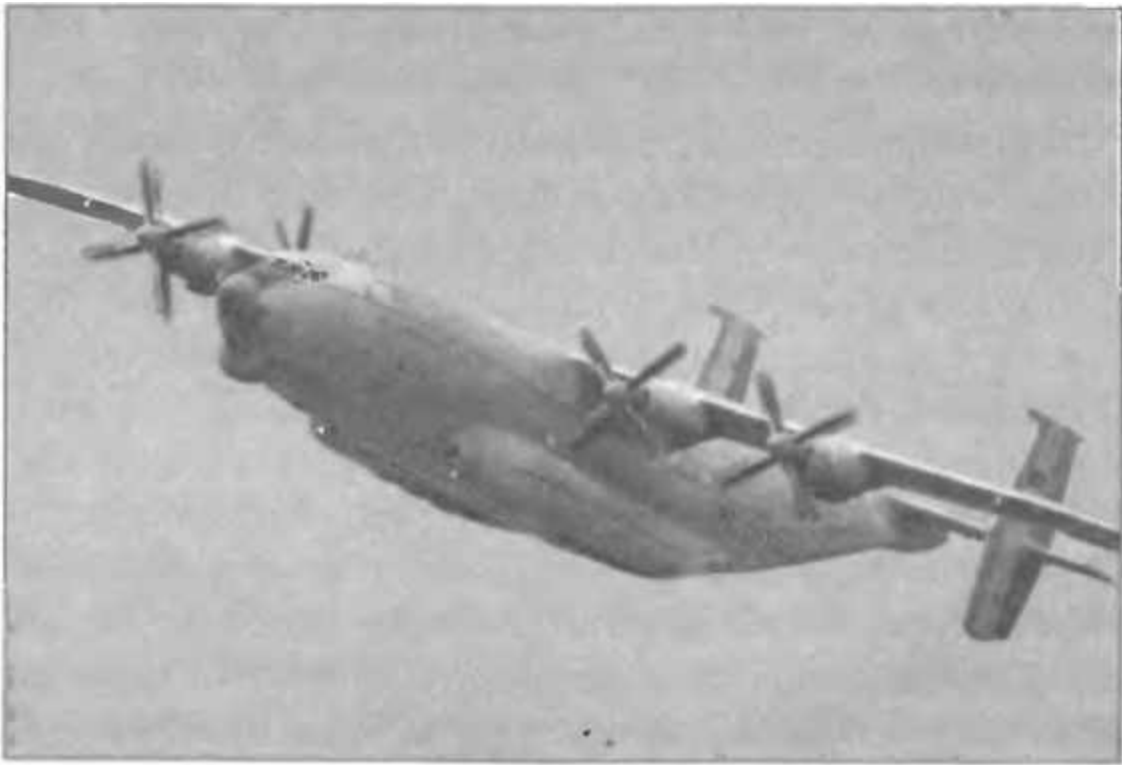
воспринимали его как идеал. Он хотел сохранить гетманскую булаву в своем роде и передать ее сыну. Больше всего его интересовала собственная усадьба в Субботове под Чигирином. Именно отобранный поляками хутор, на который Хмельницкий имел не больше юридических прав, чем Виктор Янукович на Межигорье, стал главной причиной для превращения Богдана из лояльного польского сотника в вождя казачьего восстания. Уверен, выбирая присягу московскому царю, гетман помнил и об этом «маетке» — Москва сразу же признала его имущественные права, которые Варшава упорно считала «самозахватом».

У гетмана была огромная проевропейская оппозиция. Украинские магнаты (да, именно украинские — некоторые из них даже сохранили православие, как Адам Кисель, а другие, как Вишневецкий, стали католиками лишь в первом поколении!) ни в грош не ставили Хмельницкого. Они называли его обычным бандитом, как и казаков. В сущности, по законам Речи Посполитой, постоянно апеллировавшей к «европейским ценностям», Хмельницкий и был преступником. Он отказывался признать над собой главенство этой самой Европы — римского папы, польского короля как светского носителя католического универсализма, международного торгового капитала, уже тогда через своих компраторов эксплуатировавшего сырьевые ресурсы Украины.

Галичина была против Хмельницкого. И Подолия. И шляхетская Волынь. Шляхетские ополчения галицко-волынкой шляхты сражались с гетманской армией под Пилявцами и Берестечком. Польскоязычный Львов (богатый тогда, в отличие от бедного нынешнего) откупился от войска Богдана в 1648 году гигантской суммой в миллион злотых. Даже Киев, о чем ныне забыли, не признавал гетмана безоговорочно — в нем было чрезвычайно сильно польское влияние, а часть жителей составляли поляки или люди, тесно связанные с прежней польской властью. Поэтому столицей пришлось сделать провинциальный Чигирин на границе с Диким Полем. Там гетман чувствовал себя увереннее, чем в старинной столице русских князей, где только Лавра безоговорочно хранила духовное наследие погибшей державы Рюриковичей.

Фальсификаторы истории пытаются навязать миф, что Хмельницкому пришлось выбирать между независимостью и подчинением Москве. На самом деле Богдан выбирал между двумя зависимостями — от Польши и от России. Первая сулила ему личное небытие — и физическое, и духовное. Второе — жизнь. Жизнь не только ему, но и его Украине — маленькой стране, полузадушенной «европеизацией» трех поколений польского владычества после Люблинской унии 1569 года. Гордо звучащая формулировка «по обоим берегам Днепра» сразу же теряет свою «пышность», если вспомнить уточнение Самуила Величко о ее южной границе — речке Рось. Южнее — татарские кочевья. Донбасса еще не существует — там тоже Крымское ханство. Слобожанщина (нынешняя Харьковская область) только-только заселяется беглецами с Правобережья, захваченного поляками.

Конечно же, Богдану было не суждено увидеть последствия своего решения. Он умер через три года после Переяславской Рады. Но его наследие осталось. Объединив усилия, жители Московской и Киевской Руси создали великое совместное государство. Потомки казачьей старшины играли в нем видную роль. Киевский коллегиум дал толчок Славяно-Греко-Латинской Академии в Москве. Возник новый литературный язык, на котором рядом с Пушкиным и Толстым создавали выдающиеся шедевры Гоголь и Булгаков. Вместе с русской армией запорожцы участвовали в покорении Крыма. Новые города с удивительной архитектурой (Одесса, Севастополь, Ялта) возникли на побережье Черного моря. Прежде на их месте были в лучшем случае убогие селенья. Теперь загорелись огни культуры.

«Антей». Самый крупный самолет в истории авиации не взлетел бы в Киеве, попади Украина под Европу.

ДРУГАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ. Это тоже можно называть европеизацией. Но европеизацией покорите лей, а не покоренных. Кто думал, что Разумовские, которых поляки трактовали как свинопасов, станут министрами и послами Российской империи в Вене, Неаполе и Стокгольме? Кто поверил бы, что фельдмаршал Паскевич, ведущий родословную от полтавского казака Пасько, возьмет в 1831 году Варшаву? Кто видел в день Переяславской Рады взлетающую в космос ракету, чьи двигатели произведены на днепропетровском Южмаше? Замечу, в Польше так и не научились делать ни ракеты, ни самолеты. Размах крыльев «Антея» (продукция Киевского авиазавода!) там невозможен ни при какой политической погоде.

«Зенит». Украинская ракета, произведенная в кооперации с Россией. Основа проекта «Морской старт».

По сути в Переяславе Богдан Хмельницкий заложил основу будущего интеграционного проекта. Одного из самых впечатляющих в мировой истории. Не только Одессы и Севастополя, но и Петербурга не было бы, поступи он иначе.

Забылись мелочные интересы и душевные слабости маленького сотника. В исторический анекдот превратился его хутор, из-за которого разгорелась польско-украинская война. Стерлись в массовом сознании подробности «шатаний» и «служб» будущего великого гетмана Турции и Польше. Остался только памятник в Киеве и булава в руке бронзового всадника, указывающая на Москву.

Сегодня то же великое противостояние Востока и Запада сотрясает Украину. Изменились технологии и состав «войск», но Львов, как и при Богдане, «за Европу», а Восток и Юг Украины — за союз с Россией. Покой в стране не наступит мгновенно, как хотелось бы. Чтобы прийти к процветанию, Украине после Хмельницкого пришлось пережить Руину. Это кризис на долгие годы. Политический. Экономический. Идеологический. Слишком долго у нас пытались совместить галицкую модель в культуре с днепропетровско-донецкой в экономике. Но действительность кострами в центре Киева недвусмысленно показывает, что это невозможно. Так Польша когда-то пыталась навязать католическую шляхту православному «хлопству». И никто не хотел отступить.

Будут еще ИСПЫТАНИЯ. Но ведь недаром же его звали Богдан?

22 февраля 2014 г.

Летописец Руины

Тридцать трудных лет. Период с 1657 по 1687 год получил в украинской истории название «Руина». Страна распалась только потому, что наши предки не умели договариваться друг с другом.

В бумагах гетмана Мазепы хранилось стихотворение, из которого стали широко известными две строчки: «През незгоду всі пропали, самі себе звозевали»... Некоторые исследователи считают, что его автором был сам Мазепа. Другие утверждают, что он просто переписал для памяти слова какого-то анонимного слагателя виршей. Как бы то ни было, гетман, по уверению Василя Кочубея, читал этот стих старшине на закрытых совещаниях в Батурине, пытаясь настроить свой ближний круг на единомыслие.

Карта немецкого мастера Гоманна. Отражает ситуацию начала XVIII века, сложившуюся в результате Руины и казачьих междоусобиц, когда страна оказалась разделенной.

Знаменитое стихотворение описывало ту эпоху в истории Украины, которую впоследствии назвали Руиной:

Всі покою щиро прагнуть,
А не в еден гуж тягнуть;.
Той направо, той наліво.
А ви браття: то-то диво!
Не маш любви, не маш згоди;

От Жовтої взявши Води
През незгоду всі пропали
Самі себе зоевали!..
Жалься, Боже, України,
Що не вкупі маєт сини!
Еден живєт із погани,
Кличєт: «Сюди отамани!
Ідїм матки ратувати,
Не даймо ей погібати».
Другий ляхам за грош служить,
По Вкраїні і той тужит...
Третій Москві юж голдуєт
І ей вірне услугуєт.
Той на матку нарікаєт
І недолю проклинаєт:
«Ліпше було не родити,
нежли в таких бідах жити!»

Автор стиха предлагал полагаться на оружие — на саблю, через которую, по его мнению, приходит право на вольность. Проблема была только в том, что вокруг Украины находились куда более сильные в военном отношении государства — Турция, Польша и Россия. Каждое из них претендовало на степную страну. Поэтому казаки, понимая ограниченность своих сил, и тащили поочередно их себе на помощь. Получался замкнутый круг — куда ни кинься, на кого ни положишься, а везде — или погибель, или потеря свободы.

Иван Выговский проще нашел общий язык с Польшей и Крымом, чем со своим побратимом Пушкарем.

Но если отбросить эти геополитические сложности, больше всего вредили запорожцам не соседи, а их собственные раздоры.

На Украину собирались люди своевольные, гулящие, ценившие свое собственное мнение и ни в грош не ставившие чужое. Польский шляхтич, лишенный прав за убийство или грабеж, бежал на Сечь и становился казаком. Татарин, не ужившийся с ханом, расставался с привычной жизнью в Крыму и бросался искать счастья в буйной казачьей республике. Московит, которому надоела служба царская, присоединялся к их компании. Еврей, решившись раздобыть начальный капитал для своих дальнейших торговых операций, тоже отправлялся на Запорожье, чтобы присоединиться к пиратскому походу или набегу. И, конечно же, русины — православные крестьяне, которым грозило закрепощение и работа в поле на пана.

Имена казачьей старшины говорят лучше всего о происхождении их обладателей. Из сподвижников Хмельницкого полковник Джеджалий был татарин, а Кречовский — поляком. И это не исключение. Достаточно взглянуть на перечень известных старшинских родов. Кочубеи — турки. Герцики, Марковичи и Перекресты — крещеные евреи. Драгомировы — сербы. Привычка менять прежнюю фамилию кличкой при вступлении на Сечь затрудняет установление корней многих казаков. Но то и дело из-под боевых «псевдонимов» выскакивают прежние генеалогические связи. Фамилия Литвин свидетельствует, что предки ее носителей пришли из Великого Княжества Литовского и были, скорее всего, белорусами, а распространение среди нынешних украинцев Москалей и Москаленков даже не нуждается в комментариях.

Полная опасностей жизнь на пограничье заставляла людей скрывать и мысли, и прошлое. Поэтому так трудно добиться на Украине правды. Даже имя самого известного историка эпохи Руины скрыто под псевдонимом. Историки знают его как Самовидца. Кем он был? Казаком? Шляхтичем? Представителем духовного сословия? Доподлинно неизвестно. Можно только предположить, судя по его информированности и грамотности, что Самовидец служил в гетманской канцелярии. Постоянно имея дело со служебными бумагами и новостями, он втайне от всех вел летопись. Время было бурное. Событий хватало, как и сегодня. Так одна из самых страшных эпох в истории Украины — Руина — породила одну из самых интересных казачьих хроник — «Летопись Самовидца». В отличие от парадных, «правильных» трудов современных историков, люди в ней ведут себя, как живые.

Вот как объясняет Самовидец причины Руины. В 1657 году умер гетман Богдан Хмельницкий. Казаки, собравшись в Чигирине на раду, хотели поставить новым гетманом его сына — Юрия. Но так как тот был мал по возрасту, согласились с мнением генерального писаря Выговского, предложившего себя во «временно исполняющего обязанности гетмана». Выговский брал на время походов войсковую печать у Юрася и подписывался под бумагами «на той час гетман Войска запорожского». По словам Самовидца, «Выговский почал промишляти о козаках: першая, жеби тих, которых был розумил незичливых соби, вытратити, другая, жеби оторватися от царского величества, учинити угоду з королем польским».

Иными словами, временно исполняющий обязанности гетмана начал кадровую чистку, убирая всех, кто относился к нему недоброжелательно, и поменял внешнеполитический курс — из подданства московского решил передать Украину в польское.

Наверное, у Выговского были для этого свои аргументы. До Переяславской Рады, которую по нынешним меркам можно считать «референдумом», именно в составе Польши Украина и пребывала. Ему хотелось вернуться «в Европу». А что Выговский ни с кем не советовался, тоже можно объяснить. Он был самым образованным человеком среди казачьей старшины — бывшим адвокатом. А его оппоненты были, как говорится, «от плуга». Вот он и не стал выставлять сложный вопрос на дебаты.

Чигирин. Все что уцелело от столицы Богдана Хмельницкого. Деревянные стены — реконструкция.

Но среди казаков сразу же возникла оппозиция новому курсу. Ее возглавил полтавский полковник Пушкарь. Видя, что Выговский забрал у младшего Хмельницкого бунчук и булаву, пишет Самовидец, а также начал нанимать драгун и польские хоругви и что без всяких выборов стал подписываться гетманом Войска Запорожского, Пушкарь восстал. Полки Нежинский и Стародубский, посланные на его усмирение, не стали воевать со своими и вернулись назад. А наемные польские хоругви, с помощью которых Выговский еще раз попытался овладеть Полтавой, полковник Пушкарь разбил. Одновременно он написал в Москву, что Выговский «сам соби гетманство привлащает», и попросил царские войска.

Москва отправила на Украину боярина Богдана Хитрово. Как ни странно, Выговский очень быстро нашел с ним общий язык — как утверждает тот же Самовидец, с помощью лести и подарков, и убедил, что ни в какую Польшу он идти не собирается. В Переяславе состоялась еще одна рада — куда менее известная, чем та, что произошла в 1654 году. На нее собрались только «полковники з сотниками опричь черни». Выговскому, с согласия московского вельможи, утвердили гетманство. Пушкарь пытался сорвать эту раду и рванул в поход на Переслав. Но боярин Хитрово приехал к нему и «особливии подарунки от царского величества отдал».

Иными словами, Москва искала компромисс между казачьей старшиной и пыталась помирить ее между собой. Но та отличалась такой бескомпромиссностью в борьбе за власть, что умиротворить ее было просто невозможно. Полковник Пушкарь и бывший писарь Выговский ненавидели друг друга больше, чем любых внешних врагов. Взяв подарки, полтавский полковник вернулся домой и «не захотил бути послушним гетману Выговскому и запорожцов, отлучивши от гетмана Выговского, до себе привернул».

Обычно перипетии этой первой склоки за булаву тщательно обходят. Выговский

считается сторонником прозападного курса. Пушкарь — промосковского. В зависимости от перемены политической ситуации, то одного, то другого из них историки объявляли «настоящим патриотом Украины».

Но обратите внимание на характерную деталь, заботливо сохраненную Самовидцем. Выговского утверждает гетманом Москва, Пушкарю та же Москва дает подарки, чтобы он согласился с таким выбором Кремля. Тот берет «отступное» и все равно пытается поднять против нового гетмана запорожцев, настаивая на «недемократичности» избрания. Мол, почему от выборов была отстранена Сечь? Почему дело решили только полковники и сотники кулуарно? Завязывается ситуация, которая впоследствии приведет к трагедии Черной Рады, на которой именно запорожцы силой протолкнут к власти своего кандидата Ивана Брюховецкого.

Козаки середины XVII в. Рисунок с карты французского офицера Гийома Ле Вассера де Боплана.

А люди ведь все при оружии! Люди убеждены, что «през саблю мають права», как будет сказано в том стихе, что процитирует старшине через полвека Мазепа, молодость которого как раз и пришлась на Руину. Пушкарь не хочет уступать. И Выговский не желает сдаваться. Каждый из них упрям. Договориться между собой не могут. Боярин Хитрово уехал в Москву по своим московским делам. Выговский чувствует себя неустойчиво. И тогда он находит то, что кажется ему «выходом» — посылает за подмогой к крымскому хану против Пушкаря. Посылал же Хмельницкий в Крым, когда собрался восстать против поляков? Правда, Пушкарь — не поляк. Он — «свой». Но Выговского это не смущает.

Весной 1658 года, сразу после Пасхи, татарское войско во главе с Карамбеем появилось возле гетманской столицы Чигирин. Гетман Выговский и предводитель орды съехались верхом в степи на тайный разговор. Самовидец явно был очевидцем этого события. В своих записях он даже отметил, что беседа нового гетмана с татарским военачальником

продолжалась около двух часов («годин дви зекгаровых»). Потом мурз и полковников пригласили в шатер Карамбея, где «учинили згоду з ордою».

Только после этого Выговский выступил на территорию Полтавского полка, контролируемого Пушкарем. Задолго до слов «мазепинцы» и «петлюровцы» на страницах украинской летописи впервые появилось слово «пушкаровцы» — для обозначения одной из противоборствующей группировок в гражданской войне XVII века. Кроме татарских войск, гетман вел с собой полки Прилуцкий и Черниговский.

Сначала взяли штурмом Дубны — бывшую столицу князя Вишневецкого. Потом осадили Гадяч. Тут «килька сот тых же пушкаровцев выстинали». Главная битва произошла под Полтавой.

«Летопись Самовидца» — по сути, наша первая украинская история, ключ к пониманию современности.

Решительный и горячий Пушкарь, не дожидаясь приступа Выговского, вышел из города вместе со своими казаками и запорожцами рано утром на Святую Троицу, ударил на табор осаждавших и «гарматы опановал». Но Выговский вскочил на коня, примчался в татарский лагерь и вместе с ордой выбил атакующих пушкаровцев из лагеря, а потом отрезал их от крепости. Пушкарь погиб в бою. Большинство его сторонников сложили головы. Полтава была взята и разорена. Именно с этого печального момента началась на Украине эпоха Руины.

После победы над Пушкарем гетман Выговский перешел в подданство Польши,

заключив с ней во взятом у Пушкаря Гадяче знаменитую унию. Это не принесло ему счастья. Польша помогала вяло. Москва объявила Выговского «изменником». Казаки, недовольные политикой гетмана, подняли восстание. Он бежал в Польшу и там был расстрелян — тоже по обвинению в... измене! Только теперь уже Варшаве, а не Москве.

Дальше события покатались, как снежный ком. Гетманы сменяли друг друга. На правом берегу Днепра сидел кандидат Запада. На левом — Востока. Часто они меняли ориентацию и из провосточных становились прозападными. Или — наоборот. Брюховецкий побыл в подданстве у царя, а потом решил выбрать в качестве ориентира Варшаву. Дорошенко стал турецкоподданным, но, утомившись многолетней борьбой за власть, сдался России и закончил дни московским воеводой.

Свои и чужие армии опустошали Украину от края до края. Да вскоре уже никто и не мог сказать точно, где «свои». Украинская Руина — такая же бессмысленная и беспощадная, как русский бунт, взяла верх над разумом. Так продолжалось ни много ни мало — три десятилетия! С 1657-го по 1687 год. Хотя мне кажется, что огонек Руины до сих пор тлеет в наших сердцах. Не знаю, вразумит ли кого эта статья. Но до сих пор не могу понять, почему Выговскому было проще договориться с Крымским ханством и Польшей, чем с Пушкарем? Какой бес их попутал?

P. S. Автор «Летописи Самовидца» прожил долгую жизнь. Последние записи в его хронике датируются 1702 годом. Его бесхитростное повествование, написанное ломанным, еще не установившимся украинским языком, с примесью большого количества полонизмов, — ключ к пониманию тайны нашей истории.

23 марта 2014 г.

Фиаско Казановы в «Русском мире»

Европейский авантюрист отправился на Восток после того, как примелькался на Западе. Великий соблазнитель, ставший символом мировой сексуальной революции, Казанова сформулировал свое кредо в мемуарах, написанных на исходе галантного XVIII века: «Предаваться чувственным наслаждениям составляло всегда главное занятие моей жизни. Рожденный для прекрасного пола, я любил его всегда и сам всячески старался возбуждать его любовь».

Джакомо Казанова. Несчастный ребенок в семье, где все любили его брата — «подкидыша» короля Англии.

Никто из наших «святош» не хочет рассказывать, что Казанова не только побывал в свое время на территории нашей страны, одним из первых попытавшись привить местному населению навыки европейской эротической культуры, и даже, ВОЗМОЖНО (!), оставил тут свое СЕКСАПИЛЬНОЕ потомство.

И ведь действительно хотел Казанова стать у нас принцем, хотел сделать своим мужским достоинством государственную карьеру, специально для этого приезжал в Петербург, Москву, Ригу и даже во Львов, добился аудиенции у самой Екатерины Второй, попытался ее соблазнить...

Смольный монастырь. В Петербурге Казанова не прижился.

Но давайте обо всем по порядку. Объяснить, откуда берутся на свете такие самоуверенные нахалы, невозможно, не побывав в Венеции, где Казанова родился в том самом 1725 году, когда Петр Первый умер, открыв своей безвременной кончиной столетнее «бабье царство» в России.

Джованни Джакомо Казанова появился на свет в семье актера Гаэтано Джузеппе Джакомо Казановы. Отец будущей мировой знаменитости влюбился в дочку венецианского производителя обуви Джеронимо Фарузи. Он выкрал 17-летнюю Цанетту Фарузи из родительского дома и обвенчался с ней. Дедушка-обувщик так никогда и не увидел своего внука — с горя он отдал концы еще до его рождения.

Для Венеции, несмотря на вольность ее тогдашних нравов, это было страшным скандалом. Узенькие венецианские улочки соединены многочисленными символическими мостиками между домами. Они означают, что семьи, жившие на разных сторонах улиц, когда-то породнились. Попросту говоря, девушка из одного дома вышла замуж за молодого человека из дома напротив. Таких мостиков до сих пор полно по всей Венеции. Но у отца Казановы не было дома. Его домом был театр. Выйти замуж за актера было все равно, что породниться с дьяволом. Актеров тогда даже не хоронили на кладбищах. Считалось, что у них нет души.

Между тем, Венеция во времена Казановы пользовалась славой самого веселого города Европы. Все тут словно подталкивало людей в объятия друг друга. Ажурные окна. Уютные закоулки. Дома свиданий. Несколько десятков театров. Весь город можно пройти из конца в конец всего за час. Тут улицы, как коридоры в наших хрущевках. Можно прислониться плечом к стене одного дома и дотянуться рукой через улицу до стены дома напротив.

Ведь, несмотря на мировую славу, Венеция, на самом деле, крошечный городишко. Во времена расцвета — в XVI–XVIII веках — тут жило не больше 120 тысяч человек. Сейчас и того меньше — всего 60 тысяч. Все в Венеции знали друг друга в лицо. Как же изменять женам в этом плавучем хуторе на воде?

Фридрих II предложил Казанове должность... любовника. Тот вежливо отказался. Он сам любил соблазнять.

Но венецианцы нашли выход, как удовлетворять свое либидо в этих стесненных условиях и одновременно скрывать его. Они изобрели МАСКУ. Точнее, множество масок. Маску Пьеро. Маску Арлекина. Маску Чумного Доктора (чума гостила в этом портовом городе часто, торопя людей наслаждаться). Эротичную женскую маску с разноцветными перьями. И мужскую с крупным, словно втягивающим запах удовольствий, носом. Венецианцы верили: какой длины нос, такой и член. Некоторые маски сделаны так, что в них можно целоваться, не снимая личины.

Кстати, у венецианцев можно поучиться тому, как хранить историческое наследие. Дом, в котором родился Казанова, сохранился до сих пор. Причем в первозданном виде. Как и все дома рядом. В этом квартале ничего не изменилось за 300 лет. Даже адрес тот же. И вообще в Венеции тоже ничего не изменилось. Во всем городе те же улицы и те же дома, что и во времена Казановы. Уцелел не только дом, где он жил в раннем детстве на воспитании бабушки, но даже адреса его любовниц.

Тут самое время сказать пару слов о маме Джакомо Казановы. О ее влиянии на

формирование его личности обычно вообще не вспоминают. А между тем, оно огромно. Мама у Казановы как бы была. А по факту ее никогда рядом не было. В детстве у Казановы часто шла носом кровь. Создатели фильма «Молодой Казанова» были вынуждены придумать эпизод с доброй мамой, которая вытирает своему любимому сыну окровавленный нос.

А в реальности кровь малышу Казанове вытирала бабушка. Так утверждал сам Казанова в своих мемуарах. Потому что мама постоянно была на гастролях — в Лондоне, в Дрездене, даже в Петербурге. Она была звезда. Ее любили самые богатые и влиятельные мужчины тогдашней Европы.

В Лондоне двадцатилетняя матушка Казановы стала любовницей принца Уэльского — будущего короля Англии Георга III. Младший брат Казановы Франческо родился от этой связи. Он был любимчиком мамы. И, естественно, ему доставалось все самое лучшее. Выучившись живописи, брат Казановы стал придворным живописцем австрийского императора в Вене. Он писал на заказ батальные картины. Очень дорогие и пользовавшиеся большой популярностью.

Итак, Европа знала при жизни не Джакомо, а Франческо Казанову — успешного и знаменитого младшего брата великого соблазнителя. А сам Джакомо был никому не нужен. Его вообще отдали в семинарию, чтобы сделать священником — по сути, КАСТРИРОВАТЬ, так как католическим попам запрещено заводить семью и вступать в сексуальные связи. Представьте, какое несчастье родиться в семье звезды, иметь знаменитого младшего брата — к тому же еще и сына короля, и практически не знать в детстве материнской ласки! Тут волей-неволей взбунтуешься!

Все маршруты взрослого Казановы будут рабски повторять места гастролей его матери. Он тоже бросится в Париж, в Лондон, в Берлин и в Петербург. И везде будет соблазнять, соблазнять и соблазнять женщин. Казанова словно искал в этих местах свою вечно отсутствовавшую мать!

Порхай, Амур! Один из ранних портретов венецианского соблазителя.

«Сангвинический темперамент сделал меня весьма чувствительным к приманкам сладострастия, — вспоминал Казанова на склоне жизни, — я отличался всегда веселым нравом и был всегда расположен переходить от наслаждения к наслаждению, тем более, что в этой области я был чрезвычайно изобретателен». А такая удачливость у противоположного пола не могла не вызывать зависти у тех, кто жил расчетливо и тихо, а значит, в отличие от Джакомо, скучно.

УЖАСЫ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. В 1755 году Казанова был арестован венецианским правительством и заключен в тюрьму Пьомби. Эта тюрьма и донныне находится в самом центре Венеции. Она соединена с Дворцом Дожей крытым переходом через канал. Во дворце выносили приговор и тут же уводили заключенного в тюрьму, где держали иногда до самой смерти.

Мы постоянно преувеличиваем гуманизм Западной цивилизации. Официально Венеция была республикой.

Но правили ею всего несколько олигархических семей. Плюс — всемогущая секретная полиция. Судьи даже не сообщили Казанове, за что и как надолго его заключили! Сам Казанова считал, что попал в тюрьму за хранение запрещенной цензурой литературы. У него нашли книгу «Зогар» — «Сияние» в переводе с древнееврейского. Это толкование Пятикнижия, входящего в Библию. Католическая церковь относилась к книге «Зогар», написанную одним из испанских раввинов в XIII веке, к числу крамольных.

Книгу, за которую Казанову заключили в тюрьму, сегодня можно спокойно купить в Венеции. Она считается одним из важнейших текстов кабалистики, адептами которой называют себя такие поп-звезды, как Бритни Спирс и Луиза Чикконе, прославившаяся под богохульным псевдонимом Мадонна.

Но в ночь с 31 октября на 1 ноября 1756 года Казанова бежал из тюрьмы Пьомби. За всю историю Казанова был единственным заключенным, которому удалось вырваться из стен этой тюрьмы.

Арсенале в Венеции. Сегодня тут все так же, как в XVIII веке.

В городе все спали после праздника. Казанова нанял случайного лодочника и никем не узнанный (за год заключения у него отросла борода, как у Робинзона Крузо) переправился на материк. Началось его знаменитое турне по столицам Европы, которое привело его в конце концов в Россию и на Украину.

Через несколько месяцев Казанова объявился в Париже и занялся там организацией лотереи. Сняв кассу, он перебрался в Голландию и открыл фабрику. Но обанкротился и снова сел в тюрьму. На сей раз — за долги. Выйдя на свободу, Казанова подался в Швейцарию, где познакомился со всемирно известным философом Вольтером. Чтение книги «Зогар» не просветило Казанову. Он зарабатывал на жизнь, как умел — в основном мошенничеством.

ИЗ МАРКИЗЫ В МАРКИЗА. Одной из самых блистательных афер Казановы стала попытка превращения маркизы д'Юрфе из женщины в... мужчину. Естественно, по ее просьбе. И за немалые деньги. Как писал Казанова в мемуарах: «Г-жа д'Юрфе была скупа. Тратила она никак не более тридцати тысяч ливров в год, а с остальными сбережениями играла на бирже. Она много раз говорила, что готова отдать все, чем владеет, дабы стать мужчиной, и знает, что зависит это от меня». Но время подобных операций еще не наступило. Мужчина из маркизы получился неубедительный. Казанова был вынужден бежать из Парижа, чтобы в очередной раз спасти свое мужское достоинство.

В таких хлопотах прошло почти десять лет. Казанове стукнуло сорок. Везде в Европе его хорошо знали. И везде при появлении его инициативной личности старались покрепче держать кошелек в кармане. Последней попыткой как-то устроиться в жизни на территории будущего Евросоюза и найти свое евросчастье был для Казановы визит в Берлин.

Казанова хотел поступить на службу к правившему в Берлине королю Пруссии Фридриху II. Друг Казановы Вольтер давно уже получал от этого просвещенного монарха пенсию. Фридрих устроил Казанове экзамен. Однако Казанова экзамен не сдал — ничего систематически делать он так и не научился, кроме как соблазнять женщин.

Но Фридриха интересовало совсем другое. Фридрих II был гомосексуалист и сам

соблазнитель — только сильной половины человечества. Король посмотрел на Казанову и неожиданно заметил: «А вы — красивый мужчина»... Казанова не хотел подчиняться начальникам до такой степени. От милости Фридриха Великого он бросился наутек в Россию — к Екатерине Великой, не способной отдавать подобные приказы.

Обычно европейские авантюристы бросались на Восток после того, как окончательно уничтожили свою репутацию на Западе. При Петре I в Россию ехали специалисты. А при Екатерине II — пародия на них. Вместо военных, флотоводцев и инженеров, в Петербург потянулись парикмахеры и чародеи — наподобие графа Калиостро, который обещал вернуть молодость и превратить ртуть в золото. Конечно, были и исключения, вроде Дерибаса и Ришелье, оставивших след в создании Одессы. Но Казанова не принадлежал к их числу.

Дворец Дожей. Рядом была тюрьма, откуда сбежал Казанова.

СВОИХ КАЗАНОВ ХВАТАЕТ. Не стоит преувеличивать глупость людей, управлявших Россией. Екатерина была ничуть не хуже осведомлена о подлинных талантах Казановы. Своих казанов вокруг нее и без итальянского Казановы хватало. Поэтому точно так же, как король Фридрих, наша императрица устроила заезжему иностранцу экзамен, чтобы выяснить, для какой службы, кроме постельной, его можно употребить.

Оказалось, единственная свежая идея, которую Казанова привез в страну «северных варваров» — замена календаря. Россия жила по юлианскому. Европа — по григорианскому, опережавшему в XVIII веке русский календарь на одиннадцать дней. Выслушав аргументы незваного гостя, Екатерина Великая резонно заметила, что не желает тревожить своих подданных без надобности. «На всех письмах за границу мы ставим две даты, — возразила она Казанове. — Одну по старому стилю, а другую — по новому, и все понимают, о чем речь». На этом аудиенция окончилась.

Выяснилось, что и по прямому своему роду деятельности — сексуальному — Казанова уже не очень употребим. Поизносился немного от частого употребления со случайными половыми партнершами. А у Екатерины был целый выводок братьев Орловых — один другого краше. Куда с ними было тягаться одинокому Казанове? Чуть ли не впервые в жизни любовь в России великому соблазнителю пришлось просто КУПИТЬ.

Как-то на окраине Петербурга Казанова увидел крестьянскую девушку необыкновенной красоты. Он погнался за прелестницей, но та заскочила в отцовскую избу. На переговоры с отцом красавицы отправился приятель Казановы, гвардейский офицер Зиновьев.

Екатерине II Казанова пытался впарить календарь. Но та предпочла жить по-старому.

Вот как описывает эти переговоры в мемуарах сам Казанова: «Зиновьев спросил у отца, не хочет ли он отдать дочь в услужение.

Отец согласился, но потребовал сто рублей за ее девство.

— А коли я выложу сто рублей?

— Она будет вам служить и вы будете вольны спать с ней.

— А ежели она не захочет?

— Так не бывает. Вы — барин — велите ее высечь.

— А какое жалование ей положить?

— Ни гроша. Кормите, поите, отпускайте в баню по субботам и в церковь по воскресеньям.

— А когда я покину Петербург, волен ли я понудить ее ехать со мной?

— Нет, если только не получите особое дозволение, оставив залог. Пусть она ваша холопка, а все государева крепостная».

Казанова покинул Россию, так ничего и не достигнув. Календарь менять не стали. Девки давали только за деньги. Его путь лежал в Варшаву, а оттуда — в Галицию — в город, который в своих мемуарах он называет Леополисом. Леополис — это Львов. В буквальном переводе — «город Льва». Странно, но посетив Западную Украину, Казанова ни разу не назвал ее Украиной, а ее жителей — украинцами.

Впрочем, в XVIII веке никто в мире не называл Галичину Украиной, а галичан — украинцами. Их именовали «русинами», а Галичину — «воеводством Русским» Речи Посполитой, то есть, Польши. Украиной и украинцами все это станет только в XX веке.

Львовяне очень гордятся тем, что в их городе побывал Казанова. Туристам даже показывают гостиницу, где он якобы останавливался. На самом деле гостиница построена уже после смерти Казановы. А где он останавливался, точно не известно. Как пишет сам Казанова в мемуарах: «В Леополе, что они прозывают Лембергом, я остановился в трактире, откуда пришлось съехать, чтобы поселиться в доме кастелянши Каменецкой».

Зато Казанова сообщил, чем он занимался во Львове: «В Леополе я неделю забавлялся с прелестной девицею, что в скором времени так сумела приворожить графа Потоцкого... А в общем, женщины в тех краях некрасивы. Так повидал я Подолию, Покутье и Волынь, что через несколько лет стали именоваться Галицией и Лодомерией, ибо не могли перейти во владение Австрийского царствующего дома, не сменив названий. Ныне Царства Польского не стало».

«ИЗНУРЕНИЕ» ЛЬВОВОМ. Галичина отошла к Австрии в 1772 году после первого раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией. Казанова дописал, что Польши «не стало» прямо на полях своей книги. И не будет Польши до самого 1918 года, когда она снова воскреснет, прихватив назад Галичину.

Стремясь у нас многие в Европу. А даже не подозревают, насколько там не помнят о нашем существовании. Вот тому яркий пример. В русском издании мемуаров Казановы поездка во Львов переведена дословно. А в английском переводе — новейшем — 2006 года (!) все львовско-галицкие приключения Казановы опущены. Как будто их и не было. Только короткое примечание после купюры: «После отъезда из Варшавы Казанова был изнурен посещением экзотических городов на Востоке Европы». И все. ИЗНУРЕН! Изнурен Львовом и прочими «экзотическими городами». Вот это и есть европейский ответ на иллюзии наших казановофилов.

12 октября 2013 г.

Эта уродливая, нищая, варварская Европа...

Европа всегда была самым несчастным местом на Земле. Она первой истощила свои ресурсы.

Дома в Германии строили из фахверка — то есть из смеси всяческих отходов.

Почему феминизм родился в Европе, но ни в Азии, ни в Южной Америке его нет, хотя женщин там значительно больше? Почему дома в Германии уже тысячу лет назад строили из фахверка — то есть из смеси всяческих отходов? Почему именно европейцы «открыли» для себя весь мир, начиная с Колумба, отправившегося «за Индиями», а не мир открыл Европу? Почему Европа — родина всех человеконенавистнических идеологий — расизма, нацизма и антисемитизма? Почему Великобритания придумала первый концлагерь еще во время англо-бурской войны в конце XIX века? На полвека раньше ГУЛАГа. И почему она же провела первый голодомор в том же столетии, сократив наполовину коренное население Ирландии? Никогда не задумывались об этом, читатель, когда вам приходит в голову присоединиться к ЕС?

Голодомор в Ирландии. Организовала «старая добрая Англия».

А мне пришли как-то одновременно все эти вопросы и встали строем, виновато свесив головки вопросительных знаков.

Но сначала эпизод двадцатипятилетней давности. Лето 1988 года. После второго курса университета меня призвали в Советскую Армию. Ту самую, агрессивней которой пугали Запад. В конце курса молодого бойца было что-то вроде собеседования. Командир роты спросил одного из солдат: «Хочешь служить в роте охраны?» «Хочу», — ответил боец. «А почему?» «А я люблю оружие, товарищ старший лейтенант. Когда беру автомат, страшную силу чувствую. Только и жду, когда же Партия даст приказ идти покорять эту проклятую Европу и разрушать эксплуататорский капиталистический мир! Готов шагать до самой Атлантики».

Этот солдат по фамилии Карась, родом, как и я, из Киева, был качком, размерами мало уступавшим сверхпопулярному тогда Шварценеггеру. Но командир роты и замполит, услышав шутовскую «арию Карася», к себе его не взяли. Два года он прослужил солдатом в спортзале — наводил кисточкой разметку на баскетбольной и волейбольной площадках. Этот случай

прекрасно демонстрирует, почему ни Россия, ни Советский Союз, ни, тем более, Украина никогда не ходили и не пойдут в завоевательный поход на Запад. И почему Запад регулярно на Русь в такие походы ходил. ПЕРВЫМ!

Если наши войска оказывались в Европе, то только нанося ответный удар. Мы — не агрессивны по отношению к ней. Это Европа всегда вызывала нашу ответную защитную реакцию. И шли тогда русские казаки по Парижу, а советские танки — по Берлину.

На военной кафедре перед армией меня год учили, что главный вид боя для нас — наступление. Но наступательного духа в 1988 году в Советской Армии не было. Ручаюсь как ее рядовой запаса. В шутку я даже говорил нашим офицерам: «Вы нас собрали, чтобы мы тут жрали, ср...ли и за собой убирали. А все вы служите в твердой уверенности, что Третья мировая никогда не начнется». Офицеры смеялись: «Правильно все понимаешь, студент!».

Уже после того как все мы вместе распустили Советский Союз, я наездился по Европе и понял, какая она маленькая. Утром выезжаешь из Киева на автомобиле, а к обеду следующего дня за спиной у тебя Польша, Германия, Австрия, а сам ты — в Италии. И к вечеру можешь быть во Франции. Покорить эту «почтовую марку», наклеенную на глобус, проще простого, если ты Атилла, и тебя достали. Образно говоря, растоптать копытами коней или намотать на гусеницы танков. Но не растапывали и не наматывали, потому что жалели ее, подлую.

Зато сама Европа редко кого жалела. Именно потому, что она маленькая. И значит, злая! Есть такой эксперимент: если в клетке размером в квадратный метр разместить двух крыс — самца и самочку, — они расплодятся в геометрической прогрессии. И даже если этим копошащимся грызунам давать вволю еды и питья, они устроят войну на взаимоистребление. За территорию. У каждой крысы просто крышу сорвет от постоянного трения о себе подобных.

Маленькая Европа — как раз такой крысятник. Она впервые исчерпала свои природные ресурсы еще полторы тысячи лет назад — когда распалась Римская империя. Нас восхищают римские дороги и акведуки, сохранившиеся по всей Европе. Но ради них пришлось вырубить леса нынешней Италии и Франции. Строительство требовало огромного количества крепезного леса. Топили тоже дровами. Ораву римских граждан нужно было кормить и развлекать. В один прекрасный момент все это кончилось. И леса, и гладиаторы на аренах, и римляне, способные их наловить. Ведь граждане, способные на поступки, погибли в многочисленных войнах, а в самом Риме остались только трусы и извращенцы, очень напоминающие наших городских алкоголиков и наркоманов.

Если бы вы знали, из чего оно! А внешне все выглядит так красиво.

Варвары с Севера и Востока — германцы и гунны — получили в наследство изрядно попользованный континент. Вот вам и ответ, почему рядовой немец уже в X веке строил свой дом из фахверка. Не из камня, не из кирпича, не из дерева, как наши предки славяне, у которых лесов было в избытке, а по первой эрзац-технологии. «Фахверк» в буквальном переводе — «домик-клетка». Каркас-клетку строили из дерева, которое было уже в дефиците. А промежутки заполняли чем угодно — глиной, соломой, булыжниками, кирпичами и даже, пардон, сушеным коровьим дерьмом. Все это красиво красили, цветочки под окно — и приходи, кума, любоваться. Добро пожаловать в наш Франкфурт из фахверка! Боже, как оно горело, это пятисотлетнее коровье дерьмо (воистину историческое!), когда его бомбила англо-американская авиация во Вторую мировую! Так пылало, что даже первый в истории человечества огненный шторм зафиксирован тогда же в Гамбурге.

Друг у друга на головах. Картины Питера Брейгеля (1525–1569) наглядно демонстрируют, что уже 500 лет назад Европа была перенаселена.

Земли в Европе патологически не хватало. Везде — барон на бароне. Все поделено, измерено, учтено, заложено и перезаложено. Отсюда — тяга к дальним странствованиям со шкурным интересом. Японцам на Европу было плевать. Китайцам — тоже. Негры в Африке жили, как дети в раю — друг дружку ели и с того сыты были. А европейцу интересно, где что плохо лежит. Где негр бегаёт без присмотра или китаец излишки риса завел, которые у него можно изъять в обмен на опиум.

Колумба понесло в Индию с голоду, а не от жажды дальних странствий. Все три корабля в его экспедиции взяты в аренду. Один профинансировали испанские евреи. Два других — король и жадные гранды, по-нынешнему — олигархи. А голодуха стояла в Испании, как в Бухенвальде. Сквозь кожу живота гордого идальго хребет прощупать можно было. — Помните такого испанского писателя — Артуро Переса Риверте? И его цикл романов о капитане Алатристе? Среди героев этого цикла некий поэт — Франсиско де Кеведо. Персонаж не придуманный. Такой поэт существовал в действительности. Родился в 1580-м. Умер в 1645-м. От огорчения перед испанской действительностью. Он тоже написал роман — «История пройдохи по имени дон Паблос». Один из первых европейских романов. С типично европейским героем — пройдохой.

Герои этой книги никогда не наедаются. Более впечатляющих картин голода нет ни у одного другого писателя. Вот дон Паблос поступает на учебу в закрытый пансион и обнаруживает, что туалет там отсутствует в принципе. За ненадобностью. Когда незадачливый студент спрашивает «у одного давнего обитателя сих мест, где находится отхожее место», то получает ответ: «Не знаю; в этом доме его нет. Облегчиться же тот единственный раз, пока вы будете здесь в учении, можете, где угодно, ибо я нахожусь тут вот уже два месяца, а занимался этим только в тот день, когда сюда вступил, вот, как вы сегодня, да и то потому, что накануне успел поужинать у себя дома». То и дело автор пишет: «Ужин был отложен на утро». Или: «Если кто чем-либо закусывал, так только вши моею грешной

плотью». И все в таком духе.

Нищие. Еще одна картина Брейгеля о «прекрасной европейской цивилизации».

Заметьте, к моменту написания романа Колумб уже больше ста лет как открыл Америку. В Испанию идет поток золота из колоний. А жрать все равно нечего. И по всей стране бродят толпы безработных дворян, вроде дона Паблоса, и ищут, чем бы пообедать. А одеты они в сплошные лохмотья: «Шелковые чулки нельзя было назвать чулками, ибо они спускались от колен вниз только на четыре пальца, остальное прикрывали сапоги».

Да, это литературная гипербола. Но вся Испания, за исключением верхушки, узнавала себя в этих героях. Она тоже редко обедала и постоянно перешивала старую одежду, зияя прорехами на штанах и камзолах. Как раз поэтому в Европе легко было найти солдат для наемных армий. В армии (но только в период войны!) хотя бы кормили и одевали. Слава Богу, хоть войны в Европе шли долгие. То Столетняя, то Тридцатилетняя.

Все имеет смысл и причину. Почему, к примеру, в Европе было так много рыцарских орденов, где каждый рыцарь одновременно являлся монахом, а на Руси ни одного? Почему православные священники имели право жениться, а католические соблюдали целибат — обет безбрачия? Как они его соблюдали, мы догадываемся. Но ни семью, ни детей и рыцарь-монах, и католический поп заводить не могли. А ответ-то лежит на поверхности. Все дело в ограниченности ресурсов. Часть мужчин преднамеренно лишали возможности воспроизводиться. Куда деваться второму сыну в дворянской семье? Первый унаследует отцовское поместье. А второй? Или третий? Им один путь. В монахи, в Орден тамплиеров, в священники, в наемники с теоретической надеждой завести семью, если уцелеет или не подцепит венерическую болезнь во время походов. В России и Украине, напротив, — любое поместье делили на всех сыновей. Земли-то навалом! И расширяться можно было на юг до

Черного моря, а на восток — до самого Тихого океана. Потому-то и попы наши сытые и женатые. С явно обозначенным грехом чревоугодия, торчащим из-под рясы.

Великий Мальтус говорил, что нужно «сокращать» европейцев.

Но, несмотря на массовые эпидемии и бесконечные войны, даже на эмиграцию в открытый Колумбом Новый Свет, население Европы все равно росло гигантскими темпами. С 1800 по 1913 год оно почти утроилось, достигнув 458 миллионов человек. Этот скачок произошел на глазах всего лишь трех поколений. И конца ему не было видно. Среднегодовой прирост в Великобритании составлял 13,2 человека на тысячу. В Германии — 7,4. Европа была перенаселена половозрелой молодежью, не знавшей, на какой алтарь себя положить.

В 1798 году, как раз накануне этого последнего демографического взрыва, то есть массового производства «лишних людей», дотошный английский священник Томас Мальтус опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения». По мнению Мальтуса, безудержный рост человеческой популяции могли остановить только войны, эпидемии и голод.

Мальтуса с его ужасными предупреждениями проигнорировали, и заниматься сексом без контрацептивов, имевших в те наивные времена вид бараньей кишки, меньше не стали. Но при жизни автора «Опыт о законе народонаселения» выдержал шесть изданий, что свидетельствовало об актуальности темы! Правота Мальтуса была блестяще доказана на практике в результате двух мировых войн XX века.

Главная их причина — отсутствие места в жизни для двух поколений молодых людей в Германии, Великобритании, Франции и Италии. Они нашли его под Седаном и Верденом, в холодных волнах Атлантики, в песках Северной Африки и на бескрайних русских равнинах вплоть до Волги. Потери европейцев в процентном отношении были ужасны. Еще вчера мужчин в Европе было в избытке. А в день победы — уже дефицит. Женщины впервые стали занимать мужские места — и не только на производстве, но и в... постели.

Есть такой немецкоязычный роман, ветерана Первой мировой Йозефа Рота — еврейского юноши из городка Броды на нынешней Западной Украине. Сюжет его таков. Главный герой — офицер австро-венгерской армии — женится в первые дни войны. Но вместо брачной ночи отправляется на фронт. Когда он через четыре года возвращается в Вену

из русского плена, то обнаруживает, что его супруга стала лесбиянкой и живет с подругой, а мужа и знать не хочет. Веселая такая книжка. Но с грустным юмором. Она прекрасно объясняет, из чего вырос современный феминизм. Из банальной нехватки мужчин. В природе тоже так бывает. Из двух кошек, оставшихся без самца, одна через некоторое время начинает изображать «кота». Как умеет, конечно. То есть крайне неубедительно.

Самый высокий прирост населения в XIX столетии демонстрировала Британия. Поэтому на ее совести и первый искусственно организованный голодомор — в Ирландии. Это случилось в 1845–1849 годах. В России еще существовало крепостное право и каждый помещик был обязан раздавать хлеб крестьянам в неурожайные годы. А в Ирландии крестьяне являлись «лично свободными». Только без земли. Они ее арендовали у британских дворян, захвативших эту страну еще в XVII веке. Основу рациона простого ирландца составлял картофель. Но из-за неурожая есть стало нечего. А добропорядочные англичане все равно требовали арендную плату — ведь у нас правовое государство, где каждая сторона должна выполнять свои обязательства! Четверть населения Ирландии как языком слизало. По разным подсчетам — от половины до полутора миллионов человек сразу. Последствия были еще страшнее. Ирландцы от такой аграрной политики стали массово бежать в Америку. Есть точные цифры. Если в 1841 году Ирландию населяло чуть больше 8 млн человек, то в 1901 — всего 4,5 млн! Как вам такое удовольствие от жизни под управлением государства с первым в мире парламентом, да еще и в Европе?

15 июня 2013 г.

Эта уродливая, нищая, варварская Европа-2

Корни правосознания европейские правители прививали, заливая свинец в горло фальшивомонетчикам.

Европа — рай для женщин. Там изобрели чулки и рыцарей, распевавших стихи о прекрасной даме. Как бы не так! Сказку о Синей Бороде помните? О том самом благородном джентльмене, который строго-настрого запретил своей жене заходить в заветную комнатку. А она зашла и обнаружила тела семи своих предшественниц, плавающих в крови. Так вот, это вовсе не сказка! У Синей Бороды был реальный исторический прототип. Нет, не сподвижник Жанны д'Арк маршал Жиль де Рэ. Тот был, по одной версии, маньяк, заманивавший и расчленявший детей в своем замке, после того как их изнасиловал. А по другой — жертва продажного французского правосудия, которое приписало ему все эти преступления — попросту говоря, выполнило «заказ» короля по устранению с политической арены известного героя.

«Несение креста». Картина Иеронима Босха демонстрирует печальное состояние зубов в Европе XV века.

КОРОЛИ-МАНЬЯКИ. Прототип Синей Бороды — один из королей Бретани Кономон Проклятый, живший в начале V века н. э. Прозвище его больше подходит серийному убийце. Между тем, Кономон был из самого что ни на есть благороднейшего семейства — родной внук римского императора Магна Максима. Его жена Трифина обнаружила в подвале трупы трех своих предшественниц. Конечно, это не семь, как в сказке Шарля Перро. Но,

согласитесь, тоже страшно.

«Притча о слепых». Типичный европейский пейзаж в исполнении Босха.

У Кономона было странное психическое отклонение. Как только очередная его супруга беременела, он не только терял к ней сексуальный интерес, но и проникался таким отвращением, что тут же приканчивал несчастную. Любопытной Трифине маньяк Кономон тоже отрубил голову, хотя та и пыталась сбежать от него. Нечего говорить, что с такими генами Кономону не удалось продолжить династию — только оставить печальный след в истории.

Почти через полторы тысячи лет в доброй просвещенной Англии с отличной полицией, и Конан Дойлем, сочиняющим детективы, дальний «коллега» Кономона, по кличке Джек Потрошитель, вспарывал животы лондонским проституткам. Личность убийцы так и не удалось установить — как утверждают некоторые, потому, что он был человеком, близким к... королевской семье.

Если это и легенда, то совершенная правда, что король Англии Генрих VIII (1491–1547) казнил двух из шести своих жен! И даже новую религию — англиканство — ввел только потому, что Римский Папа отказывал дать ему очередной развод, чтобы он вступил в «законный брак» с очередной своей жертвой. Англичане до сих пор исповедуют эту разновидность христианства, порожденную больным воображением короля-женоненавистника. Иван Грозный, по сравнению с этим Генрихом, — милое травоядное создание. По крайней мере, ни одну из своих семи «супруг» этот царь не порешил, как его современник, управлявший Британией, в которой уже триста лет как был двухпалатный парламент, одобрявший деяния своего короля. Можете представить, что за сумасшедшие заседали тогда в этих «палатах».

Французское общественное мнение в ту же эпоху одобряло убийство мужьями изменивших жен. Все помнят сюжет романа Дюма «Графиня де Монсоро». В нем граф заманивает любовника своей супруги Бюсси д'Амбуаза (все действующие лица — исторические персонажи) в ловушку и убивает с помощью своих друзей. В реальности во Франции случались уголовные преступления на семейной почве и похлеще. Причем на самом вершине — там, где живут только «первые леди».

Убить неверную жену считалось в Европе благородным делом. И жгли изменщиц, и топили...

К примеру, жену Людовика X — 25-летнюю красавицу Маргариту Бургундскую, изменившую ему с королевским конюшим, — задавили, по приказу любящего супруга, матрасом, так как изменщица была еще и отъявленной упрямицей и не хотела давать королю развод. Думаете, кто-то из подданных был против и заклеил монарха-убийцу? Наоборот — все одобрили. Так как точно так же поступали со своими собственными супругами — разномастными французскими леди второго, третьего и четвертого сорта.

В сборнике «Сто новых новелл», написанном в 1456–1467 гг. при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго, есть рассказ о некой даме, которую муж заманил вместе с ее любовником-священником и служанкой-сводницей в волчью яму и, натаскав туда соломы, сжег. Автор этого произведения заканчивает свой рассказ следующей моралью: «И сгорело там все общество: жена, священник, служанка и волк. После этого он уехал из страны и послал к королю с просьбой о помиловании, каковое получил без труда. А ныне передавали, будто король сказал, что жаль только сожженного волка, который в грехе остальных был невиновен». Думается, комментарии излишни — таковы были нравы прекрасной Франции эпохи Возрождения.

Король Людовик Сварливый задушил свою жену Маргариту Бургундскую, придавив матрасом.

Вы спросите, почему герой Льва Толстого дикий казак говорит, узнав об измене жены: «Если узнаю, что сена на зиму не запасла, то побью. А если запасла, то прощу», а благородные французские дворяне и честные мещане убивали своих благоверных без пощады и угрызений совести? А все потому же! Русь-матушка — велика и обильна. Только порядку в ней нет. А западный человек с правовым сознанием уже тогда любил строгую законность. Изменила спутница жизни — голову с плеч долой! Чтобы не кормить прижитого от другого мужика младенца. Ресурсов-то в Европе всегда было в обрез — вокруг одни лишние рты!

Зато Запад уже тогда любил развлекать себя историями, которые впоследствии станут сюжетами для фильмов-ужасов, мыльных опер и просто порнухи, порожденной пылким воображением. Просто не могу отказать себе в удовольствии — поделиться кратким содержанием новеллы тринадцатой французского сборника «Гептамерон», который сочинила сестра короля-сифилитика Франциска I Маргарита Наваррская. Текст авторский — строго от Маргариты: «Юноша лет четырнадцати-пятнадцати, думая, что он улегся спать с одной из девушек, живших у его матери, в действительности разделил ложе с собственной матерью, и через девять месяцев она родила дочь, на которой он же спустя двенадцать или тринадцать лет женился, не зная ни того, что она его дочь, ни того, что его сестра, равно как и она не знала, что он — ее отец и вместе с тем брат».

Развалюшка. Низок был уровень жизни европейца Средних веков.

Вы будете удивляться, что во Франции разрешили гомосексуальные «семьи»? Так к этому давно шло — еще с XVI века. У них и «нормальная» сексуальная жизнь, как видите, полна аномалий. Скоро, уверен, Европа разрешит браки матерей с сыновьями, дочерей с отцами, братьев с сестрами, бабушек с внуками и всех вместе взятых с дикими и домашними животными — от слонов до кроликов. А как же иначе? Ведь это же «права человека»! Свободу самовыражения истинного европейца нельзя запретить — иначе это будет насилием над его сверхценной личностью, которая служит примером для остального человечества.

О ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧЕСТНОСТИ. Наши люди уверены, что мы — от природы склонны к воровству и коррупции, а в Европе — все наоборот. Наивная детская ошибка. Таких воров и разбойников, как в Европе, нигде не было и нет. Браконьер Робин Гуд — символ старой доброй Англии. Громила по прозвищу Железный Зуб — любимый герой средневековых фламандских легенд (это там, где ныне Бельгия — столица ЕС). Есть еще такой проходимец Тиль Уленшпигель. В советские времена показывали фильм «Легенда о Тиле», где этот персонаж стараниями талантливых режиссеров Алова и Наумова (сценарий — их же) был сделан символом благородства и народной мудрости. Но все это — интеллигентские бредни.

Тиль Уленшигель. Памятник Жопочисту в городе Мельн (Германия).

В переводе со старонемецкого Тиль Уленшигель — это Тиль Жопочист. Такой типичный изысканный европейский юмор. Первая книга о нем вышла в Страсбурге в 1515 году — на заре книгопечатания. Пользовалась у публики бешеной популярностью. Многократно переиздавалась. Почему — можете догадаться. Главы ее говорят сами за себя: «Как Уленшигель в городе Штрассфурте обманул пекаря на целый мешок с хлебом», «Как Уленшигель залез в улей, а ночью пришли двое и хотели этот улей украсть», «Как Уленшигель нанялся к священнику и съел у него жареных кур с вертела», «Как Уленшигель выдал себя за лекаря», «Как Уленшигель возил с собой череп, чтобы им морочить людей, и собрал таким образом много пожертвований», «Как Уленшигель в Эрфурте обманул мясника на кусок мяса», «Как Уленшигель во Франкфурте-на-Майне обманул на тысячу гульденов евреев и продал им свое дерьмо под видом вещей ягод», «Как Уленшигель продал одному сапожнику вместо сала мерзлый навоз», «Как Уленшигель в Ганновере наср...л в бане, считая, что это «дом очищения» и, наконец, как верх остроумия: «Как Уленшигель в Бремене готовил для своих гостей жаркое, которое никто не стал есть, потому что он прыскал маслом из задницы».

Потомок Уленшпигеля. Немец украл украинскую курицу в 1941-м.

ПРОДАВЦЫ ЕВРОНАВОЗА. Легко сделать вывод, что подлинный герой народной немецкой книжки — мошенник, негодяй и просто нечистоплотная свинья. Ни в дом, ни в баню пускать такого нельзя. Цель его жизни — надуть всех, кого видит, и нагадить везде, где ни появится. А как же иначе?! Это типичный европеец той эпохи. Чтобы отучить его от природной склонности к аферизму, приходилось принимать жесточайшие законы. В те времена, когда вышла книжка о «Жопочисте-Уленшпигеле», фальшивомонетчиков в Германии казнили, заливая им в глотку раскаленный свинец, из которого они подделывали деньги, или живьем варили в кипящем масле, медленно опуская в котел. А простые немцы стояли на площади и любовались на это зрелище, проникаясь его педагогическим эффектом.

Вспомните, что делали немецкие «уленшпигели» первым делом в украинских деревнях во время войны? Резали свиней и воровали кур. Порочные наклонности европейцев наиболее зримо проявляются, когда приходят очередные Гитлер с Геббельсом и лишают их «химеры совести». Жестоко наказывая за внутриевропейскую агрессию, ЕС выплескивает ее вовне. Чуть не истребив друг друга в бесконечных войнах, Европа сделала один вывод: бомбить Париж и Берлин нельзя, а Белград и Ливию — можно.

Я обещал рассказать об истоках европейского антисемитизма. Обратите внимание. Один из подвигов Уленшпигеля — история о том; как он продал евреям свое дерьмо. В Средние

века иудеев часто обвиняли в нечестной торговле и ростовщичестве, время от времени изгоняя их то из одной, то из другой страны. В XIII веке — из Англии. В XIV — из Франции и Германии. В XV — из Испании. Но откуда впервые появились евреи в Европе?

В I веке Израиль и Иудею завоевала Римская империя. После серии еврейских антиримских восстаний тогдашние европейцы провели одно из первых «переселений народов». Империя разрешила евреям селиться везде, кроме того места, которое они считали своей родиной, — Палестины. Рассеянный по всей Европе маленький народ, которого лишили земли, стал зарабатывать, как умел — в том числе и давая деньги в рост. Но так как в Европе и еды, и денег всегда не хватало, а вооруженной силой евреи не располагали, их было удобно ненавидеть. И время от времени просить сменить место жительства.

Многовековой конфликт имел в основе давнюю победу римских легионов в далекой колонии. Именно она стала толчком и для удивительной еврейской живучести, и для бесчисленных антисемитских идеологий вплоть до последней попытки «окончательно» решить «еврейский вопрос» уже в XX веке. Тиль Уленшпигель — предшественник Гитлера. С этим ничего не поделаешь.

Но концлагерь, будем справедливы, придумали не немцы, а англичане. В 1899 году они отправились завоевывать Южную Африку. Там были тогда две республики, населенные потомками голландских колонистов — буров. Буры были такие же белые, как и англичане. Но свою черную землю отдавать им не хотели. Началась массовая партизанская борьба. Тогда подданные королевы Виктории додумались сгонять мирных жителей вместе с женщинами и детьми в загоны, окруженные колючей проволокой. Там они и сдыхали — от голода и болезней.

Мера оказалась чрезвычайно мудрой и эффективной. Мужчины-буры, видя, как умирают их жены и детишки, утратили волю к сопротивлению и сложили оружие. Точная цифра погибших в этих лагерях не известна до сих пор.

Военным корреспондентом в тех местах был будущий премьер-министр Уинстон Черчилль. Но концлагеря в своих репортажах эта хитрая бестия даже не заметила — обошла молчанием. Зато немцы, всегда завидовавшие англичанам и все слизывавшие у них — от флота до танков, обратили внимание на новое изобретение британского гения и довели его до совершенства в Бухенвальде и Заксенхаузене.

Ислам не делит людей на высшую и низшую расы. Кто бы вы ни были, но, приняв веру Пророка, вы станете полноправным членом мусульманского общества. Для православия не важен цвет кожи и разрез глаз. Важно только, веруете ли вы в истинного Бога. Чернокожий предок Пушкина стал русским помещиком и генералом. В американских колониях Великобритании в ту же эпоху он был бы только рабом. И лишь Европа додумалась до расизма. Сначала она верила, что потомки негров и белых бесплодны, как мулы. Отсюда термин — мулат. Потом, уже в XIX столетии, домаразмировала до классического расизма. Ей было нужно оправдать свое стремление к колониальным захватам. Отбирая землю и все, что в ней, у других, важно верить, что ты делаешь благородное дело — несешь бремя высшей расы по облагораживанию низшей. Но правда заключается только в европейской тесноте, постоянном дефиците и жажде заполучить чужие ресурсы.

То же самое они хотят сегодня и от нас, навязывая пропаганду гомосексуализма и верховенство европейского права. Их права повелевать нами. Все, кто думают иначе, или дураки, или наивные люди, не понимающие происходящего, или проходимцы, уже прикормленные за дешевые гранты. Цель Европы — не нести цивилизацию. Этой цели у нее

никогда не было. Цель Европы — грабить. Делать то, чем промышлял Уленшпигель — продавать дерьмо. Но я хочу напомнить слова Геббельса, которыми его озарило в 1945-м, когда очередной эксперимент по «европеизации» провалился. Министр пропаганды Третьего Рейха сказал тогда: «Сверхчеловек пришел с Востока».

22 июня 2013 г.

В Долину Смерти въехала бригада...

Более 160 лет назад, 25 октября 1854 года, в Крыму произошло одно из самых знаменитых и дурацких сражений в мировой истории. Перепутав приказ, британская кавалерия полезла в лоб на русские пушки.

Наверное, это было красиво. Ровные ряды кавалерийских полков Ее Величества двинулись с места. Качнулись шлыки на медвежьих шапках гусар. Затрепетали флажки на уланских пиках. Пять полков отборной британской кавалерии неторопливой парадной рысью пошли в атаку. Топот копыт по твердому грунту выгоревшей крымской долины становился все сильнее. Отборные лошади. Выдрессированные люди, давно разучившиеся рассуждать и способные выполнить даже самый глупый приказ. Чудесный осенний день конца октября в Крыму, когда солнце уже почти не греет и не нужно потеть в суконном мундире, так раздражавшем британских солдат летом, когда Восточная армия королевы Виктории высадилась на полуострове.

Долина Смерти под Балаклавой. Британская гравюра точно передает начало атаки Легкой бригады. Сегодня там все по-другому — вся долина засажена виноградниками.

И тут грянули русские пушки. В упор. Батарейным залпом. И первые убитые рухнули на землю, еще не зная, что они — просто пища для придворных поэтов и талантливых режиссеров, художников и просто журналистов, прикомандированных к штабу британского командующего лорда Реглана. В общем, всех тех, трупных червей, что высокопарно назовут это место Долиной Смерти, а бессмысленную со всех точек зрения атаку Легкой бригады — подвигом и образцом служения воинскому долгу. А пушки все гремели. А мертвые один за другим валились на землю. И 25 октября далекого 1854 года становилось великим военным мифом, в котором каждый может найти свое и трактовать его, как хочет.

Атаку Легкой бригады любили снимать в кино. Ей посвящено два художественных

фильма. Один черно-белый 1936 года. (Сам факт, что Голливуд зацепил эту тему, когда звуковое кино еще только делало первые шаги, не нуждается в комментариях — дельце сулило явную прибыль, как же можно было пройти мимо.) И другой, уже цветной 1968 года, снятый британским режиссером Тони Ричардсоном и считающийся классикой батального кино. Этакая британская «Война и мир», где есть все — и жена лучшего друга, которая становится любовницей главного героя капитана Нолэна, и туповатые британские генералы, и несчастные английские солдаты, которых порют до крови за дисциплинарные проступки, и чудные киноляпы (как же без них даже в Европе!). К примеру, русский офицер, отдающий приказ своим артиллеристам, почему-то кричит не «Огонь!», а «Огня!» Но если отбросить такие мелочи, то фильм Ричардсона действительно один из лучших в жанре — почти, как «Ватерлоо» нашего Сергея Бондарчука.

А еще было стихотворение любимого поэта королевы Виктории, лорда Теннисона. И поэма Киплинга. И даже песня «Кавалерист» рок-группы «Айрон Мейден», воспевавшая Легкую бригаду в стиле тяжелого металла. А о поделках документалистов даже не приходится говорить — им нет числа.

Атака легкой кавалерии настолько ударила на Западе в голову романтикам, что даже Черчилль в 1944 году во время Ялтинской конференции попросил отвезти себя на место знаменитого боя. Он долго там бродил в разгар совсем другой войны, в которой англичане и русские уже не убивали друг друга, а сражались в одном ряду. Историки до сих пор спорят, ЧТО он там искал. Вроде бы кто-то из его родственников погиб в Долине Смерти. Только никак не могут этого родственника вычислить. Но у меня есть более простое объяснение. В атаке легкой кавалерии среди других полков участвовал и родной полк сэра Уинстона — 4-й гусарский, называвшийся тогда еще 4-м легким драгунским. Наверняка, гусару, ставшему премьером, хотелось побывать на месте безумного подвига своих предшественников-однополчан.

В общем, для англичан эта давняя история — аналог нашего мифа об Александре Матросове. Только еще масштабнее. Ведь в лобовую атаку на русские пушки кинулись сразу шесть сотен «героев», вряд ли подозревавших, что они творят. Миф этот настолько вездесущ, что может настичь тебя даже там, где его совсем не ждешь. К примеру, в мою жизнь он вошел в лихие 90-е на Сенном рынке в Киеве — в маленькой лавке на галерее второго этажа, торговавшей списанным военным барахлом. Среди американских штанов эпохи Вьетнамской войны и красного швейцарского камуфляжа я неожиданно обнаружил британскую синесерую фуражку с черепом и костями. И купил ее за 100 гривен, просто пленившись этой кокардой. Я даже не подозревал, что покупаю. А потом, порывшись в справочниках, выяснил, что фуражка принадлежит 17-му уланскому полку — одному из пяти, участвовавших в атаке легкой бригады.

Кокарда на фуражках 17-го уланского. В Долине Смерти солдаты этого полка столкнулись с киевскими гусарами.

И вот теперь снесли Сенной рынок, утверждая, что он «обветшал». И нет той лавчонки. И давно расформирован 17-й уланский, не выдержавший сокращения британской армии после окончания Холодной войны — остался от него только один эскадрон в Королевском уланском полку. А фуражка осталась. И время от времени я вынимаю ее из шкафа и смотрю на серебристую кокарду — череп, кости и надпись: «Or glory». Что значит: «Или слава».

И честно говоря, выбираю совсем другое. Не нужна мне такая слава. Возьмите себе.

Атаке Легкой бригады предшествовала самая обычная управленческая ошибка. Ее породила некомпетентность британского командования и несовершенство системы управления. Ранним утром 25 октября на заре Балаклавского сражения Азовский пехотный полк русских захватил турецкий редут. Было еще темно. У турок началась паника. Они бежали, бросив еще три редута и 9 британских пушек, для которых служили прикрытием. Русские пехотинцы запрягли лошадей и потащили трофеи в свой тыл. Дело сразу же началось с удачи! Пушки были фетишем той эпохи. Взять оружие или сдать его врагу считалось великой славой и таким же несмываемым позором. Британский командующий лорд Реглан — старый ветеран, потерявший руку еще в сражении при Ватерлоо, тут же прибыл к месту прорыва и отдал приказ Легкой бригаде вернуть орудия. Приказ был послан с гонцом — капитаном Нолэном в виде записки. Ни радио, ни телефонов еще не существовало. Дословно он гласил: «Лорд Реглан желает, чтобы кавалерия быстро двинулась к линии фронта, преследуя противника, и ПОПЫТАЛАСЬ воспрепятствовать неприятелю увезти прочь орудия. Отряд конной артиллерии тоже может присоединиться... Немедленно».

Командир британской кавалерийской дивизии, в которую входила Легкая бригада, лорд

Лукан НЕ ВИДЕЛ никаких пушек. Штаб Реглана находился на горе. Конница Лукана — в долине. Естественно, ее обзор был ограничен. Дело осложнялось отвратительными отношениями между высшими британскими офицерами. Все — аристократы. Каждый мнил себя центром земли. Поэтому в приказ попадало много лишних вежливых слов, затруднявших восприятие. Что значит: «Попыталась воспрепятствовать»? Это атаковать или нет?

Вперед, Британия! Атака Легкой бригады обогатила множество художников, поэтов и режиссеров.

Командир Легкой бригады, лорд Кардиган, ненавидел Лукана, хотя они были родственниками, и тут же высказался за немедленную атаку. Между генералами завязался спор. Оба пытались выяснить, где же находятся невидимые пушки, которые следовало вернуть? Но капитан Нолэн, считавший обоих спорщиков просто старыми дураками, нервно указал рукой в противоположную сторону долины: «Там! Там ваши пушки!» И Лукан уступил. Две бригады (впереди Легкая, а за ней — на расстоянии Тяжелая), медленно набирая скорость, двинулись в бой.

Впоследствии из Нолэна сделают героя. В фильме Ричардсона он показан юным благородным энтузиастом — воплощением гуманного отношения к солдатам и несправедливых придирок со стороны старшего начальства. В реальности в момент сражения под Балаклавой ему уже исполнилось тридцать шесть лет. Далеко не мальчик. Автор двух книг по лошадиной науке — теории применения кавалерии в бою. В звании капитана Нолэн явно задержался. Что не удивительно — в середине XIX века в британской армии еще ТОРГОВАЛИ офицерскими чинами, а у него, видимо, не было денег, чтобы купить полк, как лорд Кардиган, приплывший на Крымскую войну на собственной яхте с персональной ВАННОЙ и запасом шампанского.

Наверное, над Нолэном подшучивали — книги пишет, а до сих пор капитан. И в самый ответственный момент он действительно перепутал направление удара. И указал не в ту

сторону — как раз туда, где стояли готовая к приему британских гостей 3-я Донская конноартиллерийская батарея и за ними два гусарских полка — Ингерманландский и Киевский. Двенадцать русских орудий на отличнейшей позиции.

Да и как Нолэну было не перепутать? Я бывал в тех местах — Федюхины высоты, Семякины, Сапун-гора... Все похоже на все. Особенно, когда трава выгорает. Сверху — видно и понятно. Снизу — сам черт не разберет. Особенно, когда черт подкрался к капитану, страстно жаждущему стать генералом. А нервы и амбиции — плохой помощник на войне.

Но в последний момент Нолэн, видимо, понял, что ошибся. И поскакал вдоль строя к Кардигану, что-то крича. И был убит первым же залпом русской картечи. Атака продолжилась. Мертвец Нолэн по сути вел ее в Долину Смерти. А Лукан и Кардиган оказались просто статистами, слепо выполнявшими перепутанный приказ. Рядовые же кавалеристы вообще ничего не подозревали. Им сказали. И они пошли. Куда? Все равно — генералам лучше известно.

Чего еще можно было ожидать от обычных английских безработных, завербовавшихся в кавалерию, чтобы не подохнуть с голоду? В викторианской Великобритании, выходящей с помощью Крымской войны из очередного экономического кризиса, для них был уготовлен только работный дом, куда они могли попасть как бродяги. А армия — это бесплатный ром, красивая форма и королевское жалованье. Почему бы простому парню и не проехаться в Крым за счет королевы? Перечитайте на досуге «Оливера Твиста» Диккенса — это как раз о тех временах. Старая добрая Англия, уровень рождаемости в которой был самым высоким в Европе, стравливала избыток населения в Долину Смерти. Раз уж его не вмещали Канада и Австралия, Новая Зеландия и Северо-Американские Соединенные Штаты, куда каждому «лишнему» британцу тогда тоже была открыта дорога. Но ведь не все же хотят просто работать лесорубами или ковбоями — то есть пастухами. Кому-то хочется и убивать за деньги, чтобы в свою очередь рисковать быть убитым.

В общем, все было, как всегда. И я, ей богу, не скажу, кто там под Балаклавой оказался большим дураком — Лукан, Кардиган или капитан Нолэн. И никто не сможет установить, какой бы вышел из убитого Нолэна генерал — талантливый мясоруб, вроде Наполеона, или бездарный. Ведь каждый, даже самый тупой генерал когда-то был подающим надежды молодым капитаном.

Ясно только, что порыв и дрессура (простите — выучка) британских безработных во главе со скучающими лордами оказались настолько сильны, что им удалось даже доскакать до русских позиций и смять Киевский и Ингерманландский гусарские полки, на которых с перепугу навалились уральские казаки. Смешного и трагического в Долине Смерти хватало с обеих сторон — «бесстрашные» казачки чуть было не украли у русской армии 100-процентную победу. Увидев, КАК атакуют англичане, они драпанули и смяли ряды своих же гусар, которые были вынуждены встретить англичан в расстроенных боевых порядках. Но в этот момент с высот прямо во фланг Легкой бригаде лупонула еще одна русская батарея, и англичане за секунду потеряли все, что приобрели вопреки тупости своего командования. «И тут их — писала газета «Таймс», чей корреспондент Уильям Рассел наблюдал атаку, находясь при штабе Реглана, — потерявших строй, рассеявшихся по долине — смел фланговый залп батареи на холме. Раненые и потерявшие лошадей кавалеристы, бегущие к нашим позициям, красноречивее любых слов свидетельствовали об их печальной судьбе — да, они потерпели неудачу, но даже полубоги не смогли бы сделать большего... В 11.35 перед проклятыми московитскими пушками более не осталось британских солдат, кроме мертвых и

умирающих»...

Капитан Нолэн был видным теоретиком «лошадиной науки». Но на практике запутался на местности.

Легкая бригада осталась без лошадей и почти без людей. К исходной позиции добрались только ковыляющие инвалиды да еще почему-то лорд Кардиган верхом на породистой лошади, который выглядел так, словно вообще ни в чем не участвовал и больше всего хотел наказать капитана Нолэна, перерезавшему вопреки субординации дорогу своему генералу. Кардиган успокоился только, когда ему показали труп этого «нахала». Вся атака заняла 20 минут — примерно столько же, сколько вы потратите на чтение этой статьи!

Потом заседала специальная комиссия британского парламента. Целью ее было установить, какой идиот послал на верную гибель целую бригаду. Лучшая в мире демократия работала, как часы. Но так и не нашла виновных, сославшись на роковые обстоятельства. Чего, мол, не бывает на войне?

Я же назвал бы все это пышное безобразие «несчастливым случаем» под Балаклавой, выпавшим на долю бедняг из Легкой бригады. Но ведь война — это сплошной несчастный случай. Разве не так? Глядя на фуражку 17-го уланского с черепом и надписью: «Или слава», — я думаю: какой небогатый выбор! Ведь дым славы ничего не стоит, если не

поднимается над горшком с кашей.

И никто даже не заметил, что в Долине Смерти погибла не просто кавалерийская бригада. 25 октября 1854 года начался не только закат кавалерии, но и самоубийственной аристократической идеологии как мирового мейнстрима. В Долину Смерти намылилась вся старая феодальная Европа. И только пушки всегда правы. Пушки и деньги, за которые они куплены. А пытаться победить их голой саблей еще более глупое дело, чем садиться голым задом на ежа. Скрытые самоубийцы, конечно же, со мной не согласны. Но нам с ними гулять разными долинами.

24 октября 2014 г.

Свободное Конго — людоедские корни ЕС

Брюссель — столица Евросоюза до сих пор не признала массовое уничтожение людей в Африке.

Да никакая мы не европейская нация! И знаете, почему? Мы — добрые! Наши предки ведьм массово не жгли и неграм руки не рубили за невыполненные нормы сдачи каучука изобретателям «евростандартов». А Европа рубила! Причем, совсем недавно. Чуть больше ста лет назад. А впереди этой гуманитарной мясорубки шествовал тот самый Брюссель, в котором находится теперь столица Европейского Союза и который так часто критикует Украину за несоблюдение гуманитарных норм. Да так браво шествовал, что даже остальные европейские колонизаторы приходили в ужас: мол, дорогие господа бельгийцы, нельзя же так! Ведь вы просто подрываете веру в благородную миссию белого человека, несущего цивилизацию отсталым племенам.

Свободное государство Конго короля Леопольда. Несчастный отец смотрит на ступню и кисть своей пятилетней дочери, съеденной плантационной полицией.

КОНГО

История, которую я расскажу (уверен, подавляющему большинству украинских читателей она совершенно не известна) лишний раз доказывает, что самое главное в этой жизни — пиар. Вы можете быть последним негодяем и убийцей, но если купите правильную «европейскую» бумагу, удостоверяющую, что вы — человеколюбец и благотворитель, любая мерзость сойдет вам с рук. Даже если на завтрак вместо апельсинового фреша вам придет в голову пить кровь новорожденных младенцев. Я так думаю, эта традиция завелась в Европе еще с тех средневековых времен, когда любой душегуб покупал у католической церкви индульгенцию с отпущением грехов. Заплатил деньги — и можешь снова выходить на разбойничью дорожку. Никто тебе и слова не скажет.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ. Ну, какие ассоциации вам приходят в голову при слове Бельгия? Наверное, писающий мальчик в Брюсселе, выражение «цивилизованная европейская страна», где мирно уживаются два государственных языка. Фламандская школа живописи — Рубенс и прочие великие художники, передающие щедрость бытия. Тиль Уленшпигель — символ героического сопротивления Фландрии испанцам. А люди, подкованные в истории, вспомнят еще, что агрессивная Германия дважды нарушала бельгийский нейтралитет — в 1914-м и 1940-м годах. В общем, почтеннейшая репутация! Никому даже в голову не придет, что среди граждан этой милой страны могли массово рождаться маньяки, покровительствовавшие людоедам из далекого африканского Конго во имя научно-рациональных методов эксплуатации этой колонии.

Главным же бельгийским маньяком, покровительствовавшим африканским людоедам, был король Леопольд. Не нужно путать этого персонажа с котом из мультфильма, прославившимся фразой: «Ребята, давайте жить дружно!». Этот Леопольд принадлежал к династии Саксен-Кобургов, носил порядковый номер «второй», а дружелюбными

леопольдовскими фразами прикрывал самые гнусные делишки. Тот еще был котяра!

К моменту вступления нашего Леопольда на трон в 1865 году Бельгия была одним из самых молодых европейских государств. До 1830 года никакой Бельгии не существовало. В средние века эти земли называли Южными Нидерландами. Сначала они принадлежали Бургундии, потом — Испании, а до конца XVIII века — Австрии. Из страны в страну Южные Нидерланды переходили по династическому праву наследования. Не оказалось у бургундского герцога Карла Смелого наследника по мужской линии — так и пошли эти земли гулять по рукам между его дальними августейшими родственниками.

Бельгийского короля Леопольда называли «маклером на троне». Делал деньги даже из человечины в Африке.

Потом появился Наполеон и все подгрел под Францию. После его успокоения в 1815 году на Венском конгрессе Южные Нидерланды присоединили к королевству Голландия, срочно созданному по английскому заказу. Главной целью существования этой региональной «сверхдержавы» было прикрытие Великобритании от вторжения с континента. Кому ни придет в голову высадиться в сердце британской короны — французам или немцам, а на их пути Голландия, независимость которой гарантирует британский Джон Буль со своим флотом.

ИМЕНИ ЕВРОЛЮДОЕДОВ. Правда, очень скоро англичанам стало казаться, что голландцы слишком задирают нос. И они инспирировали в 1830 году в Южных Нидерландах, населенных преимущественно франкоговорящими гражданами, «национально-освободительную революцию». Когда голландский король ее подавил, заняв Антверпен и уже подойдя к Брюсселю, Великобритания заявила, чтобы он немедленно забирался назад в свою Голландию. Иначе немедленно высадит на континенте свои войска. Так и возникло Бельгийское королевство.

В той же гордой леопольдовской позе красуется брюссельский мальчик — символ столицы Евросоюза.

Название ему в срочном порядке вытащили из учебника истории. Когда-то в стародавние античные времена, которых, если верить московским прохиндеям Фоменко и Носовскому, вообще не было, будущую Бельгию населяло кельтское племя белгов — дикое и кровожадное, любившее приносить человеческие жертвы и отрезать головы. Юлий Цезарь это племя истребил в корень — принес, так сказать, в жертву римским богам. Только память и осталась. В честь этих древних европейских людоедов и назвали страну, где теперь столица Европейского Союза.

РУССКИЙ ПОЛКОВНИК. Корону Бельгии англичане подарили папочке Леопольда II — тоже Леопольду, но Первому. По той простой причине, что он находился в родстве с британской правящей династией. Связи, коррупция, рука руку моет... А как вы думали? Именно то, с чем теперь так борются просвещенные европейцы, и привело старшего Леопольда на трон! Впрочем, первый Леопольд был не только мелким германским принцем, но еще и русским полковником. На службе России он командовал лейб-гвардии Кирасирским полком в наполеоновских войнах, получил за храбрость золотую шпагу и даже дослужился до генерал-лейтенанта.

Кандидатуру этого бравого отставника на бельгийский престол Великобритания, естественно, согласовывала с Россией. Петербург дал добро. Леопольд I устроил всех. Он въехал в Брюссель на белом коне, присягнул на верность бельгийской конституции, срочно написанной по такому поводу, женился на французской принцессе, которая была моложе его на 22 года, и стал мирно править, никого особенно не задирая. Что и понятно — навоевался в молодости. День въезда Леопольда I в Брюссель — 21 июля 1831 года — теперь один из главных бельгийских праздников.

И вот у этого героя-кавалериста родился наследник — маленький мерзавчик Леопольд

II. С детства он отличался порочными наклонностями и одновременно талантливым умением выдавать себя за хорошего мальчика. Юному бельгийскому принцу больше всего хотелось кого-то мучить, грабить и наживаться на чужом горе. Видимо, в нем говорила кровь его предков — феодальных разбойников. Но Леопольд II понимал, что в центре Европы после отрубленных голов французского Людовика XVI и британского Карла I особенно разгуляться ему не дадут. Он остерегался мучить бельгийцев. Наоборот, все время расхваливал бельгийскую конституцию и хвастал, как соблюдает права бельгийского народа. Наш Леопольд придумал себе развлечение на стороне — в далекой Африке, где ему никто не мешал.

ХОЧУ ФИЛАНТРОПСТВОВАТЬ! Леопольд стал убеждать всех, что хочет покровительствовать наукам — особенно географическим исследованиям. В 1876 году он организовал за свои средства, не влезая в государственный бюджет, Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Центральной Африки. Бельгийских граждан это только радовало. Пусть король развлекается! Лишь бы не лез в наши дела.

Генри Стэнли с негрятенком. Открыл дорогу Леопольду II в дебри Конго.

Сразу же после своего возникновения Ассоциация кота, простите, короля Леопольда, направила в Африку экспедицию, которую возглавил знаменитый путешественник и журналист Генри Стэнли — корреспондент лондонской «Дэйли Телеграф» и американской «Нью-Йорк Геральд». Дело было поставлено с размахом. Рыцарь свободной прессы ехал не сам, а под охраной отряда из двух тысяч человек! Официально ребята занимались географическими исследованиями. В реальности же вынюхивали, что где плохо лежит. Путь экспедиции лежал в Конго — огромную центральноафриканскую страну в районе экватора.

Еще с XVI века именно в этих местах добывали негров-рабов. Чернокожие жители США — в основном, потомки выходцев, точнее, «вывозцев» из этих мест. А места там были гиблые для европейцев из-за малярийных болот и мухи цеце — переносчика сонной болезни. Поэтому белые в Конго нос особенно не совали — предпочитали действовать через посредников, нанимая наиболее агрессивные племена негров для отлова других чернокожих.

Подданные короля Леопольда. Под охраной и в цепях — а то убегут.

Но к 1876 году, когда Леопольд основал свою ассоциацию по вопросам дальнейшей цивилизации, этот бизнес захирел. Рабство запретили во всем мире, кроме Бразилии. А рынок той уже был по уши насыщен чернокожими предками будущих великих футболистов. Леопольда интересовало, нельзя ли чем-то работоторговлю заменить? Причем, в тех же местах, где она недавно процветала и с использованием тех же местных кадров? Например, можно ли завести в Конго плантации бразильской гевеи, дающей материал для резины — каучук?

ШИНЫ И ПРЕЗЕРВАТИВЫ. Каучук интересовал Леопольда по двум причинам. В Европе, активно ходившей в публичные дома, как раз изобрели презерватив и массово запустили в производство. Но материал для него приходилось завозить из Бразилии — монополиста этого сырья. Бельгийский король ломал голову, как бы ему по логистике найти местечко поближе для производства каучука и нажиться на производстве «резинок»? Такого ремесла король Леопольд совершенно не стеснялся. Его тесть австро-венгерский император Франц Иосиф, выдавший за правителя Бельгии свою дочь, даже называл зятя «маклером в короне».

Кроме того, в Европе входили в моду велосипеды. Вместе со здоровым образом жизни. Для производства велосипедных шин тоже необходим каучук. Все это радовало короля Леопольда. Шины и презервативы — именно то, что было ему нужно для торговых операций. А тут и Стэнли вернулся из Африки с приятной новостью, что Конго — отличное местечко для каучуковых плантаций. И климат, и народ там — что надо!

За Африку шла ожесточенная борьба между великими европейскими державами — Англией, Францией и Германией. Используя противоречия между ними, Леопольд II выпросил себе Конго. Ну зачем вам, великим державам, эта жуткая страна с малярийными комарами и мухой цеце? Там же жить нельзя! Давайте я возьму на себя благородную миссию просвещения всех этих баконго, бапенде, баквезе, баяка, байомбе, басуку, нгомбе, мбуджа,

локеле, мабинджа и прочих племен, в которых сам черт ногу сломит! Я, Леопольд, готов нести бремя белого человека! Ну, неси, — сказали великие европейские державы. И Леопольд понес.

В 1885 году Леопольд II на Берлинской конференции, в которой участвовали Германия, Великобритания, Франция и Россия, добился права на создание Свободного государства Конго — своего личного владения, не подконтрольного никому, кроме короля Бельгии. В соответствии с условиями генерального акта Берлинской конференции, Леопольд обещал «подавить работорговлю», содействовать «гуманитарной политике»; гарантировать «свободную торговлю в колонии», не накладывать «никаких импортных пошлин на двадцать лет» и «поощрять благотворительную деятельность и научные предприятия».

Леопольд II в деле. Карикатура XIX в. на порядки в свободной Конго.

В реальности же Леопольд стал в Конго самодержавным монархом с титулом «короля-суверена». Ни Калигула, ни Нерон, ни все тираны древности, вместе взятые, не сделали того, что совершил в Африке скромный конституционный монарх маленькой Бельгии. И даже Гитлер уступал ему в скорости уничтожения завоеванного населения. Как подсчитали историки, люди в Конго во времена короля Леопольда гибли быстрее, чем заключенные немецких концлагерей во Вторую мировую войну!

Леопольд II ввел в Конго крепостничество, заставив местных негров вкалывать на каучуковых плантациях. Налоговую полицию бельгийцы наняли из бывших негров-работорговцев. За невыполнение трудовых норм эти «налоговики» могли запросто съесть

плохого работника, а отрезанные кисти рук предоставляли администрации короля Леопольда для отчетности. Да-да! Именно так и было! На этом и стоит современное роскошное здание Евросоюза!

Слопали своих соотечественников конголезские верноподданные бельгийского короля столько, что скоро от человечины их просто воротило. Не может человек все время переедать! Поэтому сотрудники «плантационной милиции» часто просто отрубали кисти рук живым: уйди, чернокожий брат, душу от тебя воротит, но старику Леопольду нужно вещественное подтверждение нашей службы. Он должен знать, что мы трудимся на совесть.

Кроме того, «король-суверен» завел в Свободном государстве культ своей личности и даже столицу назвал собственным именем — Леопольдвиль. Так она и называлась до 1966 года, пока ее не переименовали в Киншасу.

Денежки, полученные от бизнеса на каучуке и человечине, похотливый Леопольд II тратил на содержание своей любовницы Бланш Делакура. По иронии истории, она носила фамилию знаменитого французского художника и имя, которое в переводе означает «белая». Европейские журналисты называли эту особу «императрицей Конго». Король построил красавице виллу на Лазурном берегу, имел от нее двух внебрачных детей и даже женился на ней за несколько дней до смерти. Результатом этого семейного счастья стало то, что население Конго с 1885 по 1908 год сократилось вдвое — с 20 до 10 млн человек. Там произошел самый настоящий геноцид.

Бесконечно так продолжаться не могло. Леопольд наглед, начал вводить пошлины. А конкуренты его не дремали. В американских и европейских иллюстрированных журналах стали массово появляться фотографии несчастных негриков из Конго, любующихся на то, что осталось от их съеденных родственников. Ручки, ножки, черепушки приятно удивили европейского обывателя. Разразился международный скандал. Так вот как, оказывается, Леопольд II занимается «исследованием и цивилизацией» Конго! Под давлением международной общественности в 1908 году престарелого короля заставили отказаться от персональной колонии. Контроль над ней взяло непосредственно государство Бельгия. Так возникло Бельгийское Конго, заменившее Свободное государство Конго короля Леопольда.

Факт геноцида конголезского населения Бельгия не признает до сих пор. Мол, это сами черные убивали себе подобных. А мы тут ни при чем. И вообще борцы за права человека не любят вспоминать эту тему. Очень уж она неприлична на фоне звезд и идеалов Европейского Сообщества.

«СЕРДЦЕ ТЬМЫ». На память о бельгийской оккупации Конго и канувшем в Лету тамошнем «свободном государстве» осталась только повесть английского писателя польского происхождения родом из украинского Бердичева — Джозефа Конрада (Юзефа Коженевского). Повесть называется «Сердце тьмы». Советую ее почитать. Она о путешествии некоего английского моряка, который должен эвакуировать по заданию Компании (имеется в виду бельгийская Компания Свободного Конго) съехавшего с катушек торгового агента Курца. Главный герой отправляется в самое «сердце тьмы» — туда, где дела белых людей чернее лиц тех, кого они «цивилизируют».

Именно эта история об отрубленных детских ручках и ножках в Африке и приходит мне в голову при виде бронзового карапуза, мирно писающего в Брюсселе. Леопольд II наверняка в детстве был таким же очаровательным малышом. И, извините за прямоту, так же ссал на всех — точь-в-точь, как нынешний ЕС.

23 марта 2013 г.

Отто Скорцени: «Почему мы не взяли Москву?»

Немецкие мемуары объясняют, что стало причиной поражения Вермахта в войне.

Каждую весну, когда приближается День Победы, телевидение начинает показывать художественные фильмы, посвященные Великой Отечественной войне. Положа руку на сердце: большинство из них просто спекулируют на великой теме. Нужно впарить рыгающему перед телевизором обывателю с бутылкой пива в руке что-то «интересненькое», приятное для его глазенок, осовевших от мирного житья. Вот и появляются сериалы, вроде «Истребителей», главная интрига которых — кто залезет под юбку летчице: «плохой» замполит или «хороший» сын репрессированного дореволюционного аристократа с томиком Гете на немецком под мышкой в исполнении актера Дюжева? Не воевавшие и даже не служившие рассказывают другим не воевавшим, что война — это очень интересно и эротично. Даже, мол, есть время русскому солдату Гете почитать. Скажу откровенно: меня воротит от подобных фильмов. Они безнравственны и лживы. Лживы, как американский «Перл-Харбор». Ибо сделаны по тому же клише — война и девушки. И ничего подобные фильмы не добавляют к ответу на вопрос: почему все-таки наши деды тогда победили? Ведь немцы были так организованны, так хорошо вооружены и обладали таким прекрасным командованием, что любому «реалисту» оставалось только сдаться. Как сдались Чехословакия (без боя!), Польша (почти без боев), Франция (легко и приятно — как парижская проститутка «сдается» клиенту), а также Бельгия, Дания, Норвегия, Югославия, Греция...

«Неприятный сюрприз». С Т-34 немцам пришлось воевать бутылками с бензином, как нашим в фильмах.

А вот на Востоке не заладилось — пошло все наперекосяк и кончилось почему-то не в Москве, а в Берлине. Где и началось.

Думается мне, что несколько прояснить этот вопрос помогут мемуары самого

разрекламированного в мире «спецназовца» и «супердиверсанта» — оберштурмбан-фюрера СС Отто Скорцени. Того самого — освободителя Муссолини и похитителя Хорти, охотника на Тито, а заодно человека, понюхавшего пороха именно в наступательной кампании-1941 года в России. В составе дивизии СС «Райх», входившей в танковую группу Гудериана.

ЧИСТКА 1937-ГО УКРЕПИЛА КРАСНУЮ АРМИЮ. Отто Скорцени наступал через Брест и Ельню, участвовал в окружении войск Юго-Западного фронта на Украине, любовался в бинокль на далекие купола Москвы. Но так в нее и не попал. И всю жизнь отставного оберштурмбанфюрера мучил вопрос: почему все-таки не взяли они Москву? Ведь хотели. И готовились. И собой были молодцы: с чувством глубокого удовлетворения описывает Скорцени, как совершал он 12-километровый марш-бросок с полной выкладкой и стрелял почти без промаха. А жизнь пришлось закончить в далекой Испании — в эмиграции, бегая от послевоенного немецкого правосудия, травившего его с немецким же педантизмом «денацификацией», как травит домохозяйка таракана. Обидно же!

Рядом с Гитлером. Скорцени всегда боготворил фюрера.

Мемуары Скорцени в Украине не переводили никогда. В России — только с купюрами. В основном те эпизоды, где речь идет о спецоперациях. Русский вариант мемуаров начинается с момента, когда Скорцени после своих подмосковных приключений попадает в госпиталь. Но в оригинале ему предшествуют еще 150 страниц. О том, как на Москву шли и почему, по мнению автора, все-таки потерпели конфуз.

Одной из причин поражения немцев, как считает ветеран СС, был скрытый саботаж среди германского генералитета: «В святилище старой прусской системы — Генеральном штабе сухопутных войск — небольшая группа генералов все еще колебалась между традициями и нововведением, кое-кто с сожалением расставался с привилегиями... Таким людям, как Бек и его приемник Гальдер... тяжело было повиноваться человеку, которого некоторые называли «чешским капралом». Скорцени очень много отводит внимания заговору военных и считает, что в виде тайного противодействия фюреру он существовал задолго до 1944 года.

В пример Гитлеру автор мемуаров ставит Сталина и 1937 год: «Гигантская чистка среди военных, проведенная после таких же массовых расстрелов среди политиков, ввела в заблуждение не только Гейдриха и Шелленберга. Наша политическая разведка была убеждена, что мы добились решающего успеха, такого же мнения придерживался и Гитлер. Однако Красная Армия, вопреки всеобщему мнению, была не ослаблена, а укреплена... Посты репрессированных командиров армий, корпусов, дивизий, бригад, полков и батальонов заняли молодые офицеры — идейные коммунисты. И вывод: «После тотальной, ужасной чистки 1937 года появилась новая, политическая русская армия, способная перенести самые жестокие сражения. Русские генералы выполняли приказы, а не занимались заговорами и предательством, как это часто случалось у нас на самых высоких постах».

Скорцени: «Наши потери превысили 75 процентов».

С этим нельзя не согласиться. В отличие от Гитлера, Сталин создал систему, полностью подчиняющуюся ему. Поэтому осенью 1941-го, когда немцы стояли под Москвой, в Красной Армии и не было заговора генералов. А в Вермахте через три года был. Хотя до Берлина на тот момент было куда дальше. Невозможно представить, чтобы Сталина взрывал кто-то из «своих» в Кремле, как это попытался сделать в Вольфшанце с обожаемым фюрером полковник Штауффенберг.

АБВЕР НЕ СООБЩАЛ НИЧЕГО ВАЖНОГО. «На войне, — пишет Отто Скорцени, — существует еще один малоизвестный, но зачастую решающий аспект — тайный. Я говорю о событиях, происходящих вдали от полей сражений, но имеющих очень большое влияние на ход войны — они влекли за собой огромные потери техники, лишения и смерть сотен тысяч европейских солдат... Больше, чем какая-либо другая, Вторая мировая была войной интриг».

Скорцени прямо подозревает руководителя немецкой военной разведки адмирала Канариса в тайной работе на англичан. Именно Канарис убедил Гитлера летом 1940 года, что высадка в Британии невозможна: «7 июля он выслал Кейтелю секретный рапорт, в котором

сообщал, что высаживающихся в Англии немцев ожидают 2 дивизии первой линии обороны и 19 дивизий резерва. Англичане на тот момент имели только одну готовую к бою единицу — 3-ю дивизию генерала Монтгомери. Генерал вспоминает об этом в своих мемуарах... С самого начала войны и в решающих моментах Канарис действовал как самый грозный противник Германии».

Если бы Гитлер тогда знал о дезинформации, которую подсовывает ему его же начальник разведки, Британия была бы разгромлена. А летом 1941-го Гитлер вел бы войну не на два фронта, а только на один — Восточный. Согласитесь, шансы взять Москву в этом случае у него были бы значительно выше. «Я разговаривал с Канарисом три или четыре раза, — вспоминает Скорцени, — и он не произвел на меня впечатление человека тактичного или исключительно умного, как некоторые о нем пишут. Он никогда не говорил прямо, был хитрым и непонятным, а это не одно и то же». И как бы там ни было: «Абвер никогда не сообщал ОКВ ничего действительно важного и существенного».

«НУ МЫ НЕ ЗНАЛИ». Это одна из самых часто встречающихся жалоб великого диверсанта: «Мы не знали, что русские в войне с Финляндией использовали не лучших солдат и устаревшую технику. Мы не отдавали себе отчета в том, что их с трудом завоеванная победа над храброй финской армией была только блефом. Речь идет о сокрытии огромной силы, способной атаковать и обороняться, о которой Канарис, руководитель разведки Вермахта, должен был хоть что-то знать».

Как и всех, Скорцени поразили «великолепные Т-34». Немцам тоже приходилось бросаться на эти танки с бутылками, наполненными бензином. В фильмах такой эпизод характерен для изображения героизма советского солдата, вынужденного сражаться почти голыми руками. А ведь в реальности бывало и наоборот. Причем, регулярно: «Немецкие противотанковые орудия, легко поражавшие танки типа Т-26 и БТ, были бессильны против новых Т-34, которые внезапно появлялись из несжатой пшеницы и ржи. Тогда нашим солдатам приходилось атаковать их с помощью «коктейлей Молотова» — обыкновенных бутылок с бензином с зажженным запальным шнуром вместо пробки. Если бутылка попадала на стальную пластину, защищавшую двигатель, танк загорался... «Фауст-патроны» появились значительно позже, поэтому вначале кампании некоторые русские танки сдерживала огнем прямой наводкой только наша тяжелая артиллерия».

Иными словами, вся противотанковая артиллерия Рейха оказалась бесполезной против нового русского танка. Сдержать его можно было только тяжелыми пушками. Но не меньшее впечатление на мемуариста произвели саперные части Красной Армии и их оснащение — оно позволяло соорудить 60-метровый мост, делающий возможным переправу машин до 60 тонн весом! Такой техникой Вермахт не обладал.

ТЕХНИЧЕСКИЙ РАЗНОБОЙ. Весь расчет немецкой наступательной доктрины базировался на высокой подвижности моторизованных частей. Но моторы требуют запчастей и постоянного обслуживания. А с этим в германской армии не было порядка. Мешала разнотипность автомобилей в одном подразделении. «В 1941 году, — на собственном опыте службы в дивизии «Райх» сетует Скорцени, — каждая немецкая автомобильная фирма продолжала производить различные модели своей марки так же, как и перед войной. Большое количество моделей не позволяло создать соответствующего запаса запчастей. В моторизованных дивизиях было, примерно, 2 тысячи транспортных средств

иногда 50 различных типов и моделей, хотя достаточно было бы 10-18-ти. Кроме того, наш артполк располагал более 200 грузовиками, представленными 15 моделями. Под дождем, в грязи или на морозе даже самый лучший специалист не мог обеспечить качественный ремонт».

А вот и результат. Как раз под Москвой: «2 декабря мы продолжали двигаться вперед и смогли занять Николаев, расположенный в 15 км от Москвы — во время ясной солнечной погоды я видел в бинокль купола московских церквей. Наши батареи обстреливали предместья столицы, однако у нас уже не было орудийных тягачей». Если орудия еще есть, а тягачи «все вышли», значит, немецкую «супертехнику» пришлось оставить по дороге из-за поломок. А на руках тяжелые пушки не потащишь.

К Москве немецкая армия подошла абсолютно выдохшейся: «19 октября начались проливные дожди, и группа армий «Центр» на три дня завязла в грязи... Картина была ужасная: на сотни километров растянулась колонна техники, где в три ряда стояли тысячи машин, увязшие в грязи иногда по капот. Не хватало бензина и боеприпасов. Обеспечение, в среднем 200 тонн на дивизию, доставлялось по воздуху. Были потеряны три бесценные недели и огромное количество материальных средств... Ценой тяжелого труда и каторжных усилий нам удалось проложить 15 километров дороги из кругляка... Мы мечтали, чтобы побыстрее похолодало».

Отто Скорцени.

Но когда с 6 на 7 ноября ударили морозы, и дивизии, в которой служил Скорцени, доставили боеприпасы, топливо, немного продовольствия и сигарет, оказалось, что нет зимнего масла для двигателей и оружия — двигатели заводились проблематично. Вместо зимнего обмундирования в войска попадали комплекты песочного цвета, предназначенные для Африканского корпуса, и техника, окрашенная в такие же светлые тона. Между тем,

морозы поднимались до 20 и даже 30 градусов. С искренним изумлением brave эсэсовец описывает зимнюю экипировку советских солдат — полушубки и меховые сапоги: «Неприятный сюрприз — под Бородино нам впервые пришлось сражаться с сибиряками. Это рослые, превосходные солдаты, отлично вооруженные; они одеты в широкие меховые тулупы и шапки, на ногах — меховые сапоги». Только от пленных русских немцы узнали, что обувь зимой должна быть немного просторной, чтобы не мерзла нога: «Тщательно изучив снаряжение мужественных сибиряков, взятых в плен под Бородино, мы узнали, что, например, если нет валенок, то кожаные сапоги не надо подковывать и, главное, они должны быть свободными, не жать ступни. Это было известно всем лыжникам, но не нашим специалистам вещевого службы. Практически все мы носили меховые сапоги, снятые с убитых русских солдат».

ОТЛИЧНАЯ РУССКАЯ РАЗВЕДКА. Чуть ли не главной причиной поражения германской армии Скорцени считает великолепную русскую разведку. «Красная капелла» — шпионская сеть в Европе, чаще всего из убежденных антинацистов — позволяла советскому Генштабу иметь информацию о стратегических намерениях немцев. Вспоминает он и о суперагенте Рихарде Зорге, благодаря информации которого о том, что Япония не вступит в войну, под Москвой появились 40 дивизий, переброшенных с Дальнего Востока.

«Стратегия войны у Рейха была лучше, — считает Скорцени, — наши генералы обладали более сильным воображением. Однако, начиная с рядового солдата и до командира роты, русские были равны нам — мужественные, находчивые, одаренные маскировщики. Они ожесточенно сопротивлялись и всегда были готовы пожертвовать своей жизнью... Русские офицеры, от командира дивизии и ниже, были моложе и решительнее наших. С 9 октября по 5 декабря дивизия «Райх», 10-я танковая дивизия и другие части 16-го танкового корпуса потеряли 40 процентов штатного состава. Через шесть дней, когда наши позиции были атакованы вновь прибывшими сибирскими дивизиями, наши потери превысили 75 процентов».

Под Москвой. Контрнаступление сибирских дивизий, переброшенных с Дальнего

Востока, стало возможным благодаря Рихарду Зорге.

Вот вам и ответ на вопрос, почему немцы не взяли Москву? Их просто выбили. Сам Скорцени больше не воевал на фронте. Как человек неглупый, он понял, что шансы уцелеть в этой мясорубке минимальны, и воспользовался возможностью перейти на службу в диверсионное подразделение СС. Но на передовую его больше не тянуло — воровать диктаторов куда приятнее и безопаснее, чем сталкиваться лицом к лицу с сибиряками в валенках, воюющими при поддержке Т-34 и лучшей в мире разведки.

18 мая 2013 г.

Балканская чертовщина

100 лет назад вспыхнула Вторая Балканская война, которая стала матерью Первой мировой.

«На ножи!». Невзирая на талант художника, исход войны решили не болгарские штыки, а пулеметы.

Если сегодня спросить, что такое Вторая Балканская война, большинство читателей пожмут плечами. Вторую мировую помнят. А Вторую Балканскую в памяти народной как кот языком слизал! Между тем именно эта междоусобная стычка славян летом 1913 года стала матерью двух мировых войн XX века. Были в ней и свой блицкриг, и бурная дипломатическая переписка великих держав, стремившихся унять Сербию и Болгарию, и грустный вывод: всемирное славянское братство с застольной песней «Гей, славяне!» — всего лишь ученый миф кабинетных теоретиков. А на практике «братские народы» готовы кишки друг из друга выпустить за какой-то курятник, повисший на спорном склоне Родопских гор. И тут уж серб не даст спуска болгарину, а черногорец поддаст жару в драке двух «братьев»!

Сто лет назад мир стремился к гигантомании. «Пан» — по-латыни «все». Пангерманизм, панмонголизм, панамериканизм... Естественно, Петербург не мог остаться в стороне от политического мейнстрима. В ответ он вынул свой козырь — придуманный на

московских кухнях «панславизм». Инструментальная задача этого учения была проста — сплотим балканских славян против турок, а австрийских — против Австрии! И ослабим, таким образом, две крупнейшие великие державы-соседки!

Поначалу все шло гладко. В те времена Турция владела в Европе не только окрестностями Стамбула, как ныне, но чуть ли не половиной Балканского полуострова. Под эгидой России 13 марта 1912 года был подписан сербо-болгарский договор «О дружбе и союзе». Первая же статья этого договора гласила: «Царство Болгарское и Королевство Сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целостность их государственных территорий, обязуясь абсолютно и без какого-либо ограничения прийти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких других держав».

ПОД КОЛПАКОМ ПЕТЕРБУРГА. В мемуарной книге «Дипломатия и мировая война» австро-венгерский дипломат граф Андраши назвал это соглашение «первым триумфом русской политики», добавив, что России «удалось создать под своим протекторатом Балканский союз, в первую очередь — против Турции, во вторую, когда понадобится, — против нас».

Договор между Сербией и Болгарией содержал секретное приложение о совместном выступлении против Турции. Но оно могло быть предпринято только с одобрения России. Первая статья этого секретного приложения гласила: «Если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них..., то та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне»...

Болгарская артиллерия. Несмотря на высокие боевые качества, ничего не смогла сделать с коалицией Сербии, Черногории, Греции и Румынии.

За этими обтекаемыми вежливыми фразами таился грубый смысл: если Болгарии придет мысль вломить туркам, то они пригласят для этого сербов, а если первыми напасть

на Турцию захотят сербы, то Белград обязательно пригласит поучаствовать в этой потехе болгар.

Война на Балканах вспыхнула, когда чернила на этом договоре еще не успели просохнуть. На троне в Софии сидел в то время необыкновенно воинственный царь Фердинанд, который даже германского кайзера Вильгельма II презрительно называл «пацифистом». А Сербией руководили два августейших рэкетира — король Петр и его сын королевич Александр. О привычках этих бравых парней можно судить хотя бы по тому, что к власти они пришли, выбросив из королевского дворца в Белграде своего предшественника — короля Александра из династии Обреновичей вместе с супругой. Вот так просто тяпнули головами о брусчатку — и все. Только мозги брызнули!

Петр и его сын принадлежали к династии Карагеоргиевичей — их прародителем был Черный Георгий («кара» по-турецки — «черный»). А наиболее влиятельная «партия» в Сербии при них называлась «Черная рука» — как в детской страшилке. Только была это самая настоящая загребущая долгая ручища. Членами ее состояли офицеры армии и спецслужб, которые знали друг друга только в пределах засекреченных пятерок. Зато они должны были выполнять любые приказы своих непосредственных командиров — вплоть до убийств политических противников, как в Сербии, так и за рубежом. На руке пять пальцев. В пятерке пять членов. Тысячи «черных рук» охватили все Балканы.

Помните марш «Прощание славянки»? Щемящий, ностальгический, но с такой проскальзывающей между нотами надеждой вломить врагу по рылу и вернуться в объятия провожающей на вокзале любимой... Он написан штаб-трубачом Василием Агапкиным в порыве душевного сочувствия к братьям-славянам, напавшим на Турцию осенью 1912 года. Тогда началась Первая Балканская война. Но развязала ее не Сербия или Болгария, а крошечная Черногория, короля которой Александр III когда-то назвал «единственным другом России», кроме армии и флота, естественно.

Черногорцы сделали первые выстрелы по туркам 9 октября. А через девять дней в бой ринулись Болгария, Сербия и примкнувшая к ним Греция. Болгары мобилизовали 420 тысяч человек и повели наступление на Адрианополь. Сербы выставили 150-тысячную армию и атаковали Македонию, входившую тогда в состав Турции. А греки поставили под ружье 80 тысяч горячих парней, готовых сплясать «Сиртаки» на отрезанных турецких головушках.

Момент для нападения был выбран в высшей степени коварно. В тот день, когда Болгария и Сербия объявили войну Турции, та едва успела подписать мирный договор с Италией, оттяпавшей у нее кусок Африки.

ТУРОК РЕЗАЛИ ТЫСЯЧАМИ. Поражение турок было молниеносным. Только в сражении у Лю-ле-Бургаса их пало около 40 тысяч. Корреспондент английской газеты «Дэйли Кроникл», проехавший на автомобиле по местам сражений, писал: «Катастрофа — не менее мукденской. Три четверти артиллерийских орудий турок досталось болгарам. Болгары подпускали турок совсем близко, давали им начать рукопашную, затем быстро отступали, и пулеметы косили турок сотнями, тысячами. Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство одурелых, голодных, измученных, обезумевших толп. Врачей мало. Перевязочных материалов нет. Припасов нет. Я был свидетелем многих военных походов, но такого ужасного бедствия, такого избиения массами голодных, истерзанных, измученных, беспомощных крестьян из Анатолии (Азиатская Турция) я никогда не воображал себе».

Броненосный крейсер «Георгиос Аверов». Этот греческий корабль был самым сильным плавучим монстром Второй Балканской войны.

Особенно болезненно мгновенное поражение Турции восприняли в Берлине. Ведь ее армия была обучена германскими инструкторами. Когда германский император перед войной спросил мнение своего генерала Гольца о военной подготовке турок, тот ответил: «Совсем как у нас». Теперь эти слова звучали, как насмешка. Особенно, если учесть, что болгарские и сербские войска дрессировали русские, а болгары даже носили форму, являвшуюся почти точной копией обмундирования Российской императорской армии. А тут еще и болгарские миноносцы торпедировали турецкий крейсер! В общем, было чему опечалиться не только в Стамбуле, но и в Берлине.

Вспокоились и в Вене. Там попросту объявили мобилизацию, рассудив, что после разгрома Турции сербы и болгары бросятся на Австрию, а Россия не сможет удержаться, чтобы им не помочь. Именно в этот момент состоялся разговор между военным министром Франции Мильераном и российским военным атташе в Париже полковником Игнатьевым — будущим автором мемуаров «50 лет в строю».

Глава «Черной руки» королевич Александр был готов взорвать всю Сербию ради виноградников в Македонии.

Француз спросил: «Какая, по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?». Игнатъев ответил: «Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер». Тогда Мильеран прямо и поинтересовался: «А не можете, по крайней мере, мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?». «Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, — последовал ответ Игнатъева, — но история выучила нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей».

НЕ ПОДЕЛИЛИ ЧУЖОЕ. Интересы России состояли в том, чтобы ни в коем случае не дать болгарам и сербам занять Константинополь. Древнюю столицу византийских императоров Петербург решил приберечь для себя. Именно поэтому из Министерства иностранных дел России в Белград и Софию полетел строгий окрик: «Остановиться!». Трудно сказать, это ли возымело действие или турки на подступах к столице собрались с силами, но после захвата Адрианополя болгарское наступление захлебнулось. Фронт остановился в 45 км от Стамбула. Начались мирные переговоры.

И вот тут произошло то, чего никто не ожидал. Два самых больших славянских «брата» России перессорились между собой за турецкое наследие. Сербь требовали себе выход к Адриатическому морю. Болгары претендовали на Македонию за речкой Вардар, занятую сербской армией. Раздосадованный наследник сербского престола Александр (тот самый, что рулил «Черной рукой») в мае 1913 года прямо заявил в интервью белградской газете «Политика», что Сербия не отдаст Болгарии ни дюйма Завардарской Македонии. И что другого способа решения сербо-болгарского конфликта, КРОМЕ ВОЙНЫ, не существует. Русскому генеральному консулу Тухолке в частном разговоре Александр высказался еще откровеннее: «Сербь никак не уступят долину Вардара и предпочтут, скорее, воевать с Европой, чем подписать свой смертный приговор. В противном случае, пускай хоть Австрия

берет Сербию, раз все равно погибать».

Налицо была типичная сербская психопатия: если нам не дадут долину Вардара, то нам и жизнь не мила! Пусть хоть вся Сербия погибнет, но эти виноградники должны быть наши!

СЛАВЯНЕ ПРОТИВ СЛАВЯН. Еще вчера сербы и болгары объединенными усилиями наступали на Стамбул, а сегодня они ошетились штыками друг против друга, готовые пролить братскую кровь. А тут еще поддала жару Греция. Она претендовала на город Монастир в Македонии и очень боялась, что он отойдет Болгарии. Греческий наследный принц Николай писал через голову российского министра иностранных дел Сазонова лично Николаю II: «Я опасаюсь, что Сазонов готов уступить Монастир болгарам (под предлогом, что там живут болгары). Но если это так будет, то у нас никогда в будущем не установится мира, ввиду того, что Болгария, став почти вдвое больше Греции, воспользуется первым же предлогом, чтобы начать войну, а затем, раздавив Грецию, нападет на Сербию, или наоборот... Я полностью уповаю на тебя, зная, что ты сделаешь все возможное, чтобы защитить интересы нашей страны, отчасти ради самой Греции, а также в память дорогого папы».

Воинственный болгарский царь Фердинанд даже германского кайзера Вильгельма обзывал жалким «пацифистом».

Россия попыталась всех примирить, собрав конференцию в Петербурге. Но балканские братья пришли просто в невменяемое состояние. Никто не хотел уступать. Все хватались за револьверы. И тогда на них махнули рукой. Как написал 9 июля 1913 года посланник России в Афинах Димидов министру иностранных дел Сазонову: «В случае победы Болгария делается орудием в руках Австрии... В случае поражения она обратит свои взоры к России, которой будет легче, чем прежде, ее удовлетворить, потому что она в силу необходимости будет сговорчивее... ее верность к нам прямо пропорциональна ее неудачам и обратно пропорциональна ее успехам. С этой точки зрения, Греция и Сербия облегчат нам в настоящее время нашу задачу... приведут к нам, быть может, раскаивающуюся и униженную

Болгарию».

Война Болгарии с бывшими союзниками продолжалась ровно месяц — с 29 июня по 29 июля 1913 года. К Черногории, Сербии и Греции в драку подключилась еще и Румыния. А под Константинополем в контрнаступление перешли отдышавшиеся турки. Румынская кавалерия бросилась на Софию. Виноградники Македонии оккупировали сербы. А окруженный со всех сторон враг «пацифистов» болгарский царь Фердинанд запросил мира. «Это не война, — сказал он. — Это черт знает что!».

Балканская чертовщина воистину рокового 1913 года развеяла по ветру сказку о вечной славянской дружбе. В Петербурге ошиблись. Разбитая Болгария не стала стоворчивее и не превратилась в послушного сателлита России. Вместо этого ее царь заключил военное соглашение с Германией. Кроме маленькой буйной Сербии, у Российской империи не осталось на Балканах союзников. Теперь Сербию нужно было поддерживать в любом случае, чтобы не остаться без союзников вообще. В Вене боялись, что сербы взбунтуют австрийских славян, составлявших половину населения Австро-Венгрии. Вильгельм II в Берлине в досаде называл Белград «гнездом убийц» и добавлял, что «эту шваль нужно поставить на место». Дверь к Первой мировой войне была открыта.

6 июля 2013 г.

Последний римлянин

9 июля 2013 года исполнилось 130 лет со дня рождения величайшего итальянца XX века — Бенито Муссолини.

Диктатор-спортсмен. Не только ездил верхом, но и управлял автомобилем и самолетом.

Первые впечатления от образа Муссолини — детские. Советский фильм «Освобождение». Плененный собственными соратниками диктатор просит дать ножницы, чтобы подстричь ногти. Офицер охраны отвечает, что это запрещено — тюремщики боятся, чтобы он не зарезался. Дуче темпераментно выпаливает фразу, не требующую перевода: «Кретинос!». Дальше высаживаются brave десантники Отто Скорцени и освобождают вождя фашистской Италии. Больше эпизодов с участием Муссолини в фильме не было. Только в самом конце, уже в сценах взятия Берлина, Гитлер узнает по радио, что итальянские партизаны повесили его друга дуче вместе с любовницей Кларой Петаччи вниз головой. Фюрер возмущается — какое варварство!

Вот и все, что полагалось знать о Бенито Муссолини советскому гражданину эпохи застоя. Разве что в фильме «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, состоявшего в

основном из надерганых у запрещенной тогда Лени Рифеншталь кадров, демонстрировали Муссолини, выступающего на балконе. Диктатор принимал напыщенные позы. Советский пропагандист Ромм, сделавший карьеру на лживых фильмах о Ленине, язвительно «разоблачал» эту комическую, на его взгляд, фигуру.

ЕГО ЛЮБИЛ ЛЕНИН. Я недаром вспомнил Ленина. Вождь мирового пролетариата знал молодого Бенито Муссолини лично. Еще когда не был вождем. Они встречались в эмиграции в Швейцарии еще до Первой мировой. Оживленно спорили в кафе. Играли в шахматы. Муссолини Ленину очень понравился. Уже после революции, принимая в Кремле делегацию итальянских социалистов, Ильич спросил: «Где же вы потеряли Муссолини?!».

Итальянские социалисты его действительно потеряли. Он был у них главным редактором газеты «Аванти!» — «Вперед!». Самым популярным человеком в партии. Кто помнит теперь этих мелких людишек, не простивших будущему дуче его громкой журналистской славы? Изгнанный за несовпадение с линией партии Муссолини создал собственную политическую идеологию — фашизм. Если быть точным, социалисты не потеряли Муссолини. Социалисты вышвырнули его в 1914 году. Прямо на улицу. За то, что он потребовал вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты и называл немцев «палачами итальянского народа». Бравый капрал Муссолини был нашим союзником! Он сражался на стороне России, Англии и Франции против Германии и Австро-Венгрии. Товарищи-берсальеры — солдаты одного из элитных итальянских полков — обожали его. По рассказам, он никогда не унывал и первым выскакивал из окопов с боевым кличем: «Вива Италия!». Муссолини был демобилизован, только получив тяжелое ранение от разорвавшегося миномета. Он провел на фронте больше полутора лет.

Маленький Бенито подражал Наполеону. Он отчаянно защищал себя в школе и подрезал ножом одноклассника.

Та же точность требует, чтобы мы не путали фашизм с нацизмом. В 1918 году бывший социалист, вылечившийся после фронтовых ран, заявил, что социализм как доктрина мертв. Италии требуется жесткий энергичный человек. Через год в Милане он создал организацию «Фаши итальяни ди комбатименто» — в буквальном переводе «Итальянский союз борьбы». «Фаши» — «союз». Отсюда — фашисты.

Фашисты пришли к власти в Италии на одиннадцать лет раньше, чем нацисты в Германии. Они отрицали парламентскую демократию. Но не строили концлагерей смерти и не уничтожали евреев. Режимом Муссолини восхищался Черчилль, называвший дуче великим человеком. Советский Союз покупал у фашистской Италии проекты военных кораблей. Легкие крейсера Сталина «Киров» и «Максим Горький» построены по итальянским лекалам. Лидер «Ташкент» накануне Великой Отечественной Сталин просто купил у Муссолини. Его называли «голубой крейсер», потому что борта и надстройки «Ташкента» были выкрашены не в привычный серый, а в итальянский голубой цвет, предназначенный для светлых просторов Средиземного моря. По странному стечению обстоятельств, официальный день рождения фашистской партии Италии, в которую Муссолини преобразовал в 1921 году свой «Союз», совпадает с днем Великой Октябрьской революции — 7 ноября.

1938 год. Накануне финала Муссолини телеграфировал сборной: «Победа или смерть!» В результате Италия выиграла чемпионат мира.

Наверняка начинающий диктатор выбрал эту дату не случайно. Сразу же после рождения фашисты объявили себя врагами коммунистов и социалистов. Но отпочковались они именно от социалистов! Элементы социалистической идеологии — защита интересов рабочих, борьба с крупным капиталом, государство как главный регулятор экономической жизни и владелец части собственности — кирпичи, без которых просто невозможно помпезное здание фашистского режима. Объясняя, что такое фашизм, Муссолини говорил: «Мы позволим себе роскошь быть одновременно аристократами и демократами, революционерами и реакционерами, сторонниками легальной борьбы и нелегальной, и все это в зависимости от места и обстоятельств, в которых нам придется находиться и действовать». А разве не то же мог бы сказать о себе Сталин? Ведь он тоже был одновременно и реакционером, и революционером, создавая новую советскую аристократию и одновременно объявляя себя продолжателем первых марксистов, грезивших о мировом

коммунистическом перевороте.

ЧЕЛОВЕК ИЗ НАРОДА. Муссолини взлетел к вершинам власти из народной гущи. Его предки — крестьяне, жившие севернее Рима. Отец диктатора был поклонником русского анархиста Бакунина. Имя Бенито он дал своему сыну в честь мексиканского президента-революционера Бенито Хуареса. Детство Муссолини — жизнь обычного уличного хулигана. В школе он подрезал ножиком одноклассника. Как сейчас сказали бы, в целях самообороны. Маленького щуплого Бенито хотели обидеть. Но он не дался. Нравы итальянских крестьян были дикие, а первой «женщиной» в глубинке часто служила коза — никакой современной свободы нравов еще не придумали, невеста должна быть девственницей, вот и сбрасывали избыток южной сексуальности на домашних... животных.

Линкор «Джулио Цезаре». Стал трофеем советского флота и получил название «Новороссийск».

Фашизм не свалился на Италию с неба. Это было стихийное мироощущение подавляющего большинства итальянских крестьян — вино идей, бродившее в их головах и окончательно выстоявшееся в окопах Первой мировой войны. Итальянские мужики не хотели свергать короля. Но жаждали справедливости и мечтали прижать хвост богатым и парламентским политикам, отсидевшимся в тылу. Государство должно о нас заботиться. Кто-то властный и энергичный пусть возьмет на себя всю ответственность. Давайте создадим Италию, за которую нам не будет стыдно. Такую страну, в которой удобно жить и с которой считались бы англичане, французы и немцы. В конце концов, эта Италия была совсем молодым государством. В 1921 году, когда Муссолини создал фашистскую партию, Италия насчитывала всего 60 лет! Жители бывшего Неаполитанского королевства (а это половина нынешней страны!) вообще не считали себя итальянцами. Сицилийская мафия была последним всплеском борьбы юга против завоевания севером. Римский папа не признавал новое королевство Италия, так как оно отобрало у него столицу и земли, которыми он владел веками. Женщины не имели избирательных прав. Да и из мужчин этой привилегией мог похвастаться далеко не каждый. Парламентская система находилась в

кризисе. По сути, Италией правили олигархи.

Муссолини появился на политической арене именно в тот момент, когда старыми методами стало невозможно управлять. Марш на Рим десятков тысяч его сторонников убедил короля Виктора Эммануила III поручить новой политической звезде сформировать правительство. Бенито было всего тридцать девять. Кроме должности премьера Муссолини иногда руководил лично еще семью министерствами! Ему все хотелось делать самому — разве может кто-то справиться лучше? Он осушил Понтийские болота под Римом, которые насчитывали 2000 лет, и раздал эти земли крестьянам. Создал то, что мы называем итальянской модой и футболом. Раздраженный успехами французских кутюрье, Муссолини дал толчок развитию отечественной легкой промышленности и дизайна одежды. Накануне финального матча чемпионата мира по футболу 1938 г. диктатор телеграфировал своей сборной: «Победа или смерть!». Италия выиграла. Он увлекался автогонками и лично управлял самолетом. Садился за руль трактора, чтобы показать крестьянам, как нужно пахать землю. Все это снимали на киноплёнку. В умах итальянцев Муссолини был везде — в небесах, на земле и на море.

Еще все впереди. Начало 20-х. То самое время, когда Черчилль называл фашиста Муссолини «великим».

Помните советское пропагандистское выражение: «битва за урожай»? Оно украдено у Муссолини. Его собственная сельскохозяйственная программа называлась «Сражение за землю». Он же придумал и то, что в Советском Союзе называлось «агродородами». Наши большевики не пошли в этом направлении дальше теории. Муссолини создал образцово-показательный агродорог Муссолиния на острове Сардиния. Количество больниц при нем увеличилось в четыре раза! Так стоит ли удивляться, что режим Муссолини пользовался тем, что мы называем общенародной поддержкой? Италия строила автомобили и самолеты, ее

корабли выигрывали Голубую ленту Атлантики, уровень жизни постоянно рос, а футболисты громили врагов великой Италии на зеленом поле. Зигмунд Фрейд, Ганди и Черчилль осыпали премьер-министра Италии комплиментами. Деятели искусства души в нем не чаяли — в конце концов, именно Муссолини создал знаменитый Венецианский кинофестиваль и субсидировал развитие итальянского кино.

РОКОВОЙ ДРУГ. Был ли Муссолини расистом? И да, и нет. Он искренне расстраивался, когда итальянские солдаты спаривались с негритянками в Африке. Но никого за это не кастрировал. А пропагандистскую шумиху вокруг так называемой «германской расы», развернувшуюся при Гитлере, прокомментировал со здоровым южным ехидством: «Раса! Это чувство, а не действительность: на 95 процентов — это чувство. Ничто никогда не заставит меня поверить, что сегодня существуют биологически чистые расы. Достаточно забавно, что ни один из тех, кто провозгласил «величие» тевтонской расы, не был германцем. Гобино был француз, Хьюстон Чемберлен — англичанин, Вольтман — еврей»...

Гитлер испытывал в отношении Муссолини искреннее восхищение. Муссолини Гитлера презирал. «Этот Гитлер — существо свирепое и жестокое, — сказал он. — Он заставляет вспомнить Аттилу. Германия так и осталась со времен Тацита страной варваров. Она — извечный враг Рима».

Что же заставило Муссолини ввязаться во Вторую мировую войну на стороне Германии? Он мечтал объединить в составе Италии все земли, жители которых говорили по-итальянски или на диалектах, близких к этому языку: Корсику, Ниццу, Савойю. Когда-то первый король Италии отдал Савойю и Ниццу французам в обмен на поддержку в войне с австрийцами. Корсику Франция захватила в XVIII столетии. Если французам позволительно было требовать Эльзас и Лотарингию, отторгнутую немцами, почему нам, итальянцам, не разрешают вернуть Корсику и Ниццу? Где справедливость? Но миром правит не справедливость, а сила. Франция — союзник Великобритании. Муссолини намекнули, что о Корсике и Ницце он может только мечтать — у Италии и так достаточно курортов. Только после этого премьер-министр Италии раскрыл объятия Гитлеру — человеку, которого презирал, и сказал: «Итальянский фашизм обрел, наконец, друга, и он пойдет со своим другом до конца». Подозревал ли Бенито, что он связывается с плохим мальчишкой? Не просто с плохим, каких много в Италии, а плохим ПО-НАСТОЯЩЕМУ? Наверняка нет. Но именно этот плохиш сыграл в судьбе Муссолини поистине роковую роль. На все, что творили немцы, навесили итальянский бренд — фашизм, хотя к фашизму нацисты Гитлера не имели никакого отношения. Итальянская армия не оправдала надежд Муссолини. Это он выскакивал когда-то из окопов первым. Но его соотечественники были людьми из другого теста. Теперь об итальянцах ходила другая легенда. Когда в Северной Африке командир итальянской роты выскочил на бруствер, увлекая за собой в атаку, его солдаты просто зааплодировали: «Браво, капитано!». Поражения Италии следовали одно за другим.

Муссолини о союзнике: «Этот Гитлер — существо свирепое и жестокое. Германия так и осталась страной варваров».

ЕСЛИ БЫ НЕ ИТАЛЬЯНЦЫ. Это Муссолини мечтал быть новым римлянином. Итальянцам был не нужен никакой Рим. Потомки людей, как говорится, «понаехавших» в Италию отовсюду во времена Римской империи, они считали, что и так живут в раю. Италия охотно хлопала Муссолини, когда он выступал перед ней как политический артист. Тем более, что за свои авторские шоу добрый диктатор еще и приплачивал публике социальной защитой. Но стоило Муссолини попытаться вывести своих поклонников из зрительного зала на сцену истории, как его бросили.

Великому человеку изменили даже собственные товарищи по партии. Именно Большой фашистский совет 24 июля 1943 г., когда исход войны стал ясен, отстранил своего вождя от власти и дал королю арестовать его. И тогда Гитлер во второй раз сыграл роковую роль в судьбе выдающегося итальянского артиста. Десантники Скорцени освободили Муссолини из заключения, и дуче, срочно собрав остатки сторонников, создал марионеточную Итальянскую социальную республику. Из образца для подражания он превратился в младшего партнера германского фюрера. Не будь этой акции Скорцени, Бенито Муссолини не расстреляли бы при загадочных обстоятельствах весной 1945-го. Больших преступлений он не совершал и суда мог не бояться. Одним словом, спаси нас, Господи, от таких «друзей»!

В последний год жизни Муссолини вернулся к ремеслу, с которого начинал. Он писал мемуары и говорил: «Моя звезда упала. Я работаю, но все это — только фарс. Я жду конца трагедии — я не чувствую себя больше актером. Я последний из зрителей».

Клара Петаччи. Обожала Бенито и разделила с ним смерть.

28 апреля 1945 г. дуче был расстрелян партизанским отрядом, действовавшим по поручению британских спецслужб. Английские агенты присутствовали при казни. Черчиллю хотелось заставить замолчать человека, которого в 20-е годы он называл «самым великим законодателем современности». Муссолини слишком много знал. Но кто первым из итальянцев XX века приходит на ум, когда вы вспоминаете эту страну? Конечно же, Муссолини!

Его обожали женщины. Донжуанский список дуче вряд ли уступит великому Казанове. Любили настолько, что даже последняя любовница 62-летнего вождя Италии Клара Петаччи бросилась под пули, чтобы закрыть его от расстрельной команды. Наверное, он действительно был последним римлянином. Но проигрыш его был предопределен изначально. Уже на заре политической карьеры дуче знаменитый германский фельдмаршал Гинденбург предрек его конец: «Даже Муссолини не удастся сделать из итальянцев что-то большее, чем итальянцы».

Зато среди них он самый великий. Артист. Сполна заплативший за желание сыграть роль римлянина.

27 июля 2013 г.

Остановившиеся колеса Детройта

Детройт — бывшая столица автопрома Соединенных Штатов — теперь красиво умирает. Город величиной с Киев на глазах превращается в руины. Детройт — одно из тех мест, которые знакомые американцы, скорее всего, отсоветуют вам посещать. Сорок лет назад он был не просто большим процветающим городом, а одним из символов Америки. Если Нью-Йорк — это там, где делают деньги в банках, а Лос-Анджелес — где снимают кино, то Детройт — родина ее автомобильной цивилизации. Детройтский автосалон, штаб-квартиры крупнейших автокомпаний (знаменитая «Большая тройка»), небоскребы, уютные спальные районы, застроенные кукольными домиками, роскошная архитектура индустриальной эпохи в старом центре, напоминающая наш сталинский ампи́р... Увы, все это, в основном, в прошедшем времени. Нет, автосалон по-прежнему проводят, и центральный офис «Форда» на месте — в пригороде Дирборн, только вместо почти двух миллионов жителей осталось всего 700 тысяч, спальные районы превратились в руины, на фоне которых голливудские киношники любят снимать «страшные» фильмы, а проезжая по улицам, можно мысленно перенестись в Древний Рим после захвата варварами. Пустые окна многоэтажных кирпичных зданий, брошенные корпуса обанкротившихся заводов (самый знаменитый из них — «Паккард»), обгорелые стены.

Детройт. Когда-то крутой дом и крутые тачки. А теперь — смерть и разруха.

Конечно, и у нас можно встретить такое. Полуразрушенные коровники и мертвые села разбросаны по всей Украине. Но руины Детройта — грандиозны, как все в Америке. Это какой-то американский Сталинград, развалившийся без бомбардировок и войны, где вместо немецких штурмовых групп целые районы держат уличные банды чернокожих,

навербованные из потомков рабочих остановившихся автомобильных заводов.

Центральный вокзал Детройта. Поезда сюда больше не приходят. Возить некого.

В 1935 году Детройт посетили наши земляки-одесситы — Ильф и Петров. Генри Форд как раз продал Советскому Союзу «под ключ» два автозавода — всем известный Горьковский и несколько менее известный АМО, переименованный потом в имени Лихачева. Первые советские ГАЗы и ЗИЛы — это, на самом деле, «Форды». Даже прославленная «полуторка» Великой Отечественной войны — это полуторатонный грузовичок Форд-АА образца 1929 года. Советский Союз продавал хлеб и лес, взамен приобретал новейшие технологические линии, а популярные авторы «12 стульев» писали по заданию Сталина книгу о своей поездке в США — «Одноэтажную Америку», в которой призывали советских людей учиться американской деловитости.

Зал ожидания вокзала. Просто древний Рим!

А это когда-то было театром. Теперь просто декорация для ужастиков.

В рамках этой поездки Ильф и Петров встретились с Генри Фордом. Старина Генри им понравился и даже показался похожим «на востроносого русского крестьянина, самородка-изобретателя, который внезапно сбрил наголо бороду и оделся в английский костюм».

Своего кабинета у Форда не было. Он «циркулировал» с утра до вечера по своим цехам и конструкторским бюро, держал все под личным контролем и крыл последними словами «иго торговцев и финансистов». По словам Форда, «фермер делает хлеб, мы делаем автомобили, но между нами стоит Уолл-стрит, стоят банки, которые хотят иметь долю в нашей работе, сами ничего не деляя... Они умеют делать только одно — фокусничать, жонглировать деньгами».

«Форд ненавидит Уолл-стрит, — писали Ильф и Петров в «Одноэтажной Америке». — Он великолепно понимает, что достаточно дать Моргану одну акцию, чтобы он прибрал к рукам все остальные. Фордовское предприятие — единственное в Штатах, которое не зависит от банков».

Не зависеть от Уолл-стрит Форду помогала еще и полная раскомплексованность. Считая, что деньги не пахнут, он одновременно сотрудничал с СССР и нацистской Германией (его портрет висел в мюнхенской резиденции Гитлера — фюрер восхищался Фордом), а заодно выпустил гигантским тиражом «Протоколы сионских мудрецов», обвиняя во всех экономических проблемах «мировое еврейство». Смешно, но один из советских собеседников Форда, Илья Ильф, тоже был евреем.

Правда, перед евреями его все-таки заставили извиниться — под давлением видных политиков и общественных деятелей Форд направил в 1927 году в прессу специальное заявление со словами: «Я отрекаюсь от обидных обвинений в их адрес, поскольку в действиях моих была ложь, а также даю полную гарантию, что отныне они могут ждать от меня только проявлений дружбы и доброй воли». Но заводы Форда во Франции еще будут производить для нацистской Германии грузовики и авиационные моторы!

Зима, холода. Вряд ли эта недвижимость найдет новых хозяев.

Милый домик. Сожгли местные на Хэллоуин.

Еще одним слагаемым детройтского фордовского чуда был конвейер, который он впервые применил для сборки автомобилей, и ставка на низкоквалифицированного рабочего с отверткой без всякого образования. Эта особенность системы Генри Форда не укрылась от наблюдательных Ильфа и Петрова: «Труд расчленен так, что люди конвейера ничего не умеют, у них нет профессии... Фордовский рабочий получает хорошую заработную плату, но он не представляет собой технической ценности. Его в любую минуту могут выставить и взять другого. И этот другой в двадцать две минуты научится делать автомобиль. Работа у Форда дает заработок, но не повышает квалификации и не обеспечивает будущего. Из-за этого американцы стараются не идти к Форду, а если идут, то мастерами, служащими. У Форда работают мексиканцы, поляки, чехи, итальянцы, негры».

Генри Форд — простой ирландский эмигрант, а по совместительству — коммерческий и технический гений, поддерживал порядок на своих заводах с помощью собственной полиции. Держать скопище мексиканцев и чернокожих в узде иначе было невозможно. Главным полицейским у Форда служил, по словам Ильфа и Петрова, бывший начальник полиции Детройта, а помогал ему Джо Луис — знаменитый боксер: «При помощи этих деятельных джентльменов в Дирборне царит полный мир. Профсоюзных организаций здесь не существует. Они загнаны в подполье».

Однако ничто не вечно под луной. Великий Генри Форд Первый умер в 1947 году на 84-м году жизни. А его наследники проявили мягкость и либерализм. Разноплеменная орда детройтских рабочих, окрасившаяся в черный цвет анархизма, вскоре вышла из-под контроля. Ровно через двадцать лет после смерти основателя автомобильной столицы США в городе вспыхнула настоящая революция с уличными боями и десятками убитых.

Сгоревший семейный очаг. Для Детройта — норма.

Вы, наверняка, слышали, читатель, о восстании на броненосце «Потемкин» и боях за Красную Пресню в 1905-м. В годы Перестройки любили рассказывать нам и о расстреле Хрущевым Демонстрации рабочих в Новочеркасске в 1962 году. Так вот, все эти события меркнут по разгулу человеческой стихии перед кровавой вакханалией в Детройте в 1967-м, в разгар войны во Вьетнаме. Для усмирения этого бунта президенту Линдону Джонсону — великому матерщиннику, называвшему американских «мисс» и «миссис» не иначе, как «коровами», — пришлось вводить в Детройт не только национальную гвардию, но и регулярные войска с танками. А ведь их так не хватало в борьбе с вездесущими «комми» в далеких джунглях Юго-Восточной Азии!

Официально эти события называются в США «волнениями на 12-й улице». Скромненько так. Политкорректно. Чтобы не вводить школьников в соблазн и не наталкивать на лишние вопросы. Мол, где-то там на одной улице «волновались». Так у нас в Америке постоянно «волнуются». У нас же «свободная» страна. Но я бы назвал эту вакханалию Детройтским погромом, который действительно начался в баре на 12-й улице, но охватил весь город и не утихал ЦЕЛУЮ НЕДЕЛЮ!

Тогда в бар с очаровательным названием «Слепые свиньи» ранним воскресным утром пожаловал рейд белых полицейских. Чернокожие парни возмутились, что «копы» мешают им «отдыхать». В общем, Детройт в огне, 47 трупов, 467 раненых, 7200 арестованных (не многовато ли для одной улицы?) и больше 2000 сгоревших дотла домов. Таким вот свинством закончился великий фордовский эксперимент по привлечению малоквалифицированной рабочей силы с юга, которая дала в северном детройтском климате изумительный приплод!

1967 г. Во время расовых беспорядков бойня на улицах продолжалась неделю. Теперь 82 % населения — черные.

Что любопытно, перед этим федеральное правительство годами привлекало в Детройт гигантские деньги на социалку и предоставляло чернокожим рабочим как обездоленному элементу дешевую квартплощадь. Не оценили! Только спровоцировали массовый исход белого населения из центра в пригороды.

По следам этих событий писатель Артур Хейли, выпекавший бестселлеры, как чизбургеры, настроил в 1971 году роман «Колеса». Не о наркотиках, как кто-то подумал, а о проблемах американской автомобильной промышленности. Есть в нем, естественно, умный директор компании, менеджер старой закалки, несколько отстающий от требований времени, дизайнер нового поколения, время опережающий, бедный худенький негр, которого нужно жалеть, красивая умная негритянка-учительница, с которой спит один из главных белых героев (пальчики оближешь, такая аппетитная!) и хеппи-энд, как во всех американских романах, кроме «Мартина Идена».

Роман, где в постели торжествовала расовая дружба, имел большой успех и даже был переведен в СССР. Но американскому автопрому это уже не помогло. Ровно через два года после выхода «Колес» грянул знаменитый нефтяной кризис. Где-то на далеком Ближнем Востоке вспыхнула очередная арабо-израильская война — Октябрьская, более известная как «война Судного дня». Если бы Генри Форд Первый до этого дня дожил, то он сказал бы, что во всем виноваты... арабы.

1967 г. Американская армия умиряет Детройт.

Именно эти милые люди в бурнусах заявили после начала конфликта, что не станут продавать нефть странам, поддержавшим Израиль против Сирии и Египта, — и в первую очередь Самонадеянным, то есть, простите, Соединенным Штатам Америки. ОПЭК взвинтила цены. Баррель нефти в момент прыгнул сразу в четыре(!) раза — с 3 до 12 долларов. Преемник Джонсона, президент Никсон, призвал американцев кататься на машинках пореже и больше гулять пешком, что полезно для сердца, а автомобильные компании в Детройте стали массово снимать с конвейера прожорливые модели старого образца и останавливать производство. Японская малолитражка, над качеством которой снисходительно посмеивались героини «Колес», внезапно вытеснила их гордую продукцию с американского же рынка, как крыса динозавров.

С тех славных деньков в муторные 1970-е и началось медленное угасание Детройта. Уличный ветер понес мусор, снося иногда и крыши, «древнеримские» развалины приятно украсили городской пейзаж, а банды чернокожих любителей дешевых наркотиков вплотную окружили центр, благо, родителей их селили благодаря все тем же социальным программам, как можно ближе к историческим районам, с которых Детройт когда-то начинался. Повидимому, в надежде на скорейшее окультуривание.

Поджечь пустующий дом на Хэллоуин для этих душевных парней — красивый афроамериканский обычай, а дать по куполу зазевавшемуся прохожему — повседневный рыцарский подвиг. «Ржавый пояс США» — такое красивое название придумали публицисты для пришедших в упадок индустриальных гигантов в районе Великих озер. На этом винтажном ремне Детройт воистину — самая ржавая бляха. Светящаяся издали огнями небоскребов, а вблизи приводящая путешественника в восторг бесценным мусором свалки.

Американцы порой спрашивают себя, есть ли у Детройта будущее? А ведь вопрос нужно ставить иначе: что, если сегодняшний Детройт — это и есть будущее Америки?

19 января 2013 г.

Америка, которую все обижают

Американская мечта — явиться в гости с пистолетом и с порога пальнуть по хозяину!

В очередной раз мир замер в немом вопросе: будут ли американцы вторгаться в Сирию? Перед этим были Афганистан, Ирак, Югославия. В Афганистане США искали «Аль-Каиду» и «наказывали» плохих талибов, которых, к слову говоря, сами же вырастили. В Югославии перед заокеанской сверхдержавой провинились сербы, обвиненные Вашингтоном в этнических чистках, как будто то же самое не творили албанцы. В Ираке Джордж Буш «обнаружил» у Саддама Хусейна запрещенное биологическое оружие. А потом выяснилось, что никакого биологического оружия там не было и нет. Тем не менее Саддама Хусейна повесили, а американские войска оккупируют эту страну по нынешний день.

Взрыв броненосца «Мэн».

Повод для вторжения в Сирию выбран не менее «убедительный». Правительственные войска этой страны якобы применили в гражданской войне химическое оружие против мирного населения. Стоит ли сомневаться, что меньше всего сирийскому президенту Башару Асаду нужно стрелять ракетой с отравляющим газом по собственным гражданам? Запад ненавидит Асада и оказывает всяческое содействие антиправительственным исламистским формированиям. Под видом повстанцев воюют наемники со всего Ближнего Востока. Авианесущая группировка США, Великобритании и Франции приближается к сирийским берегам. Британские спецназовцы якобы уже действуют на территории Сирии. Запад хочет сместить Асада любыми силами и явно ищет повод для вторжения. Так зачем в этих условиях сирийскому лидеру подставляться под удар извне?

Возможно, я и поверил бы в версию о химической атаке правительства Сирии, если бы талибов выращивали в свое время не американские спецслужбы, а советские инструкторы. Если бы в Ираке действительно обнаружили биологическое оружие. И если бы сербов не резали во время гражданской войны в Югославии.

ДЕЛО НЕ В ХИМИЧЕСКОМ ОРУЖИИ. К примеру, 13 июня 2013 года в Луизиане взорвался химзавод. Отравились 73 человека. Как минимум двое умерли. Через месяц грохнул химзавод в штате Джорджия. Еще три жертвы. Химические предприятия просто так одно за другим на воздух не взлетают. Почему бы не предположить, что в Соединенных Штатах напряжение уже такое, что местные террористы развязали внутреннюю войну? Это же отличный повод ввести войска в Америку, плохо управляемую демократами и Обамой, и защитить право простых американцев на мирную жизнь! Только кто будет посылать миротворческий корпус? Марсиане? Несмотря на то, что в самих Штатах полно внутренних проблем, они остаются самой мощной военной державой мира. Серийные взрывы на химпредприятиях списывают на технологические нарушения. В Вашингтоне снова все спокойно — проблем нет, можно наводить порядок в Сирии.

Прием, с помощью которого США развязывают войны, уже не нов. Он даже приелся с 1898 года, когда Америка впервые вышла на дорогу большого мирового разбоя. Все началось с загадочного взрыва американского броненосного крейсера «Мэн», ставшего поводом для развязывания забытой ныне испано-американской войны.

Ситуация на Кубе тогда очень напоминала нынешнюю сирийскую. Остров принадлежал Испании — одряхлевшей колониальной империи, переживавшей затяжную депрессию. На Кубе шла партизанская война. Местные повстанцы хотели отделиться от Испании и образовать независимое государство. Испанцы, как умели, их подавляли. Точь-в-точь, как сегодня Асад — своих исламистов.

БЕДНЫЙ-БЕДНЫЙ «МЭН»... В конце января 1898 года на рейд Гаваны прибыл крейсер Соединенных Штатов «Мэн». С «дружественным» визитом. Причем без спроса. Испанцы его не звали. Сам пришел. Белый корпус. Желтые трубы. Четыре 10-дюймовых орудия в двух башнях. А еще паруса. Типичный уют эпохи стим-панка. Сказать американцам: «Пошел вон!» у Испании не было сил. Ее флот находился в метрополии — за тысячи миль от Кубы. Частично без угля, а частично — даже без пушек! Пришлось терпеть. «Мэн» простоял в гавани столицы Кубы 20 дней. А потом неожиданно взорвался. Ночью 15 февраля. Когда вся команда спала.

По традиции, унаследованной еще со времен парусного флота, каюты офицеров находились на корме — в противоположном от гальюна (отхожего места) конце.

А взрыв произошел как раз там, где спали матросы, — в районе угольных ям. В результате почти все офицеры вместе с командиром капитаном Сигсби уцелели. Зато почти все матросы в количестве 260 человек погибли на месте. Матросы на американском флоте были людьми грубыми и необразованными. Зато цифра их хорошо давила на психику среднего американца. Он отождествлял себя именно с этими простыми парнями. А речистые господа офицеры в подробностях пересказывали прессе кошмар, который им пришлось пережить.

Как-то сразу же общественное мнение США решило, что в трагедии виноваты... испанцы. Кому же еще было взрывать «Мэн», как не им? Крейсер ввалился в чужой дом, освоился там, никого не трогал, а хозяевам хотелось его как-то выжить побыстрее. Вот и заложили мину под борт! Мысль о том, что нехорошо ходить с дружескими визитами без приглашения, даже не возникла в американских головах. Это была грубая, молодая, бесцеремонная нация, только что отобравшая у коренных жителей, индейцев, всю

территорию «своей» страны. Представляете — всю! От западного побережья до восточного. Двенадцать миллионов краснокожих просто уничтожили, как животных. Устроили геноцид до последнего могиканина! Техас и Калифорнию отобрали у мексиканцев. Луизиану, где сегодня взрываются химзаводы, купили по дешевке у Наполеона. Аляску — у России. Ни одного сантиметра «своей», исконной земли у американцев никогда не было. Все — нахапанное, чужое! А тут еще Куба понравилась.

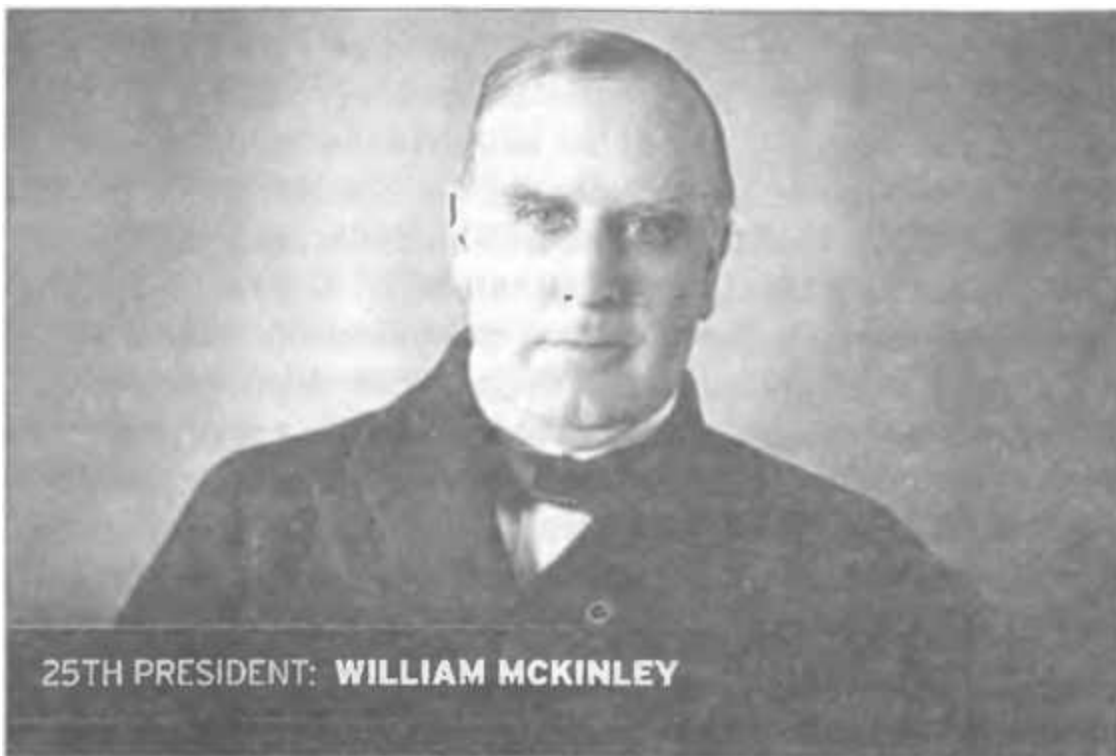

Дорога смерти. Крейсер «Мэн» проходит под Бруклинским мостом в Нью-Йорке.

Виновной в загадочной гибели броненосного крейсера Вашингтон назначил Испанию. Президент Мак-Кинли объявил старому королевству войну. Американский флот пришел к берегам Кубы уже в полном составе. Испанскую эскадру, явившуюся на выручку своему заморскому владению, потопили до последнего корыта. Ее командующего — адмирала Серверу — выловили из воды. А Кубу объявили «независимым» государством, которое в реальности стало полностью зависимым от США, вплоть до победы восстания Фиделя Кастро в 1958 году. Там сидела очередная проамериканская «горилла», вроде Батисты, а сам остров называли «американским публичным домом». Корабли флота США на Кубе дневали и ночевали.

Обреченные на гибель. Команда «Мэна» не знала, что родное правительство принесет ее в жертву.

Президент Мак-Кинли имел внешность отъявленного злодея.

САМИ ВЗОРВАЛИ. Но история с «Мэном» не закончилась! В 1910 году американцы, прочно обосновавшиеся на Кубе, решили поднять затонувший корабль. Он лежал на небольшой глубине и мешал судоходству. Территорию вокруг крейсера окружили водонепроницаемой стенкой. Воду откачали. А несчастного «утопленника» рассмотрели в

подробностях. Выяснилось, что никто миной «Мэн» не взрывал. Взрыв был внутренний. Что-то загорелось на самом корабле. Потом сдетонировали погреба с боезапасами. Проникнуть на борт военного американского судна испанцы никак не могли. Значит, или преступная халатность, или диверсия «ястребов» из самих США, пожелавших толкнуть страну на войну с Испанией.

В пользу последней версии говорил еще один аргумент. На момент своей гибели крейсер «Мэн» был самым устаревшим и неудачным кораблем американского флота. Тихоходный — на испытаниях он едва развил 16 узлов. С неудачным «косым» расположением башен. С низкими бортами, которые заливало волной. Во время даже небольшого шторма эта посудина не могла стрелять. Да и делала она всего по залпу за полторы минуты. Во время военных действий «Мэн» не мог входить в состав новых быстроходных американских эскадр. Это был крейсер-ублюдок, скопированный с устаревшего британского проекта для бразильского флота. Значит, им можно было просто пожертвовать — превратить в отличный повод для вторжения на территорию Кубы.

На палубе. «Мэн» был самым корявым и устаревшим кораблем США.

И хотя непричастность испанцев к подрыву «Мэна» стала очевидна уже в 1910 году, Кубу им никто не возвратил. Тысячи чужих тайн интересовали правительство США по всему

миру! Оно охотно копалось в преступлениях японской военщины и нацизма, разоблачало диктаторов по всему миру, расследовало козни «мирового терроризма»... И только одна тайна прошла мимо его внимания: кто же был тот внутренний враг и «вредитель», который сгубил почти три сотни честных американских душ — кочегаров и комендоров «Мэна»? Вам не кажется это странным?

ДОВЕЛИ ЯПОНЦЕВ ДО ХАРАКИРИ. Но еще более странно другое. Технология, опробованная на взрыве 1898 года, постоянно всплывает в истории мировых конфликтов, участником которых являлись США. Общеизвестно, что 7 декабря 1941 года японская авиация атаковала американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе и потопила находившийся там флот. Плохие японцы. Вероломные. Если бы не две неувязочки. Уже за несколько месяцев до атаки на Перл-Харбор президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт ввел нефтяное эмбарго против Японии. Япония — страна островная. Своих запасов горючего у нее не было. Она ввозила нефть из США, являвшихся тогда крупнейшими добытчиками «черного золота». По сути, Рузвельт посадил японцев на голодный паек. Их корабли и самолеты вскоре могли остаться без топлива. Япония должна была или сдаться без войны, или попытаться захватить энергетические ресурсы юго-восточной Азии, напав на колонии Великобритании и Америки. В качестве приманки в Перл-Харборе были оставлены только УСТАРЕВШИЕ (!) корабли — линкоры, построенные в основном во время Первой мировой войны. Американский авианесущий флот — основа современных морских сил — по странному стечению обстоятельств, находился не в базе, а в открытом море. Зато американское общественное мнение получило впечатляющую картинку разгрома целой эскадры новых «Мэнов» — дряхлых судов, разбомбленных японцами.

ЗЛОДЕЙСКОЕ «НАПАДЕНИЕ» ВЬЕТНАМА. А как Вьетнам «напал» на США, помните? Вы ведь, наверняка, уверены, что это Соединенные Штаты напали на маленькую азиатскую страну. Ваши мозги «промыты» коммунистической пропагандой. А по официальной американской версии, в которую каждый демократ обязан верить вплоть до повреждения рассудком, все выглядит совсем наоборот. Она утверждает, что коварные вьетнамцы хотели завоевать и уничтожить Америку, именно поэтому той и пришлось больше 10 лет уничтожать авиацией потенциальных агрессоров на их же вьетнамской территории! Вот как интересно все получается!

А началась «агрессия» Вьетнама против США с так называемого «Тонкинского инцидента». Тоже почему-то не у берегов Америки, а у побережья самого Вьетнама. В 1964 году во второй половине дня 2 августа американский эсминец «Мэддокс» якобы подвергся атаке вьетнамских торпедных катеров. Все торпеды прошли мимо. Зато один катер был потоплен американцами. Американцы даже не отрицают, что начали стрелять первыми. Просто называют эти выстрелы «предупредительными». Представляете, вторглись в территориальные воды Вьетнама и начали предупредительно постреливать — мол, видите, мы уже пришли! Это же нормальная линия поведения, правда? Вы ведь тоже начинаете поход в гости с предупредительного выстрела по хозяину? Нет? А у американцев это в порядке вещей. В общем, после того как эсминец «Мэддокс» пострелял «предупредительно» по вьетнамским катерам, американская армия и высадилась в полном масштабе во вьетнамских джунглях. Я даже догадываюсь, что она там делала. Вдохновляла Оливера Стоуна на фильм «Взвод», герой которого сержант Эллаенс говорит в порыве откровения: «Должны же когда-

то и нам надавать по морде!». Очень хорошее кино получилось. Чтобы снять его, американцам нужно было потерять убитыми 60 тысяч человек и 303 тысячи ранеными. Ну и еще 3 миллиона вьетнамцев укокошить, отражая их «агрессию» против США на вьетнамской же территории.

ПОСЛЕДНЯЯ БАЗА РОССИИ. Сегодня в Сирии проблема заключается не в загадочной химической атаке против мирных жителей, а в том, что там находится единственная морская база России в Средиземном море. В случае конфликта между Москвой и евроатлантистами, опираясь на сирийские порты, русские могут закупорить Суэцкий канал и погнать всю торговлю англо-американцев окольным путем вокруг Африки.

Сирия — должник России. Кремль всегда выдавал ей кредиты на покупку современного оружия. Привести к власти в Дамаске дружественный Соединенным Штатам режим — это мечта официального Вашингтона. Но если вместо такого режима в Сирии не будет власти вообще, для американцев тоже хорошо. Нет власти в Сирии, значит, нет там и военно-морской базы России, унаследованной еще от СССР. Только в этом причина последних угроз Вашингтона президенту Асаду.

В общем, жаль американцев. Все их всегда обижали. Сначала индейцы, защищавшие родную землю от ненасытных колонистов из Великобритании. Потом Мексика, не желавшая расставаться с Техасом. Потом — испанцы, у которых пришлось отобрать Кубу силой. Японцы обижали Америку. Но особенно вьетнамцы. Так обижали, что просто жуть. Пришлось целого Рэмбо на них выпустить.

Говорят, на обиженных воду возят. А вот, поди ж ты! Американцы — такие «обиженные», что возят воду на всем мире. И мутят ее, где ни появляются.

31 августа 2013 г.

Эпоха перемен

Время не выбирают. Как ни тяжело в переломные времена, а жить надо. Как сказал Николай Карамзин: «История мирит нас с несовершенством порядка вещей, как с обыкновенным явлением».

Есть две точки зрения по поводу переломных эпох. Одна китайская: «Не дай вам Бог жить во время перемен!» Другая — русская, выраженная поэтом Тютчевым: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Его позвали всеблагие, как собеседника на пир!» И та и другая имеют такое же право на существование, как знаменитые утверждения: «Стакан наполовину полон» и «Стакан наполовину пуст». Один и тот же стакан. Одно и то же количество жидкости в нем. И два абсолютно разных мнения! Все дело в том, как относиться к действительности. Как говорится, кому война, кому — мать родна.

Кого-то судьба определяет в эпоху прочную, как золотой рубль. А кого-то — в Столетнюю войну. Или в Татаро-монгольское иго. Так они в них и живут, даже не подозревая, что они так называются. Ведь название эпохе придумают историки — потом, когда она закончится, через много-много лет, а людям-то жить надо! Во что-то одеваться, что-то есть, где-то спать, как-то размножаться... И они умудряются это делать, несмотря ни на какие времена.

Трудно сегодня? А как же! Отовсюду новости одна страшнее другой — телевизор хоть не смотри, газету — не читай. Одно расстройство!

А представьте человека, родившегося, скажем, в 1897 году. Увидел свет Божий при царском режиме. Походил в гимназию, если повезло. Потерял в раннем детстве маму. Воспитывался вместе с братом теткой. Успел поучаствовать в Первой мировой, не зная, кстати, что она Первая. Влип в Великую Октябрьскую революцию, не подозревая, что она Великая — долгое время даже большевики называли ее просто Октябрьским переворотом.

Послужил у белых. Попал в плен к красным. Был чуть не расстрелян одесским ЧК. Чуть не умер с голода в 1920-м. Стал советским человеком, узнал, что Бога нет — и даже, возможно, в это поверил или сделал вид, что поверил. Добился, несмотря ни на что, успеха и славы. Как-то уцелел во время репрессий 1937-1939-го, снова оказался на войне — уже Великой Отечественной. Потерял на ней брата, разбившегося на бомбардировщике. Много пил, завязал, прославился еще больше и даже стал крупным советским чиновником в области культуры. И благополучно скончался в 1986 году, чуть-чуть не дотянув до девяноста лет.

Фантастика? Нет, не фантастика. Это биография нашего земляка из Одессы Валентина Катаева — потомка казаков-полтавчан по матери, и вятского протоиерея по отцу. Знаменитого писателя — автора «Белеет парус одинокий» и «Алмазный мой венец». Почему ему так повезло, никто не ведает. Предки — попы и дворяне, дедушка Бачей — царский генерал, покоритель Кавказа. Бомбой убивали, газами травили, а он выжил вопреки всему и даже в эпоху полного социалистического реализма в литературе (единственно «верного» в брежневские времена!) придумал собственное литературное направление — мовизм.

А вот вам другая биография. Ему посчастливилось родиться в интеллигентной семье в одну из блистательнейших эпох французской истории — время Людовика XIV по прозвищу Король Солнце. Вся жизнь его выпала на время такой СТАБИЛЬНОСТИ, которой Франция не знала ни до, ни после и, наверное, уже никогда не узнает. Король, при котором жил наш персонаж, правил дольше, чем любой другой монарх в европейской истории — целых семьдесят два года! Он вступил на трон в пять лет и умер в семьдесят семь. Все войны, которые вела при нем Франция (а воевала она постоянно — то с испанцами, то с голландцами, то с англичанами и австрийцами), заканчивались только победами. Построили Версаль. Создали флот, на равных соперничавший с британским. Окружили страну цепью мощнейших крепостей. Развили классическую французскую литературу, которую из-за скучности, если не считать Мольера, просто невозможно читать. До сих пор от той эпохи остались дворцы, статуи и тонны мемуаров.

Только нашего героя это не касалось. Пока Людовик совершенствовал свое абсолютистское государство с его эффективностью и блеском, наш герой сидел в тюрьме. Ему приносили еду, меняли белье, выводили на прогулки и очень хорошо стерегли. Он умер в 1703 году в Бастилии, не дожив до смерти своего Короля Солнца целых двенадцать лет. И даже имя этого человека неизвестно. Только прозвище — Железная Маска.

Эпоха процветания. При Людовике XIV продолжалась 70 лет. А Железная Маска всю ее просидел в тюрьме.

Кем он был, за что его посадили, уже никогда не удастся установить. Зато жизнь какая стабильная! И сидел не в Сибири, а во Франции — в самом сердце Европы, в прекраснейшей из возможных стран на Земле!

Однако не всем так повезло, как Железной Маске. Да и «повезло» ли — еще вопрос.

Как и большинство людей, я не люблю перемены. Можете называть меня обывателем. Можете даже удивиться такому признанию, но это факт, который я не собираюсь скрывать. Перемены пугают. Они бьют тебя под дых в самый неподходящий момент. Ты что-то построил, к чему-то приспособился. Свыкся. И тут кому-то захотелось что-то глобально изменить — революция, кризис, бедлам... Куда бедному крестьянину податься?

И все-таки что-то неизъяснимое постоянно толкает человечество на революционные изменения. Ученые называют такие моменты точками бифуркации. От латинского *bifurcus* — раздвоение. В какой-то момент общество приходит в состояние, когда больше не может находиться в прежнем качестве. Верхи — не могут, низы — не хотят. Кто-то достиг так называемого «стеклянного потолка» и бьется головой о перекладину. Кто-то уже не знает, чего ему дальше хотеть. Всеобщее раздражение, нервозность. Потеря радости жизни. Тут-то и наступает нервный срыв, который мы именуем революцией. Вспышка бешенства, агрессии. Политическим элитам нужно в такие времена доказать свою состоятельность или впустить в свои ряды новых членов, напитаться новой энергией, словно поднимающейся от земли.

Редко когда происходит полная смена элит. Чаще всего новый правящий слой, возникший в результате революции, является результатом компромисса старого и нового мира. Для той же Франции XVI век, в отличие от эпохи Короля Солнца, был временем затянувшейся бифуркации. Горячих людей в стране хватало с избытком. Единой нации не существовало. Север страны поддерживал правящую династию Валуа и католицизм. Юг — набиравших силу Бурбонов и протестантизм. Католики считали, что Библию имеют право толковать только специалисты — священники. Протестанты — что этим правом обладает каждый человек. Первые были за дорогую церковь — со статуями и богатым декором. А

вторые — за дешевую, без изображений божеств и золотых цацек.

Привычное дело. В XVI веке религиозные войны во Франции продолжались целых 36 лет! Потом помирились.

За богословскими проблемами, на самом деле, скрывался экономический конфликт. Католический Север во главе с Парижем некогда завоевал Юг и «обчищал» его, собирая налоги. Его устраивало существующее положение вещей. Но Юг больше не хотел платить — бардак и разорение устраивали его больше, чем «стабильность» на далеком Севере, оплаченная за счет пустого кармана южан.

Католики были куда многочисленнее протестантов. Но у протестантов оказалось намного больше денег и, следовательно, солдат, которых они могли нанимать за счет отказа платить налоги центральному правительству. Религиозные войны продолжались с 1562 по 1598 год. Тридцать шесть лет! Несмотря на вспыхивавшие то и дело боевые действия, страна сеяла, пахала, торговала, производила не только оружие, но и одежду, обувь, строила и подновляла дома. Как ни странно, большую часть Франции вся эта канитель даже не интересовала. Война шла за ключевые центры. То католики возьмут в осаду Ла-Рошель, являвшуюся главным портом королевства и одновременно основным центром протестантизма, то протестанты наберутся сил и обложат Париж.

Никто не мог ответить, существует еще Франция или она уже развалилась окончательно? Тем не менее, именно в это страшенькое время сложилась школа замечательного французского Портрета и работал великий философ Монтень. Каждый обзаводился шпагой и мушкетом. Города на ночь запирались. О сносе оборонительных стен никто даже не мечтал. Дверь — потолок. Ключ — позамысловатее. В путешествие — только в компании вооруженных до зубов друзей. Но книги читали. Бродячие театральные труппы ставили комедии — смотреть другой репертуар как-то не хотелось. Статуи нимф и богинь продолжали ваять. Памятником эпохи остались две книги ее современника Пьера де Брантома. Одна называется «Жизнеописания знаменитых капитанов» — время ведь военное! А другая — «Жизнеописания знаменитых дам».

Невзирая на трудности беспокойной жизни затянувшегося переходного периода, названия глав у Брантома говорят сами за себя: «О прелестях красивой ножки и

достоинствах, коими ножка сия обладает» и «О замужних дамах, вдовах и девицах и о том, какие из них горячее прочих в любви». Чуть не забыл: оба произведения бравый вояка Брантом написал благодаря несчастному случаю — он свалился с лошади и несколько лет провел в постели, занимаясь литературными упражнениями по причине временной невозможности к физическим. Потом окреп, встал и принялся за старое. Эпоху религиозных войн благополучно пережил, дотянув до нехилого во все времена для мужчины возраста — семьдесят четыре года. Сама же склока северных и южных французов закончилась компромиссом — Париж признал короля-протестанта, сменившего по такому случаю религию, а все его прежние единоверцы получили широчайшую автономию и право исповедовать все, что они захотят. Налоговый гнет новое центральное правительство, составленное из уцелевших католиков и протестантов, естественно, снизило. Наступили веселые времена «добротого короля Генриха IV», ходившего в заштопанном камзоле и гонявшегося за пригожими девицами даже на седьмом десятке.

Пьер Брантом написал «Жизнеописания знаменитых дам» в самый разгар религиозных войн.

В очерке «Киев-город» Михаил Булгаков насчитал ЧЕТЫРНАДЦАТЬ (!) киевских переворотов, выпавших на долю горожан всего за три года революции. Вдумайтесь: четырнадцать! Видите, как человеку повезло! А у нас за последние десять лет всего два. Хотя, кто знает, как дальше пойдет?

Пенсии не платили вообще. Банки, правда, работали. Но с большими перерывами. В Триполье сидел атаман Зеленый. На Куреневку заходил атаман Козырь-Зирка. Временное правительство, Центральная рада, красные Муравьева, немцы (и снова Рада), гетман Скоропадский, Петлюра, снова красные, Петлюра во второй раз, белые, после них обратно красные, поляки и Петлюра в третий раз, красные... «Не было только греков», — утверждал Булгаков. Чего не было — того не было. Греки в то время осчастливили своим вторжением

Одессу. Вместе с французами.

Тем, кто ныне впадает в уныние, готов напомнить слова великого Карамзина: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Киев, немцы, весна 1918. А всего за три года революции город переживет четырнадцать смен власти.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества».

Что тут добавить? Да и кто я такой, чтобы добавлять что-то к великому Карамзину?

12 апреля 2014 г.

Усмирение по-европейски

Запад не верил в «толстовство» в социальной политике. Он ценил силу.

В мемуарах французского актера Тальма есть эпизод, как он вместе с Наполеоном наблюдал за восстанием в Париже во время Великой французской революции. Наполеон еще не был Наполеоном. Он не был даже Бонапартом. И еще не считал себя французом. Маленького артиллерийского капитана родом с Корсики звали тогда на итальянский манер Наполеоне Буонапарте. И звезда французской сцены, и будущий император оказались свидетелями похода восставшего народа к дворцу Тюильри.

Расстрел в Кремле. На картине художника Верещагина запечатлена сцена расправы французских солдат Наполеона над партизанами. Экспорт еврометодов подавления масс.

Наполеон: «Я приказал бы зарядить две-три пушки и спел бы всю эту сволочь. Народ

боится пушки!»

Революционные французские массы не отличались особой воспитанностью. Они валили по парижским улицам с гиканьем и оскорблениями, потрясая наскоро сделанными из подручных материалов «флагами».

Одно из этих знамен представляло старые черные штаны с надписью: «Дрожите, аристократы, вот идут санкюлоты!» (Санкюлоты по-французски — бесштанники.) Другим флагом было вырванное кровоточащее сердце теленка. Его накололи на пику, прицепив для ясности ленту с пояснением: «Сердце дворянина». Еще толпа тащила виселицу, на которой болталось чучело королевы и... пушку. В общем, это была, как теперь сказали бы, «мирная» демонстрация.

Ввалившись во дворец, европейская толпа водрузила на голову королю Людовику XVI красный революционный колпак и заставила выпить за «здоровье народа». Слабовольный монарх покорно подчинился.

«Вечером, — пишет Тальма, — я встретил на улице Ришелье капитана Буонапарте. Он сказал: «Ваш король, действительно, кретин»... «Вы слишком строги, капитан, — отвечал я, — хотя до известной степени и разделяю ваше мнение. Но вообразите, что вы — король Франции. Что бы вы сделали на его месте?»

Ответ Наполеона гласил: «Я приказал бы зарядить две-три пушки и смел бы всю эту сволочь. Вы не представляете, до какой степени НАРОД БОИТСЯ ПУШКИ!»

АЗИЯ БЫЛА ДОБРЕЕ. Ровно через три года решительный собеседник актера на практике доказал верность своим принципам. К тому времени Людовик XVI уже сложил голову на плахе. Кровавую якобинскую диктатуру Робеспьера смел правый Термидорианский переворот, а Наполеон (уже генерал!) оказался на службе у этого режима в должности коменданта Парижа. Тринадцатого вандемьера (5 октября) 1795 года он смел вооруженное выступление парижан против термидорианцев с помощью умело расставленных артиллерийских орудий и заслужил прозвище генерал Вандемьер. На узких улочках пушечная картечь косила восставших в упор не хуже еще не изобретенных пулеметов. Брусчатку буквально заливало кровью. Но Наполеона это не смущало. Он считал, что иначе толпу не уговорить.

Нас приучают, что Европа применяла какие-то особые гуманные методы решения социальных конфликтов, чем якобы и отличалась всегда от Азии. Но действительность говорит об ином. Первым ненасильственными методами политической борьбы стал воплощать в жизнь «толстовец» Махатма Ганди в Индии в 30-е гг. XX века. Учение русского писателя о непотворении злу насилем произвело огромное впечатление на индийского революционера. Он применил его на практике и добился независимости Индии без пролития крови — с помощью только саботажа и отказа от покупки британских товаров. Британские полицейские избивали безоружные толпы индусов-демонстрантов, а те даже не защищались. В конце концов у подавителей просто опускались руки. С такой безропотностью им просто не приходилось сталкиваться.

В Европе и народ, и власти действовали иначе. И низы, и верхи полагались только на насильственные методы решения конфликтов, руководствуясь принципом Макиавелли, высказанным в книге «Государь»: «Все безоружные пророки гибли, все вооруженные пророки побеждали». Миф о том, что европейцы отличаются какой-то массовой врожденной

интеллигентностью, не имеет под собой почвы. Цивилизацию тут приходилось прививать драконовскими методами. Топор палача и костер инквизиции были самыми действенными способами воспитания на протяжении столетий. Казни совершались публично, дабы служить наглядным предупреждением любителям воровской романтики. А экзекуции отличались такой изощренной жестокостью, какая и не снилась средневековой Руси.

Шпицрутены, которыми прогоняли провинившихся солдат сквозь строй, — шведское изобретение великого короля Густава Адольфа, жившего в ту же эпоху, что и мушкетеры Александра Дюма. Варка фальшивомонетчиков живьем с медленным опусканием в кипящее масло — немецкое ноу-хау. Ослепление пленных — греческое.

«ВЫ ДОЛЖНЫ ЛЮБИТЬ СВОЕГО КОРОЛЯ!» Любопытно вспомнить, как прививал своим подданным тягу к порядку прусский король Фридрих Вильгельм — папа Фридриха Великого и современник Петра Первого. На послеобеденную прогулку этот европейский монарх всегда выходил с увесистой дубинкой. Заметив нарушение дисциплины, король тут же колотил своих «добрых подданных» без малейшей пощады, как заправский полицейский.

Иногда он набрасывался на них и просто из-за плохого настроения. «Однажды, гуляя после обеда по Берлину, — пишет Вольфганг Фенор в книге «Король-солдафон Фридрих Вильгельм I», — он заметил несчастного еврея, пытавшегося спрятаться в переулке. Он высочайше поймал его и спросил: какого черта тот убегает от короля? Дрожащий от страха еврей ответил: «Я боюсь, ваше величество». Фридрих Вильгельм принялся бить его палкой и кричать: «Боишься? Боишься? Вы любите ДОЛЖНЫ своего короля!».

Такими же методами воспитывал любовь к чистоте у жителей Берлина и дедушка Фридриха Вильгельма — Фридрих III по прозвищу Великий Курфюрст. Берлинцы выливали помой прямо на немощные улицы, где визжали роющиеся в объедках свиньи. Передвигаться приходилось на ходулях. В некоторых местах грязь доходила до колен, несмотря на то, что крестьянам приказывали вывозить ее за город на пустых телегах, когда те возвращались с рынка. Великий Курфюрст обязал каждого домовладельца Берлина вымостить улицу брусчаткой от собственного дома ровно до середины проезжей части, одновременно запретив разводить свиней в столице. Уличные старосты получили строгое распоряжение монарха, которое тот провел через городской совет: «Каждому, кто выбросит мусор из двора на улицу, забросьте этот мусор в его дом!». Покончить с грязью помогла только эта мера. Вскоре по Берлину стали гулять в обычных туфлях.

Жесткость немецких правителей той эпохи возникла не на пустом месте. Она стала результатом печального опыта народных волнений в Германии в начале XVI века. Обычно те кровавые события наши историки называют Крестьянской войной. Но города тоже не оставались в стороне. В них творились вещи, просто не укладывающиеся в голове современного обывателя. Появление печатного станка вызвало первую информационную революцию. Каждый грамотный человек стал читать Библию, извлекая из нее революционные теории по своему вкусу. В 1534 году начитавшийся Библии 25-летний бродячий актер Ян Лейденский, явившись («по данному свыше Господом откровению») в Мюнстер, захватил власть в городе и организовал религиозное государство. Актер объявил себя «новым царем Израиля», женщин сначала обобществил, а потом ввел многоженство, церкви превратил в вертепы, где шли представления на библейские сюжеты с эротическим уклоном, и зажил в окружении 18 жен (!), рассылая во все места Германии прокламации,

пропагандирующие его образ жизни. При этом Ян Лейденский утверждал, что просто подражает практиковавшим полигамию древним иудейским царям, о жизни которых прочел в Библии.

Такая вольная трактовка Священного писания не пришлась по вкусу ни религиозным, ни светским властям Германии. Зачем обещать простонародью рай после смерти, если какой-то актеришка уже всю наслаждается райским блаженством в Мюнстере, соблазнив всех горожан?

Архиепископ Мюнстера собрал рыцарское ополчение, город, переживающий молодежную сексуальную революцию в острой форме (напомню, что новый «пророк» был немногим старше современных студентов, а его паства в основном состояла из 20-летних юнцов и таких же девиц), взяли в осаду и захватили штурмом. Никто даже не попытался с Яном Лейденским договориться или вступить в дискуссию. Все 18 жен «царя» были казнены, а самому ему отрубили голову. Где, спрашивается, была европейская «толерантность» и уважение к «правам человека»?

РАССТРЕЛЯЛИ ЧЕРЕЗ ОКНА. Печальная судьба Людовика XVI убедила французских политиков, что народ, конечно, можно использовать в своих интересах, но если он выходит из повиновения, все средства хороши. XIX столетие — это не только век нескольких французских революций, но еще и время жесточайших подавлений народных восстаний в Париже. В 1848 году в столицу Франции приехал начинающий писатель и богатый русский помещик Иван Тургенев.

Карикатура на генерала Кавеньяка. Подавление беспорядков 1848 г. в Париже обошлось в 30 000 жертв.

Он собирался глотнуть «воздуха свободы», вырвавшись из николаевской России, и чуть не был расстрелян во время очередной революции. Французские национальные гвардейцы генерала Кавеньяка, подавлявшие выступление рабочих, арестовали литератора прямо на улице.

Во время революции 1848 года в Париже туриста Тургенева чуть не расстреляли, приняв за революционера.

По воспоминаниям приятеля автора «Му-Му» Васильчикова, офицер национальной гвардии подошел к Тургеневу и спросил, почему тот не выполняет долг гражданина и не носит мундир национального гвардейца? Тургенев ответил, что он — русский. «А, вы — русский агент! — закричал офицер. — Вы явились сюда, чтобы возбуждать распри! Вы раздаете деньги мятежникам!». Офицер приказал отвести Тургенева «в мэрию», что означало просто расстрел. Оттуда через каждые пять-десять минут раздавались залпы — так расстреливали пленных повстанцев.

Только вмешательство одной из знакомых писателя, убедивших карателей, что подозрительный русский не имеет никакого отношения к восстанию, спасло его от смерти — Тургенева просто посадили под домашний арест. Но летние дни в Париже он вспоминал, как самые ужасные в своей жизни: «Улицы, разрытые и облитые кровью, дома разрушенные, пробитые насквозь, как кружево (представляете, какая была пальба!), часть пленных инсургентов были посажены в погреб под Тюильри. Там от ран, духоты, тесноты, сырости, недостатка пищи открылась между ними зараза. Они проклинали своих мучителей. Их расстреляли через отдушины и решетчатые окна».

Военный врач, участвовавший вместе с солдатами правительственной армии в подавлении восстания, рассказывал Тургеневу, что после убийства полковника в одном из парижских кварталов его подчиненные поклялись перерезать всех живущих на улице, где это произошло. Около 40 женщин и детей были расстреляны немедленно. Солдаты били прикладами женщин по затылкам, а потом расстреливали в упор на полу. И все это происходило в прекрасной Франции в июне 1848 года! Не так уж и давно, если задуматься. Причем, и правительство, и восставшие были республиканцами. Просто они разошлись во взглядах на демократию.

Европа и сегодня не церемонится при любой попытке выйти за рамки при уличных протестах. Конечно, теперь недовольство выражается в игровых формах. Но стоит «заиграться», как в дело вступают водометы и полицейские с дубинками и слезоточивым газом. В 1968 году во время студенческих волнений в Париже генерал де Голль не

постеснялся занять Латинский квартал отрядами полиции, тут же применившими силу. Ему даже в голову не приходило «договариваться» с анархистствующей молодежью. С одной стороны, «патриарх» Франции, отстаивавший ее интересы в двух мировых войнах на поле боя, а с другой — какие-то юнцы, утверждающие, что де Голль «устарел»? С кем «вступать в переговоры»? Дубинками их!

Мирная демонстрация 1789 г. В Париже народ ходил протестовать к королю с пушкой и чучелом королевы.

При этом, нужно признать, что голлистская Франция была достаточно авторитарной страной с ограниченной свободой слова и государственной монополией на телевидение. Герой-генерал не собирался делиться властью с новым поколением политиков. Уйти в отставку его заставила только всеобщая забастовка, требовавшая 40-часовой рабочей недели и повышения минимальной зарплаты до 1000 франков — не хулиганство недоучек, а организованное сопротивление профсоюзов, не применявших никакого насилия. Остановленные конвейеры оказались действеннее любого восстания в старинном духе с отрубленными головами и бычьими сердцами на копьях.

ТАНКОМ НА ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЕНГРИИ. Совсем недавний пример — беспорядки в Будапеште шесть лет назад. Запалом для взрыва стало обнародование записи разговоров премьер-министра Венгрии Ференца Дьюрчаня, признавшего, что ему приходилось приукрашивать экономическое положение в стране во время предвыборной кампании. Но подлинной причиной наскоро организованной «бархатной революции» эксперты называют то, что Дьюрчань, пытаясь вывести страну из кризиса, сблизился с Россией.

Буквально накануне уличных выступлений ультраправых премьер-министр вернулся со встречи с Владимиром Путиным. А за год до этого Венгрия заключила новое экономическое соглашение с Москвой, после которого торговля между двумя странами выросла в три раза — почти до 10 млрд долларов. Готовился крупный проект по созданию на территории Венгрии российских газохранилищ, что должно было ударить по интересам американских энергетических компаний. И кто-то (догадайтесь, кому это было выгодно?) тут же спустил венгерских неонацистов из партии так называемых «йоббиков» (в переводе — «правых») против «еврея» Дьюрчаня, «солгавшего» нации.

Восемнадцатого сентября 2006 г. «йоббики» захватили старый советский танк Т-34, сняв его с постаментов, ворвались на первый этаж телецентра и попытались прорвать полицейский кордон возле дома правительства. Но танк заглох, экипаж его выкурили слезоточивым газом, а толпу ультраправых разогнала полиция. Кабинет Дьурчаня устоял ценой ранений более 150 человек, в том числе не менее сотни полицейских. Сам же премьер заявил: «Если 2–3 тысячи человек не понимают, что можно делать, а что нельзя, это не основание, чтобы нарушать мир и спокойствие в стране».

В общем, так это сегодня делается в Европе.

18 января 2014 г.

Майдан по-французски

В январе 1648-го Франция оказалась в такой же ситуации раздора, как наша страна в феврале 2014 г. То, что сегодня происходит в Украине, у многих вызывает ужас. Перестрелки между боевиками и беркутовцами на Крещатике. Захваты административных зданий. Первые погибшие и бесконечные переговоры между оппозицией и президентом в то время, когда простые люди ждут скорейшего разрешения политического кризиса. Многие спрашивают меня: когда ЭТО закончится? Как сказать? Наша страна снова влипла в ИСТОРИЮ.

А начиналось все с игры в прачу! Вот до чего может довести гражданское противостояние, если заиграться. Теперь французы называют ту эпоху веселым словом «Фронда».

Теперь придется не жаловаться на отсутствие новостей. Как долго? Будущее покажет. К примеру, Франция в самой середине XVII века жила в подобной вредной для здоровья ситуации целых пять лет! А остались от нее только веселое название La Fronde (Фронда) да роман Александра Дюма «Двадцать лет спустя». Будто ничего страшного и не случилось!

В переводе «фронда» означает «рогатка», «праща». Знаменитое восстание получило свое название из-за того, что парижские мальчишки в начале его стреляли по королевским солдатам из рогаток, притаившись за углом. Толковый словарь, кроме прямого значения, дает еще одно, переносное: «непринципиальная, несерьезная оппозиция по личным мотивам». Ничего себе несерьезная! Народу положили тысячами! Устроили самую настоящую гражданскую войну. Брели и сдавали Париж. А потом легкомысленно махнули по-французски рукой и отделались от кошмара одним веселым словечком «Фронда»...

Впрочем, французов можно понять. Несчастливая, обделенная богом. Одна война у них называлась Столетней. Другая — Тридцатилетней. А если учесть, что в 1648 г. многие во Франции еще не отошли от эпохи Религиозных войн (тех самых, с Варфоломеевской ночью!), которая была для них ближе, чем для нас сегодня Великая Отечественная, то можно понять,

почему, пережив Фронду, современники д'Артаньяна ничего особенного не почувствовали. Мол, пронесло — могло быть и хуже. Между тем параллели с нашим сегодняшним днем у Фронды просто поразительные.

Украину ведь недаром сравнивают с Францией. Но в середине XVII века эта страна была особенно похожа на нынешнюю Украину. Хотя нет. Она была все-таки значительно запутаннее и хуже. Жители соседних государств считали ее диковатой малоцивилизованной страной, населенной полуварварами. Еще не было великой французской литературы. И философии. И архитектуры. Немощенные узенькие улицы Парижа воняли помоями. Из дорог во всей стране самыми лучшими были старинные римские, насчитывавшие минимум полторы тысячи лет. По остальным было не пройти, не проехать! Там за каждым кустом на обочине сидело по волку, поджидавшему Красную Шапочку.

Жители разговаривали на разных языках и плохо понимали друг друга. Нечто похожее на нынешний французский язык существовало только в столице. На севере страны говорили на языке «ойль», а на юге на языке «ок» — и то, и другое слово означали «да». Причем, в основном говорили, а не писали, по причине почти полной неграмотности. Впрочем, во многих селах существовали свои, вообще больше никому не понятные диалекты.

ФРАНЦИЯ БЕЗ ФРАНЦУЗОВ. Жители чувствовали себя не французами, а бретонцами, пикардийцами, бургундцами. Процветало землячество и кумовство. Те же мушкетеры (аналог нашего «Беркута») комплектовались в основном из гасконцев — потомков басков, населявших юг Франции. Гасконцы тянули друг друга в Париж и захватили самые вкусные места в системе, как теперь сказали бы, «поддержания общественного порядка». С них и кормились.

Доходило и до такого. Народ в Париже выражал недовольство самым активным образом.

Остальные провинциалы искренне ненавидели Париж, высасывавший из крестьянской

страны все соки, и считали его зажравшимся. Тем более, что на севере страны с голода приходилось есть лягушек, а на юге — улиток. От такой убогой жизни и улитко- и жабоеды бежали за океан — в недавно открытую Канаду, становясь совсем уж одичавшими охотниками за пушниной — трапперами (аналог наших казаков). А те, что оставались дома, назло друг другу исповедовали две конкурирующие религии — католичество и кальвинизм (разновидность протестанства). Обе христианские общины пребывали в такой «любви», что время от времени устраивали взаимную резню.

В общем, если и была в Европе по-настоящему разделенная и неустроенная страна, так это Франция. Кое-кто ее даже и страной не считал. К примеру, испанцы хотели оттяпать весь юг — тот самый, что разговаривал на языке «ок», очень похожем на каталонский и кастильский в Испании. А англичане отнюдь не считали Столетнюю войну окончательно проигранной и еще собирались во Францию вернуться, чтобы забрать «свое» — все те местности, где царил язык «ойль» и трескали лягушек.

Но и парижане были недовольны, хотя им-то жилось лучше всех! Они страдали так называемым «столичным комплексом» и считали, что все им должны — и король, и провинция, а налоги платить не любили и постоянно прятали бизнес «в тень». А так как среди парижан было больше всех грамотных, то главное их развлечение заключалось в чтении сатирических антиправительственных брошюр и листовок, авторы которых «троллили» власть. Эти листовки были аналогом современного интернета.

Пока во Франции жесткой рукой правил Людовик XIII и его первый министр кардинал Ришелье, страна еще кое-как держалась в одной кошелке. Всем сепаратистам и заговорщикам кардинал без раздумий рубил головы на Гревской площади в Париже, невзирая на социальное происхождение. Король без раздумий во всем поддерживал политику своего первого министра и утверждал смертные приговоры для бунтовщиков, даже когда ими оказывались люди из его ближайшего окружения — например, главный конюший Сен-Мар, задумавший сместить Ришелье. Эту свою «королевскую обязанность» Людовик XIII охотно выполнял, несмотря даже на то, что, по словам современного французского историка Эмиля Маня, «писал, как ребенок, крупными, неровными буквами, а уж об орфографии и говорить нечего».

Премьера Мазарини не любил, хотя он обладал админспособностями и был выдвигенцем великого Ришелье.

ДОСТАЛО ВСЕ! Но в 1642 и 1643 годах король и его первый министр один за другим умерли (сначала Ришелье, а вслед за ним — Людовик), и страна оказалась в полосе относительной свободы. Малолетнему Людовику XIV, когда в лучший мир отошел папа, исполнилось только пять лет. Правила вместо него мама — королева Анна Австрийская (сорокадвухлетняя женщина еще в полном соку, с ненасытным аппетитом как за обеденным столом, так и в постели) и ее любовник — кардинал Мазарини. Кроме того, что заниматься любовью, эта парочка особенно любила повышать налоги.

И тут французский народ пришел в страшное возбуждение. «Да кто такие эти Анна Австрийская и кардинал Мазарини? — стали возмущаться французы. Откуда они на нашу голову взялись? Мы и сами — не пальцем деланные!» Особенно кипятились парижане, начитавшиеся уличных листовок с «критикой» на кардинала — так называемых «мазаринад». Они шумели просто, как на базаре.

Масла в огонь подливало еще и то, что королева и ее интимный друг были иностранцами: Анна, несмотря на свое прозвище, была испанкой, а кардинал — итальянцем. И никто не хотел вспоминать, что кардиналом сделал Мазарини покойный Ришелье, заметивший административные таланты шустрого итальянца, а королеву королевой — Людовик XIII, которого, как только он умер, все вдруг начали вспоминать с ностальгией и даже писать на заборах: «Людовик, вернись!»

Первой державой мира в те времена была Испания, игравшая в международных раскладах роль США. Именно ей, а не Британии, принадлежали моря, ее гарнизоны стояли во Фландрии (нынешняя Бельгия) и на Сицилии, контролируя морские пути, и ее галеоны везли в метрополию из Южной Америки бочки с добытым индейцами золотом и серебром. Как сейчас Соединенные Штаты навязывают везде «демократию», так тогда Испания стремилась привить всей Европе католицизм в качестве самого правильного учения, гарантирующего и прижизненное, и посмертное блаженство. Все французские «правдолюбцы» имели привычку бегать в посольство Испании за инструкциями и поддержкой — как сказали бы мы сегодня, за «грантами», на которые можно было выпустить очередную порцию «мазаринад». Таких «иностранных агентов» во Франции развелось довольно много, благо золота у Испании хватало.

БУНТ ОЛИГАРХОВ. Но самыми главными иностранными агентами были «принцы крови» — аналог наших олигархов, состоявшие с королевской семьей Франции в разной степени родства. Принцы получали лучшие должности, становились губернаторами говоривших на разных языках французских провинций, но каждый из них хотел быть первым министром, вместо Мазарини, и очень боялся, что «семья» заберет себе все. Принцы крови тоже роптали и наперегонки бегали в испанское посольство, а иногда, особенно заинтриговавшись, смывались за границу — в эмиграцию, наподобие некоторых украинских обиженных олигархов. В январе 1648 г. эта милая политическая система закипела, как луковый суп.

Королева Анна Австрийская сначала арестовала главных оппозиционеров, а потом — отпустила.

Анна Австрийская и кардинал Мазарини решили ввести новую порцию налогов, чтобы довести до конца войну с Испанией — Франция, представьте, с ней еще и воевала! Но парижский парламент отказался их утвердить (чувствовалась рука Мадрида!) и перешел в глухую оппозицию правительству. Особенно неистовствовал президент парламента Пьер Брюссель — крайне упрямый тип и опасный интриган. Используя свое служебное положение, он отказался регистрировать королевские указы, вводившие новые налоги. Хитрый Брюссель снюхалсл. с Палатой косвенных сборов и Счетной палатой и, как сказала в сердцах Анна Австрийская, создал свою «республику внутри государства». Парижские мальчишки, подогретые взрослыми, начали стрелять из рогаток по окнам сторонников королевы — аналог Автомайдана.

Тогда Анна Австрийская приказала арестовать Брюсселя, что и было с успехом проделано. В ответ парижане настроили баррикад — сразу 1260 штук. День, когда они это сделали, так и вошел во французскую историю. Его назвали — День баррикад. Столица стала совершенно непроходима. Даже экскременты (а удаляли их из Парижа, по причине отсутствия канализации, в обычных бочках) стало невозможно вывезти. Так все и благоухало — ДУХОМ ПОЛНОЙ СВОБОДЫ.

Самое же пикантное, что именно из этих ассенизационных бочек, а также пустых винных (пили парижане немерено!) большинство баррикад и было построено. Почему не из булыжников? А потому, что, как я уже написал выше, улицы в столице Франции никто не мостил. Они мало чем отличались от сельских дорог. Пришлось возводить укрепления из бочек. «Баррика» — по-французски «бочка». Именно от этого слова и произошла «баррикада».

Впрочем, экскрементам парижане в революционной деятельности применение тоже нашли. Так как дерьма в Париже стало просто по уши, его тоже использовали для борьбы. Отхожие места по-французски *le cabinets* — «кабинеты». Засядут недовольные налоговой политикой парижане по «кабинетам», зачитываясь одновременно прокламациями,

выплеснут из себя негодование в ночные горшки, а потом выглядывают в окна и ждут, когда к баррикадам подъедут королевские гвардейцы, чтобы разбирать. И тут же льют все, что накопили в горшках (по сравнению с убогой французской провинцией, столичные жители, повторяю, питались прекрасно!) из верхних этажей «опричникам» на головы.

В ДНИ БАРИКАД. В романе Дюма всех этих прятных подробностей нет. Там идет «война в кружевах», где уличные бои описаны примерно так: «С двадцатью мушкетерами он ринулся на всю эту массу народа, которая отступила в полном беспорядке. Один только человек остался с аркебузой в руке. Он прицелился в д'Артаньяна, карьером несшегося на него. Д'Артаньян пригнулся к шее лошади. Молодой человек выстрелил, и пуля сбила перо на шляпе д'Артаньяна. Лошадь, мчавшаяся во весь опор, налетела на безумца, пытавшегося остановить бурю, и отбросила его к стене. Д'Артаньян круто осадил свою лошадь, и в то время как мушкетеры продолжили атаку, он с поднятой шпагой повернулся к человеку, сбитому им с ног».

Просто гражданская война. Сравнивая себя с Францией, неужели мы хотим повторить ее ошибки?

В реальности же оказалось, что действенных средств против баррикад из вонючих бочек и ночных горшков с экскрементами у правительства Анны Австрийской и кардинала Мазарини просто не нашлось. Баррикады были самым передовым на тот момент средством уличной войны — НЕПРЕОДОЛИМЫМ. Никакими кружевными манжетами невозможно было их стереть.

НОЧНОЙ ГОРШОК ПРОТИВ ШПАГИ. Только в конце следующего столетия военные теоретики (кстати, все в той же Франции, пристрастившейся к антиправительственному

«баррикадированию») придут к выводу, что бороться с баррикадами можно с помощью легких штурмовых пушек и обходов с флангов прямо через дома. Но до такой простой истины в 1648 году было еще очень далеко, а пушки были такими тяжелыми и громоздкими, что просто не пролезали в узкие парижские улицы. Несмотря на наличие лучших в мире мушкетеров, Анна Австрийская была вынуждена уступить — она выпустила из тюрьмы Брюсселя и бежала из Парижа в провинцию. И даже пошла на переговоры с парламентом, удовлетворив все его требования.

В Сен-Жермене — пригороде Парижа — между королевой и бунтовщиками было подписано соглашение, означавшее фактическую капитуляцию законной власти. Партия Ночных Горшков положила на лопатки Партию Шпаг. Но это было только началом борьбы.

25 января 2014 г.

В XVII в. Франция оказалась на грани распада из-за игры в «демократию».

Париж середины XVII столетия не любил своих королей. Короли отвечали ему взаимностью. Малолетний Людовик XIV, от имени которого правили Анна Австрийская и Мазарини, был только третьим правителем Франции из династии Бурбонов. Их род происходил с юга — из королевства Наварры. Это отдельное маленькое государство в предгорье Пиренеев находилось с Францией в отношениях вассалитета.

Унизительный финал. Главный фрондер принц Конде не подозревал, что пойдет на поклон к Людовику XIV, когда тот вырастет в Короля-Солнце. А пришлось склонить голову...

Как известно, дедушка Людовика Генрих IV «купил» свою корону знаменитой фразой: «Париж стоит мессы». Предыдущая династия пресеклась. Занять трон мог только католик, и протестант Генрих — веселый грубый южанин, пахнущий чесноком и очередной девкой, которую он валял на соломе в своем «региональном» королевстве, легко отказался от религии отцов ради скипетра и короны Франции.

Малыш Людовик XIV натерпелся страху от французских олигархов, мечтавших урезать его полномочия.

Во времена Фронды эту историю хорошо помнили. Парижане считали Бурбонов выскочками, приспособленцами и нахалами, мечтающими загрести все под себя. А короли стремились жить не в Лувре, а на природе — подальше от своей столицы, постоянно кипевшей возмущениями и баррикадами.

Папа Людовика XIV, правивший под счастливым номером «13», все свободное время проводил на охоте, переезжая из одного королевского замка под Парижем в другой. Он был мастер на все руки, замечательно делал ключи и отмычки, с помощью которых залезал в чужие сейфы, а однажды, когда у его кареты сломалась ось, лично починил ее, лишь бы не возвращаться в Париж, где ремесленники его недолго любили и заламывали королю тройную цену. Людовик XIV, когда закончится Фронда, вообще построит Версаль — собственную Конча-Заспу и Межигорье одновременно, а в столицу будет приезжать только изредка для участия в самых важных церемониях. Даже иностранных послов этот король станет принимать в Версале, по сути — на «даче».

ОЛИГАРХИ «ЗА НАРОД»? Но осенью 1648 года до этого было еще очень далеко. Чтобы заслужить право прохлаждаться в персональном «межигорье», следовало победить оппозицию, перегородившую Париж баррикадами вдоль и поперек. Сен-Жерменское соглашение по форме означало полную сдачу королевской власти перед бунтовщиками. Но, по сути, ни гордая испанка Анна Австрийская, ни ее любовник — предприимчивый итальянец Мазарини, правившие от имени пацаненка Людовика XIV, не собирались уступать ни пяди и рассчитывали вернуть все, что потеряли.

Французские олигархи — те самые принцы крови, слегка прижатые королевской «семьей» — тоже гнули свои козыри. Народное движение в Париже, подогретое денежками испанского посольства, их несказанно обрадовало. На словах эти проходимцы стали на сторону «восставшего народа», как тут же называли безобразный бунт с выливанием жидких экскрементов на головы королевским гвардейцам, а на деле вступили в тайные переговоры с

правительством, стремясь выторговать себе самые вкусные куски государственного пирога.

Самым предприимчивым «олигархом» среди оппозиционеров был принц Конде — молодой богач, считавший, что главное в жизни — это конфеты. Он трескал их буквально пригоршнями, а заодно любил бывать в гуще событий и давать различные сражения. Причем не без успеха. Королева тут же перекупила его и фактически сделала первым министром.

На некоторое время это охладило страсти. 15 марта 1649 года парламент пришел к соглашению с королевским двором. Парижане разобрали баррикады. Коалиционное правительство, во главе которого стояли теперь Мазарини (от короля и его матери-регентши) и Конде (как бы «от народа») приступило к работе.

Восстановили деятельность и коммунальные службы. Накопленные за месяцы восстания стратегические запасы дерьма, переломившие ход французской истории, вывезли в дубовых бочках на загородные свалки. Они буквально окружали столицу прекрасной Франции со всех сторон. А вместо этого водовозы в других бочках — чистеньких — стали поставлять в Париж родниковую воду, чтобы парижане не хлебали ее прямо из Сены, ежеминутно рискуя подцепить желтуху и дизентерию.

ВЕЛИКИЙ КОНФЕТОФИЛ. Однако между Конде и Мазарини сразу же вспыхнул производственный конфликт двух «гениальных» управленцев — старого и молодого. Официально вроде бы по принципиальным вопросам государственного значения, а в реальности — за деньги. Парни никак не могли поделить бюджет.

Мазарини стремился сохранить финансирование королевским гвардейцам, представлявшим единственную реальную опору власти. А Конде требовал побольше раздавать народу различных «конфет», стремясь повысить собственную популярность. Но это только на словах! На деле же хитрый конфетный принц греб все себе. Причем все нарастающими темпами.

Министры-соперники. «Великий» Конде и «великий» Мазарини не помещались в одном маленьком Кабмине.

Одни «политологи» (эти приятные люди, комментирующие все, были уже тогда)

шептали на ушко королеве, что Конде хочет остаться единственным премьер-министром, а другие шли в своих прогнозах еще дальше. По их словам, выходило, что Конде собирается прикончить маленького Людовика XIV и его младшего братца — безобидного карапуза герцога Анжуйского — и сам собирается взобраться на королевский трон! Ведь династия Бурбонов была совсем молода и еще, как говорится, не «усиделась», а у Конде тоже имелись какие-то права на кресло монарха в государстве, где половина жителей говорила слово «да» как «ойль», а другая половина — как «ок», и при этом совершенно не понимали друг друга.

Герцогиня де Шеврез играла во Фронде роль Юлии Тимошенко. Все нити интриг вели к ее сексатильной личности.

Неожиданно нашлись приверженцы у обижаемого всеми Мазарини — этот премьер-министр владел официальным французским в той же степени, что и наш Азаров государственным украинским, зато был опытным хозяйственником. И скажем прямо, неплохим человеком. Мазаринофилы открылись даже в рядах оппозиции! Ведь жадный Конде с ними не делился!

К примеру, невероятно оппозиционный (просто до одури!) молодой мордобоец герцог Ларошфуко неожиданно признался г-же де Шеврез, игравшей в политической системе Франции ту же роль, что в нашей — г-жа Тимошенко (при всех режимах ее то изгоняли за пределы страны, то сажали в тюрьму, а покойный кардинал Ришелье вообще падал в обморок, когда слышал ее имя!), что Азаров, извините, Мазарини — незаслуженно обижен и мог бы еще послужить Франции. Ведь именно под него дают иностранные кредиты.

МЫ НЕ ЦЕНИЛИ МАЗАРИНИ! В мемуарах Ларошфуко есть соответствующая запись его беседы с г-жой де Шеврез, собиравшейся выбраться из очередного «изгнания»: «Я изобразил ей, насколько мог точно, положение дел: рассказал об отношении королевы к кардиналу Мазарини и к ней самой; я предупредил, что нельзя судить о дворе по ее давним знакомым, и неудивительно, если она обнаружит в нем множество перемен; посоветовал ей руководствоваться вкусами королевы, поскольку та их не станет менять, и указал, что Кардинала не обвиняют ни в каком преступлении, и что он не причастен к насилиям

кардинала Ришелье; что, пожалуй, лишь он один сведущ в иностранных делах; что у него нет родни во Франции и что он слишком хороший придворный. Я также добавил, что не так-то просто найти людей, настолько известных своими способностями и честностью, чтобы можно было отдать им предпочтение перед кардиналом Мазарини. Г-жа де Шеврез заявила, что будет неуклонно следовать моим советам. Она прибыла ко двору в этой решимости».

Конде поднял хвост не только на Мазарини, но и на королеву. И тут же получил по шапке — точнее, по шляпе с красивым страусиным пером. Его выгнали в отставку, а потом заключили в тюрьму.

Все остальные принцы крови, не мешкая, выступили в защиту «несчастливого» любителя конфет. Вместо парламентской Фронды парижан вспыхнула ее вторая серия — так называемая Фронда принцев. Вот тут уж резались жестоко!

У каждого из принцев было по собственной армии из отморожков, мотивированных как идеологически (только мы правы, а на остальных плевать!), так и деньгами, щедро выделяемыми Испанией на дезинтеграцию буйного Французского королевства. Все словно впали в помешательство. Дороги наполнили шайки бродячих солдат. Таверны брали штурмом. Винные лавки и погреба захватывали вместо крепостей. Девиц насиловали. Старух и стариков убивали для развлечения. За детьми охотились педофилы. За беззащитными красавицами — маньяки, наподобие того, что описан в романе Зюскинда «Парфюмер». Никто в мире не узнавал французов. Пусть у них и была плохая репутация полудикарей, готовых убивать друг друга по любому поводу, но такой дикости от жителей «несуществующего» государства никто не ожидал. И все это называлось веселым словом Фронда — Игра в прашу!

Начались события, с трудом поддающиеся описанию. Королева выпустила из тюрьмы Конде. Тот вместо благодарности тут же кинулся в драку, спеша побыстрее окровавить шпагу. Оппозиция и власть давали настоящие полевые сражения под грохот пушек и шелест развевающихся знамен. Баталии начинались красиво, по всем правилам «войны кружев», но трупы никто не хотел убирать — все, что не успевали съесть собаки, разлагалось на солнце, так что даже маньяки-парфюмеры временно прекращали злодействовать и разбежались во все стороны, зажав носы.

Битва за Париж. Игра «в прашу» пошла нешуточная — дырявили друг другу головы из пистолетов нещадно.

МАЙДАН НА ТРИ ГОДА! В таких опасных для жизни развлечениях Франция провела ни много ни мало — целых три года! Парламент принял решение, что иностранцы не имеют права занимать государственные посты. Кардинал Мазарини то бегал из страны, то снова возвращался. Иностранные банки потребовали вернуть кредиты. Экономическая жизнь замерла. Экспорт прекратился. Импорт тоже. Традиционная французская кухня лишилась всех самых важных своих ингредиентов. Было выпито все вино из погребов и проедены все запасы зерна. Даже улитки и лягушки куда-то исчезли (если честно, их просто съели до последней), а мыши вешались с голодухи в пустых амбарах. Не осталось даже лука для лукового супа. Холодная рука Голодомора взяла за брюхо «маленького француза». Мысль подсказывала: «Пора мириться!». Самолюбие шептало: «Не уступай! Герой должен стоять до смерти! Как Жанна д'Арк!».

От всего происходящего выигрывали только испанцы. Все деньги, выданные оппозиции на «революцию», все равно возвращались в Мадрид, так как «оппозиционеры» покупали на них оружие — все у той же Испании. Ведь во Франции прекратился даже выпуск мушкетерских шпаг. Кузнецы разбежались, а добыча руды остановилась из-за перманентной гражданской войны всех против всех.

А ВСЕМ ВЫЖИВШИМ — АМНИСТИЯ. И тут словно благодать снизошла на покинутое Богом королевство. Кто-то в Париже, где все и началось, бросил клич: «Хватит!». Враждующие стороны пошли на взаимные уступки. Королева в очередной раз уволила Мазарини. Парламент отправил в отставку нескольких самых оголтелых депутатов, не желавших успокаиваться. На принца Конде просто плюнули, посоветовав ему отправиться в родовой замок — попросту говоря, в деревню, из которой он был родом, и там заняться более мирным делом — например, кормить гусей. Люди, еще вчера готовые отдавать жизнь за «великого Конде» (под такой кличкой он фигурирует в истории) теперь даже понять не могли, зачем они так кипятились из-за такого незначительного человека.

Конде не желал сдаваться. Но несколько крепостей, еще находившихся под его контролем, капитулировали перед королевскими войсками, как только у оппозиции закончилось для них жалованье — ведь и казна Испании не была безгранична.

Единственным плюсом оказалось только то, что жители разных частей Франции в результате междоусобицы чуть лучше познакомились друг с другом и поняли, что худой мир все-таки лучше доброй Фронды. Хотя бы тем, что во время мира убийство считается преступлением, а во время Фронды — подвигом. Бургундцы, провансальцы, пикардийцы, гасконцы и даже заносчивые парижане с их неистребимым столичным комплексом стали впервые осознавать себя частью одного народа. Пусть и очень не похожего на самого себя в разных областях большой страны.

Чтобы не разжигать страсти, королевское правительство проявило небывалое до того милосердие. Никаких казней, как во времена Ришелье. Всеобщая АМНИСТИЯ для всех главарей и участников восстания. Старики, помнившие, как было с этим во времена Религиозных войн, даже всплакнули от умиления. Через двести лет трагедия, пережитая Францией, уже казалась просто смешной. Фронда, мол, что с нее взять... Несерьезное что-то. А Дюма даже написал свои «Двадцать лет спустя», сделав жутковатую, если без шуток, эпоху веселым фончиком для продолжения приключений «Трех мушкетеров». И снял, как обычно, кассу. Ну, могло ли прийти фрондерам в голову, что они режут соплеменников ради коммерческого успеха романов какого-то бойкого «негра» (в реальности — квартерона), чья бабушка была родом с далеких Антильских островов?

1 февраля 2014 г.

Железный закон революций

Во время революций люди в буквальном смысле «выходят из себя». Стремятся выскочить из тесных старых одежд и сменить их новыми.

Хотя по роду занятий я — историк и литератор, но чаще всего мне, как и большинству людей, приходится думать не о прошлом, а о будущем. Прошлое только помогает спрогнозировать то, что произойдет с нами. Образно говоря, тот, кто знает историю, держит ключи от дверцы, через которую войдет в будущее. О том, что происходит с нами сегодня, я впервые задумался в... 2002 году.

Я был тогда начинающим писателем, опубликовавшим только две книги. Но они пользовались некоторым успехом, и журналисты стали брать у меня первые интервью. Одно из них вышло в очень популярном тогда киевском журнале «Академия», пытавшемся совершить практически невозможное — соединить глянец с интеллектуализмом.

Москва, 1993 г. Российская Федерация — тоже детище революции. В столице России Белый дом горел точно так же, как Дом профсоюзов в Киеве в феврале нынешнего года.

ЛАВНЫМ-ДАВНО. В этом интервью я сказал следующее: «Хочу сделать маленькое предсказание. Если будет продолжаться ситуация зажатости, начнется террор. Сначала информационный, когда для разрушения репутации других людей будут использовать интернет, грязные пиаровские технологии. Потом это может перейти в террор физический. Очень давно не было чисток и репрессий, в ходе которых уничтожались буйные и активные. А сейчас подрастает новое поколение. Мы его не замечаем, оно родилось, по большому счету, где-то в 1991 году. И оно вот-вот проявится. Молодые люди придут и увидят мир, который им не принадлежит. Увидят банки, в которых у них нет счетов, автомобили, которые едут по улицам и в которых сидят не они, поделенные земельные участки, принадлежащие не им. Они спросят: «Почему у нас всего этого нет?» И самые горячие ударятся в террор. Потому что если у тебя в руках университетский диплом, но нет работы, выбор весьма

ограничен».

Иными словами, уже тогда я думал о смене поколений и возможности революции в Украине. По мере того, как напряжение в украинском паровом котле нарастало, я все чаще вспоминал это интервью. Действительность убеждала меня, что я прав. И в дни первого Майдана 2004 года. И когда в Киеве появились «Фемен» с их, на первый взгляд, абсурдным бунтом против морали, за которым проглядывал жесткий экономический расчет. И во время второго Майдана.

Советские поколения, родившиеся в 1930-е и 1940-е, на которых держалась до этого Украина, естественным образом уходили вместе со своей системой ценностей. Бандитские 1990-е выстроили политическую систему, жесткую и непроницаемую для чужаков: закрытый клуб «счастливиц», уцелевших в междоусобицах за раздел «народной» (на самом деле — государственной) собственности. Социальные лифты отсутствовали. Вместо них процветала семейственность. Дети, сестры и любовницы «хозяев жизни» становились депутатами. Остальным доставалась в качестве утешительного приза «стабильность» и «ВЕЛИКА ПОДЯКА», как в анекдоте про колхозное собрание. А киевское метро наполняли недовольные люди из райцентров и сел, стремившие убежать из родных мест, где не осталось работы. Ориентированная на экспорт сырья экономическая модель все равно оставляла в бюджете страны ежегодную дыру в 7 млрд долларов. Могло ли ОНО в таких условиях не рвануть? Да еще при президенте, которого Анна Герман на днях назвала олицетворением быстрого обогащения и гламура? (Дословно: «Вместе с Януковичем ушла эпоха быстрых денег и гламура»...)

Кто бы мог подумать, что плоды Французской революции соберет Наполеон? Анархию всегда сменяет диктатура.

КОГДА ЛИФТ НЕ ЕДЕТ. Мы многое узнали и во многом изменились. Хотя и не нашли пока счастья. Ведь не может же быть утешением золотой батон «гламурного» президента, обнаруженный вместо золотого унитаза? Разве это тот «хлеб», которым Христос накормил тысячи страждущих?

Сказать по-честному, все было не так плохо. Страна развивалась. Домики строились.

Машинки покупались. С голоду никто не умирал. Многие даже ездили на отдых — кто в Турцию, кто в Европу. Но первое железное правило революции крепло, как та бейсбольная бита, которой вооружились «мирные» активисты. **ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ.**

В этом не было ничего типично украинского. Разве плохо жилось в дореволюционной России? Значительно спокойнее и сытнее, чем в раннем СССР в 1930-е. Но революция произошла. Только потому, что сыну крестьянина надоело быть крестьянином, сыну попа — попом, а местечковому еврею, жившему за чертой оседлости, — местечковым евреем. Наследственные права царской семьи, монополизировавшей политическую власть, раздражали подавляющее большинство жителей империи всех оттенков красного и белого, вплоть до кучки аристократов, убивших Распутина (напомню, что белая гвардия — тоже детище революции, только не Октябрьской, а Февральской). И царя свергли, хотя лично он был весьма неплохим человеком, с эстетическими вкусами куда утонченнее, чем у нашего последнего президента: вместо золотых батонов коллекционировал яйца Фаберже.

С точки зрения психологии любая революция — это разновидность помешательства, массовый психоз. Люди в буквальном смысле «выходят из себя». Стремятся выскочить из тесных старых одежд и сменить их новыми. Если кто-то думает, что я отделяю себя от остальных сограждан, он ошибается. Отделить себя от психоза революции НЕВОЗМОЖНО. Его переживают ВСЕ. И тот, кто ее хотел. И те, кто не хотел. И революционер. И контрреволюционер. Я тоже его пережил. И временами переживаю до сих пор. Эта боль имеет свойство накатывать в самый неподходящий момент. Временами она бывает просто непереносима. Но именно эта боль, переворачивающая душу (революция в буквальном смысле слова — «переворот») возвращает нас к жизни, заставляя выделить в ней самое ценное.

Несбыточная мечта. Один из законов любой революции гласит, что она всегда есть попыткой воплотить в действительность МЕЧТУ О БУДУЩЕМ. Французская революция выдвинула лозунги Свободы, Равенства и Братства. Октябрьская революция в России пыталась сделать реальностью РАЙ НА ЗЕМЛЕ — коммунистическое общество. И то, и другое, естественно, недостижимо. Нынешняя послереволюционная Франция (кроме первой, самой известной, в ее истории было еще четыре революции — 1830-го, 1848-го, 1870-го и студенческая 1968-го) — по-прежнему одно из самых забюрократизированных государств на Земле. А на «братьев» меньше всего похожи якобинцы, уничтожавшие своих революционных конкурентов-жирондистов и, в конце концов, уничтоженные ими на той же гильотине, которую первым «раскрутил» якобинец Робеспьер.

Украинская революция началась с мечты о Европе. Поводом для нее стал отказ Януковича подписать договор о евроассоциации. Европа мыслилась как рай. Подпишем — и все будет хорошо. Януковича нет. Политическая часть ассоциации подписана. Экономическая — тоже. Скоро все на практике убедятся, что это такое, и достигим ли рай в евроассоциации — хотя бы та его часть, которая называется безвизовым режимом. Недовольных много. Плату за коммуналку подняли в полтора раза. Зарплаты заморожены. Социальные выплаты урезаны. Стране грозит безработица. Но разве можно запретить жить мечтой?

Ведь революционеры всегда хотят поменять буквально все. Французы даже календарь придумали новый, начав отсчет времени от дня свержения королевской власти (22.09.1792 года), а привычные августы и сентябри переименовав во «фруктидоры» («дарящие фрукты») и «вандемьеры» (месяцы сбора винограда). Календарь продержался до 1805 года, когда его

отменил Наполеон.

Именно он, образно говоря, собрал плоды Французской революции, хотя на заре ее этого никто не предполагал.

Все революции всегда завершаются авторитаризмом, диктатурой или... реставрацией (то есть возвращением предыдущего режима). Они ищут безграничную свободу. Даже — анархию. А приходят к порядку еще более жесткому. Русская революция 1917-го закончилась «красным царем» Сталиным. Английская революция XVII века — восстановлением династии Стюартов. Когда в 1649 году англичане отрубили голову Карлу I, кто мог сказать, что в 1660 году на трон вернется его сын Карл II, и та же Англия (точнее, почти та же!) будет встречать его радостными криками?

МОСКОВСКИЙ МАЙДАН. Кто мог предсказать приход Путина, которого теперь одни называют «диктатором», а другие — «лидером российской нации», в тот августовский день 1991 года, когда Ельцин стоял на танке возле Белого дома в Москве? А ведь это тоже было!

В нынешней России украинскую революцию восприняли настороженно. Сегодня там мейнстрим — консервативные охранительные настроения. Причем не только наверху, но и внизу. Между тем киевская революция удивительно напоминает российскую времен Ельцина. Киевляне хотят в Европу? Москвичи тоже жаждали этого в 1991-м. Им хотелось вкусить «общечеловеческих» ценностей, о которых так долго говорил Горбачев. «Общечеловеческие» — аналог наших европейских.

Большую роль в московской революции 1991-го сыграли русские националисты. Я помню тогдашние настроения в России: «Во всех республиках СССР есть компартии, а у нас нет! Во всех республиках — свои столицы, а Москва — столица Советского Союза, а не России!» Развал Союза начался не с Беловежской пуши, а с Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой 12 июня 1990 года. Именно этот документ запустил механизм «демонтажа» СССР. Аналогичное решение о суверенитете Украины было принято более чем через месяц — 16 июля 1990-го. И явно под влиянием событий в Москве.

Тогда Ельцину для прихода к власти удалось собрать в один кулак российскую либеральную мечту и российскую почвенническую. Точно так же в Киеве на Майдане произошла смычка украинских европоцентристов с ультранационалистами. Их ситуативно объединила ненависть к прежнему режиму. В обоих случаях налицо был кризис управления — Янукович так же разучился руководить страной и адекватно оценивать ситуацию, как и Горбачев. Поразительны даже такие совпадения, как попытка двух падающих лидеров построить свой маленький дачный рай в тот момент, когда все вокруг них рушилось! Падение своей власти Горбачев встретил на даче в Форосе (новую крымскую резиденцию, под ропот возмущенных масс, строили специально для него), а Янукович — в пресловутом «Межигорье». Кто скажет после этого, что история не повторяется?

Кризис элит в столицах империй всегда приводит к отпадению окраин. Пока в Москве, Париже или Киеве дерутся за власть, «колонии» отправляются в самостоятельное плавание. У каждой революции есть свой Крым. Это такое же железное правило любого революционного переворота, как и попытка воплотить Мечту. Когда в конце XVIII века якобинцы в Париже устанавливали свой «культ разума», обильно поливая его древо кровью казненных политических противников, в далекой французской колонии Сан-Доминго (Гаити) восстали негры-рабы. Они провозгласили независимость и создали свою свободную «черную» республику. Присоединить ее снова к Франции не смог даже Наполеон Бонапарт.

Первое, что сделал Ленин, придя к власти, — предоставил независимость Финляндии. Точнее, даже не предоставил, а просто СОГЛАСИЛСЯ с нею, прекрасно понимая, что в противном случае получит очаг белого сопротивления прямо у изголовья «колыбели революции». В последний день уходящего 1917 года Совет народных комиссаров признал независимость Финляндии «в полном согласии с принципами права наций на самоопределение». К тому времени финская нация, как говорится, полностью вызрела — до революции страна находилась в унии с Российской империей, объединенная общим монархом. Отречение Николая II от престола автоматически расторгало и унию.

За переворот в Москве в 1991 году новой российской политической элиты, состоявшей из наскоро перекрасившихся в «демократов» партноменклатурщиков младшего поколения, пришлось согласиться с «разбором» СССР и уходом из единого союзного государства «республик-сестер». На этом плата за революцию не закончилась. Междоусобица уже среди победителей осенью 1993-го, когда за власть стали бороться президент РФ и Верховный Совет (Ельцин против Хасбулатова и Руцкого), обернулась уличными боями в Москве, штурмом «Останкино» сторонниками парламента и ответным обстрелом Белого дома войсками «царя Бориса». Точное количество погибших не определено до сих пор — чаще всего называют цифру в 2000 человек. После этого возникшей на развалинах Союза стране пришлось пережить еще две чеченских войны, подавляя сепаратистские тенденции уже внутри себя самой.

Киев, 2014 г. Все революции чем-то похожи друг на друга. Это стихия, обижаться на которую невозможно.

НА КРУГИ СВОЯ. Революция — это стихия. Причем, в отличие от землетрясения или цунами, это стихия в нас самих, что делает ее особенно опасной, хотя и такой захватывающе интересной. Это изменение массового сознания, затрагивающее, тем не менее, каждого. Белогвардейский публицист граф Алексей Толстой не знал в дни революции, что станет «красным графом». Монархист доктор Булгаков не подозревал, что станет советским писателем и даже сталинистом в своей последней пьесе «Батум». Русский офицер Петров

вряд ли думал, что превратится в военного министра УНР и уедет в эмиграцию как петлюровец. Петлюровские солдаты Сосюра и Довженко даже не догадывались, что их ждет судьба видных советских деятелей культуры.

На революции бессмысленно обижаться. Тот же Булгаков, при всей его сатирической язвительности, уверял, что «на революцию невозможно написать пасквиль». «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», — эти тютчевские строки стали хрестоматийными, хотя многие с ними и не согласятся.

У каждого в такие дни своя судьба. Кто-то убивает, а кто-то спасает. Одно не отменяет другого. Не осуждайте. Не впадайте в отчаяние. Вспомните библейскую фразу, которой отметил Шолохов в «Тихом Доне» могилу «бессудно убитого» Валета: «В годину смуты и разврата не обессудьте, братья, брата»... Почему-то именно она крепче других засела из этого романа мне в память.

Вспоминая революцию и Гражданскую войну, мой дед, которому в 1919-м было семнадцать, говорил: «Тоді людину вбити було раз плюнути». Но сам он никого не убил.

Самый главный закон революций состоит в том, что все они рано или поздно заканчиваются.

29 марта 2014 г.

Памяти швейцарской гвардии

Все революции похожи друг на друга. Не многие из них остаются «бархатными». Европа щедро лила свою кровь, меняя режимы, пока не научилась щадить себя.

Эту трагическую историю напомнили мне революционные события зимы 2014 г. в Киеве. История географически очень далекая от нас — дело было в Париже. Да и по времени не близкая — то, что я вам расскажу, случилось 10 августа 1792 года. Тем не менее все революции, так или иначе, похожи друг на друга.

Они выполняли приказ. Почти никто из солдат полка, защищавших дворец Тюильри, не остался в живых. Они сражались за каждую лестницу, каждый зал.

К тому лету великая французская смута продолжалась уже три года. Король Людовик XVI — слабовольный толстяк — еще сидел на троне, но уже ничего не решал. Вся власть находилась у Национального собрания и уличной парижской толпы. По сути, власти никакой не было. Начиналась анархия.

Король попытался сбежать из Парижа. Он был уже почти на границе — в лотарингском городишке Варен. Но его вернули — через дверцу кареты почтовый служащий, симпатизировавший революции, узнал характерный профиль короля, знакомый ему по монетам.

Людовика поместили во дворец Тюильри, по сути — в золотую клетку, и заставили объявить войну Австрии. Со слезами на глазах бедняга согласился — австрийский император был его тестем, они жили душа в душу и совсем не собирались воевать.

Но одно дело — объявить войну. И другое — отправиться на фронт. Большинство парижан, даже уверенных, что они стоят за правое революционное дело, совсем не желали бросать дома и лавки и идти воевать за новое правительство, назначенное Народным собранием.

Армии у Франции не было. Три года революции уничтожили ее. Офицеров-

аристократов, симпатизировавших королю, уже травили как «врагов народа». Большинство из них просто сбежало за границу. Солдаты не знали, что делать и кого слушать. Они пребывали в растерянности. Многие дезертировали.

РОЖДЕНИЕ НАЦГВАРДИИ. Вместо армии Национальное собрание объявило о формировании Национальной гвардии (la Garde Nationale). Все граждане Парижа, а потом и провинциальных городов, изъявившие желание, пошли в нее служить под команду выборных офицеров. Но так как офицеры были выборными и к тому же земляками, то их мало слушались. Гвардия получилась очень национальной, но почти не управляемой.

Воевать по-настоящему она не хотела и прославилась только при подавлении народных восстаний (а было и такое!) в поддержку старого режима, который многие французы считали лучше революционного.

Страсти накалялись. По Парижу гуляли слухи, что австрийская армия надвигается на столицу. Что дикие «кроаты» (так называли солдат австрийского императора, наемников из балканских славян) вот-вот войдут в Париж и начнут всех резать и грабить. Что король состоит с ними в тайных сношениях (а он действительно переписывался со своим австрийским тестем и просил прощения за начатую против собственной воли войну) и что лучше его попросту свергнуть и жить без него — по собственному разумению.

10 августа огромная толпа национальных гвардейцев, сочувствующих им парижан и приехавших из провинции революционно настроенных боевиков (Брестский и Марсельский батальоны) окружили дворец Тюильри. Точное количество их не установлено. Чаще всего историки называют цифру в 25 тысяч человек. Восставший народ имел несколько пушек, захваченных в арсенале, пики и ружья, но мало патронов — не более трех на человека.

А короля защищал всего один полк швейцарской гвардии, насчитывавший около тысячи солдат. В те времена Швейцария была еще достаточно бедной страной. Ее жители уже умели делать хорошие сыры и часы. А еще — детей. Детей этих по причине безработицы и полного отсутствия в Швейцарии каких-либо полезных ископаемых (ни нефти, ни угля, ни железной руды там нет и сегодня) было некуда девать. Поэтому швейцарские кантоны сдавали их в наем различным европейским правителям — в армию.

Это считалось в Швейцарии чрезвычайно удачной судьбой. Самые здоровые и смелые покидали родные места и отправлялись служить на равнину — Римскому Папе, германским князьям, а чаще всего — французскому королю.

Во французской армии швейцарские полки (прообраз нынешнего Иностранного легиона) имелись с начала XVI столетия. Самым знаменитым из них был полк Швейцарской гвардии, основанный в 1616 году. На момент революции он насчитывал более полутора веков боевой истории.

ЗАКОПАВ ЗНАМЕНА. По-видимому, швейцарские гвардейцы отлично понимали, что им предстоит. Покидая свои казармы в окрестностях Парижа, они закопали шесть своих знамен в подвале. Только белое знамя с золотыми лилиями Генеральской роты полка и два знамени 1-го батальона, несшего караул во дворце, находились в Тюильри.

Один из вождей революции — Дантон — отдал приказ: «Осадить дворец, уничтожить там всех и особенно швейцарцев, захватить короля и его семью, препроводить их в Венсенн и охранять как заложников».

Приказ Дантона гласил: «Осадить дворец, уничтожить там всех и особенно швейцарцев и захватить короля».

У короля сдали нервы. Рано утром, когда все только начиналось, он вместе с семьей и министрами покинул дворец и отправился в Национальное собрание. Швейцарские гвардейцы, занимавшие посты, ничего этого не знали. Они были простыми честными солдатами, привыкшими больше всего чтить устав и слушаться приказов. Они не знали, что король, как обычно, ведет двойную игру и пытается договориться с вождями революции, чтобы сохранить свой трон и дворец. Они не подозревали о приказе Дантона, не оставлявшего им ни малейших шансов на спасение. Они не знали даже того, что командир гарнизона Тюильри маркиз де Манда, вызванный в городскую Ратушу, уже объявлен «изменником» и убит. В те времена не существовало спецсвязи и мобильных телефонов. Приказы передавали записками. Позвонить другу в соседний район, а тем более в соседний город, чтобы узнать обстановку, было невозможно. Швейцарская гвардия находилась в Тюильри в окружении революционной толпы в условиях полной информационной блокады.

Людовик XVI забыл о своих гвардейцах. По сути, они защищали... пустоту.

Кто-то из восставших выстрелил из пистолета по окнам дворца. Зазвенели разбитые стекла. Сержант Денди поднял ружье и прицелился в стрелка. Но его остановили — нельзя стрелять без приказа! В условиях отсутствия высших офицеров полком швейцарцев командовал Дюрлер. Вожак восставших Вестерман схватил его за руку и истерически закричал: «Переходите к нам, с вами хорошо обойдутся, сдайтесь нации!». Дюрлер ответил: «Я сочту себя обеспеченным, если сдамся. Если вы оставите нас в покое, мы не причиним вам вреда, но если вы атакуете, то вынудите нас защищаться».

Переговоры перешли в брань. Вестерман стал орать на Дюрлера, требуя немедленной сдачи. Но тот оставался на удивление спокойным. Глядя прямо в лицо орущему Вестерману, швейцарский капитан отрезал: «Я отвечаю за свое поведение перед швейцарскими кантонами — моими суверенными властями. Я никогда не сложу оружия!».

Эту фразу стоит объяснить. Полк Швейцарской гвардии существовал в строгом правовом поле, определенном договором между кантонами (субъектами федерации Швейцарии) и французским королевским правительством. Франция не просто платила деньги землякам Дюрлера за службу, а перечисляла их в горную страну, которая могла жить хорошо только в том случае, если ее солдаты безупречно несли службу Людовику XVI. Швейцарские гвардейцы чувствовали двойную ответственность — и перед законным правительством Франции, и перед своим собственным.

Один из восставших (для гвардейцев он был просто мятежником) неожиданно нанес Дюрлеру удар пикой. Но тот успел отвести ее рукой. Нападавшим стало ясно, что без боя никто не сдастся.

Впоследствии уцелевшие участники штурма по-разному описывали его начало. Революционеры утверждали, что швейцарцы «коварно заманили» их во дворец, а потом, «неожиданно» начав стрельбу, «убили множество невинных жертв». Но лейтенант гвардейцев де Люз, вспоминая те события, возразил: «Я клянусь перед Богом, что мы не открывали огня. Наш полк не стрелял до тех пор, пока Национальная гвардия не произвела три или четыре выстрела из пушек по дворцу».

Ясно, что нервы у всех были на пределе. Толпа хотела захватить Тюильри. Швейцарский

полк, согласно присяге, обязан был его удерживать. Пушечный выстрел со стороны восставших развязал руки всем.

Наполеон: «Никогда позже ни одно из моих полей сражений не производило на меня такого впечатления...»

ПЕРЕПУТАННЫЙ ПРИКАЗ. В это время огромная толпа уже заполнила Королевский двор Тюильри. Выстроенные перед дворцом четыре роты по команде офицеров подняли ружья и произвели залп. Из окон в поддержку им начали стрелять остальные подразделения полка. Крупнокалиберные пули тогдашних кремневых ружей произвели страшное опустошение среди восставших. Более сотни погибли на месте — в том числе и командир Марсельского батальона Муассон. Королевский двор Тюильри представлял собой страшное зрелище — толпа отхлынула, везде валялись только окровавленные трупы, шляпы и брошенные ружья.

Два десятка марсельцев, не успевших убежать, бросились в ноги швейцарским гвардейцам, моля о пощаде. Дюрлер приказал разоружить их и поместить в кордегардию — караульное помещение. Швейцарцы могли добить их штыками, но не сделали этого. Они были профессиональными солдатами, а не убийцами. Все пушки восставших оказались в руках Дюрлера и его солдат.

Но на вырочку парижанам подходили новые отряды восставших с пушками. У швейцарцев кончались патроны. Заряды пришлось вынимать из сумок убитых товарищей и отдавать их лучшим стрелкам. Под залпами картечи отряд Дюрлера отступил во дворец. Ружья пришлось сломать, чтобы они не достались нападавшим. У швейцарцев уже не оставалось ни одного патрона. Действовать штыками в тесных помещениях было бессмысленно. Большинство гвардейцев оставили себе только пехотные полусабли, полагавшиеся им по штату.

В этот момент из Национального собрания от короля прибыл гонец — граф д'Эрвийи. Людовик XVI наконец-то вспомнил о гвардейцах и вручил ему записку со словами: «Король приказывает швейцарцам отступить в свои казармы. Он находится внутри Собрания».

Но гонец перепутал приказ. Вместо «вернуться в казармы» он прокричал: «Приказ короля — прибыть в Собрание!». Кто-то из французских дворян патетически закричал: «Благородные швейцарцы, идите и спасите короля! Ваши предки делали это не раз!».

«СПАСИТЕ КОРОЛЯ!». Не все солдаты, рассредоточенные по огромному дворцу, могли услышать этот приказ. Но примерно две сотни из них под градом пуль подняли королевское знамя с лилиями и рванули в сторону Национального собрания. Пули сбивали листья в саду над их головами, летели куски штукатурки, падали убитые. Шляпу капитана Дюрлера пробила пуля. Со всех сторон швейцарцам кричали: «Палачи народа, сдавайтесь!».

Когда швейцарские офицеры ворвались в зал Национального собрания, некоторые депутаты стали выпрыгивать в окна. Но приказ короля обескуражил их. «Сдайте оружие Национальной гвардии, — сказал Дюрлеру Людовик, — я не хочу, чтобы столь храбрые люди, как вы, погибли». Отряд Дюрлера был вынужден сложить оружие.

Но в Тюильри оставалось еще около 450 гвардейцев. Они не слышали приказа и продолжали драться на каждой лестнице, в каждом зале. Практически никто из них не остался в живых. Восставшие добились даже раненых и хирурга, делавшего им перевязки. Закололи штыками даже двух мальчишек-барабанщиков, плакавших возле трупа своего отца. В подвалах Тюильри толпа нашла винный погреб. Десять тысяч бутылок тут же расхватили и откупорили. Во дворе развели огромный костер из королевской мебели. В пламя бросали трупы гвардейцев и наблюдали, как они жарятся. Как вспоминал один из очевидцев, какие-то обезумевшие женщины вырезали сердце погибшего солдата и стали пожирать его.

За всем этим, стараясь быть неузнанным, наблюдал один из королевских офицеров — будущий император Франции Наполеон Бонапарт. Он спрятался в одной из лавок, окна которой выходили на площадь, где происходило побоище. Впоследствии уже в ссылке на острове Святой Елены он вспоминал: «После взятия дворца и отбытия короля я осмелился пробраться в сад. Никогда позже ни одно из моих полей сражений не производило на меня такого впечатления от множества трупов, как это, сплошь усеянное телами убитых швейцарцев. Быть может, причина этого заключалась в тесном пространстве. Или в том, что первое впечатление от подобного зрелища всегда немного сильнее. Я видел там женщин, совершавших самые дикие издевательства над трупами».

Швейцарский опыт. Тем не менее молодой Бонапарт считал, что исход сражения висел буквально на волоске, несмотря на неравенство сил. В тот же день, когда произошел штурм Тюильри, Наполеон отправил письмо своему брату с такими словами: «Если бы король показался верхом на лошади, победа осталась бы за ним». Молодой офицер мысленно поставил себя на место Людовика XVI и дал понять, что сделал бы, окажись в королевской шкуре. Впоследствии он именно так и будет поступать, всегда воодушевляя своих солдат личным примером. Через много лет, в 1821 году, в швейцарском городе Люцерн был открыт памятник в честь подвига земляков в далеком Париже. Он представляет собой сраженного льва, покоящегося на сломанных копьях и двух щитах. На одном из них — королевские лилии Бурбонов. На другом — швейцарский крест. Римские цифры напоминают о дате — 10 августа 1792 г. Памятник носит название «Люцернский лев».

Ныне Швейцария — одна из самых процветающих стран в Европе. Но, находясь в Европе, она не является членом Европейского союза. Она живет своим умом. В недрах Швейцарии по-прежнему не обнаружено никаких полезных ископаемых, кроме соли, что не мешает ей входить в десятку самых развитых мировых экономик. По государственному

устройству Швейцария — федерация. У нее четыре государственных языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский, на котором разговаривает всего один процент граждан. Каждый швейцарский призывник имеет дома оружие. Но никому из них, несмотря на языковые и этнические различия, не придет в голову убивать друг друга. Правду говорят: патроны — не в стволах, а в головах.

5 апреля 2014 г.

Республики 1918 года

Чтобы не наломать дров в Украине сегодня, нужно вспомнить революцию и Гражданскую войну. Тогда, кроме УНР, тут возникли сразу несколько конкурирующих республик.

Харьков, 1918. Там было провозглашено две республики — Украинская Народная Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и Донецко-Криворожская.

В очередной раз я вспоминаю слова Карамзина: «История утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные». Конечно, история — слабое утешение. Большинство людей не желают попадать ни в какие истории. Им хочется просто жить — работать, растить детей, строить дома, ездить на отдых в любимившиеся места. То есть пребывать не в историческом линейном времени, сулящем всяческие неприятности, а в уютном циклическом, где зима гарантированно сменяется весной, а первое блюдо — вторым и десертом.

Создателем Донецко-Криворожской Республики считается Федор Сергеев по подпольной кличке «товарищ Артем».

Но история не дремлет и то и дело ввергает зазевавшегося обывателя в пучину всяческих бедствий. Поэтому полезнее ее все-таки знать. Иногда она помогает лучше корвалола. Когда ушел Крым, начались выступления на Юго-Востоке с требованиями федерализации и государственного статуса для русского языка, а потом вдруг словно бы из ничего возникла загадочная Донецкая республика, окруженная блокпостами, мальчики и девочки в телевизоре первым делом заголосили о заговоре. А я вспомнил времена далекого 1918 года, когда телевизора еще не было, зато на территории Украины, кроме Центральной Рады, имелись Одесская и Донецко-Криворожская республики, украинское советское правительство в Харькове и Крымское краевое правительство генерала Сулькевича. И еще много чего, вплоть до всем известного батки Махно, которого вполне можно рассматривать, проводя исторические параллели, как предводителя гуляйпольской самообороны.

Мне вообще иногда кажется, что с 1991 года, когда в Москве пал Горбачев, мы переживаем повторение великого имперского кризиса 1917-го — только замедленное во времени. Пассионариев сегодня куда меньше, чем сто лет назад. Обыватель же, наоборот, пошел в рост. Поэтому события разворачиваются с меньшей интенсивностью. На то, что в начале прошлого века требовались годы, теперь уходят десятилетия.

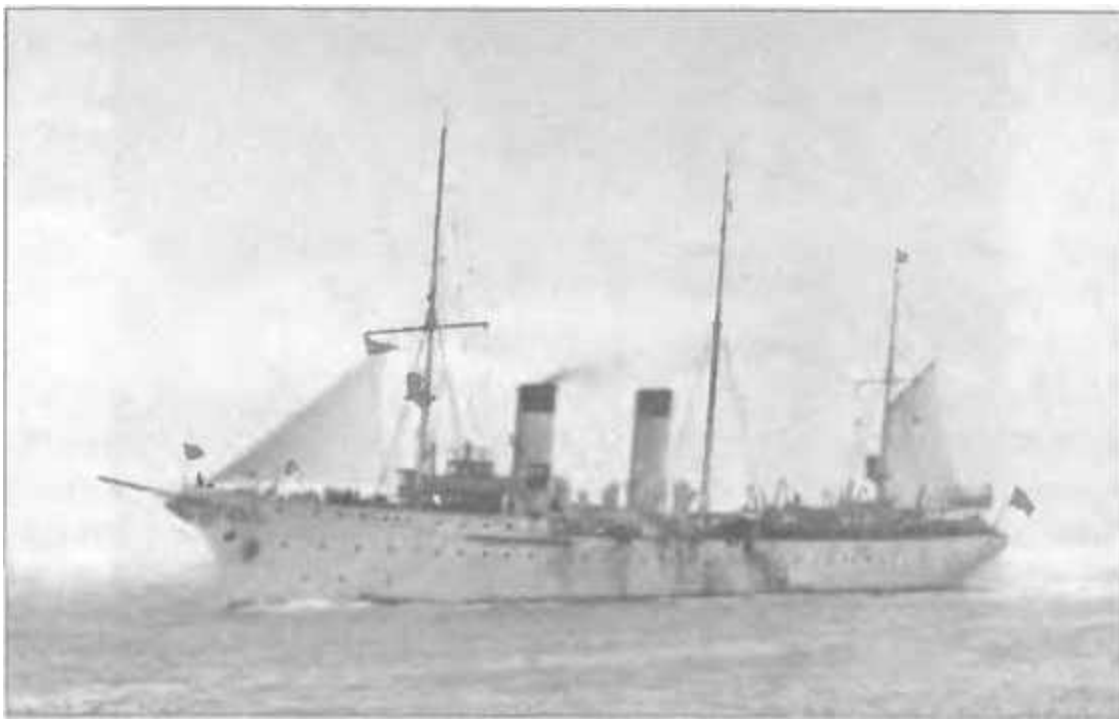
ЗАПАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДЫ. Точно так же, как Майдан на сломе 2013–2014 годов «разбудил», сам того не желая, Юго-Восток (все события там происходящие — всего лишь зеркало тектонического толчка из Западной Украины), киевская Центральная Рада в 1918-м подала пример «творчеству масс» в Крыму, Одессе и Харькове. Правительство Рады никто не выбирал, кроме самой Рады. Власть ее в Киеве опиралась на несколько военных частей, либо перешедших на сторону новых властителей, либо сформированных на скорую руку, как гайдамаки Симона Петлюры. За пределами Киева этот «уряд», возникший, словно бы из ничего, никакого влияния не имел. Там, если честно, вообще не было никакой власти.

Царский режим пал. Полицию отменило еще петроградское Временное правительство. Чиновничество было деморализовано, а частично разогнано. Местное самоуправление до смерти напугано. Каждый инициативный гражданин решил, что настало его время, и кинулся тащить «суверенитета», сколько смог.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ОДЕССА. 3 января 1918 года неожиданно для всех объявила себя «вольным городом» Одесса. Для кого-то это название звучит смешно. Но «вольный город» — не выдумка веселых одесситов, а европейский юридический термин. «Вольными городами» называли в Европе муниципальные общины, пользовавшиеся статусом государства в государстве. В том же 1918 году, когда Одесса решила добавить себе свободы, в составе Германии имелся вольный город Гамбург, и ни у кого это не вызывало хохот. Гамбург действительно обладал особыми правами, и даже жители его служили в особых частях германской армии, составленных только из гамбуржцев. Причем на бляхах их ремней красовался герб родного Гамбурга.

Вряд ли вы знаете, дорогой читатель, что Гамбург и сегодня официально называется «вольным и ганзейским городом Гамбургом» и имеет статус одной из шестнадцати земель Федеративной Республики Германия! То есть все то же государство в государстве.

Но вольным городом Одесса стала отнюдь не из желания подражать скучным немцам, трескающим капусту с сосисками на месте впадения бывшей славянской реки Эльбы в холодное Северное море. У нее имелись собственные резоны и предпосылки. Одесса и возникла-то по сути как вольный город. С 1817-го по 1859 год, согласно императорскому указу Александра I, она пользовалась статусом «порто-франко», в переводе с французского — свободного порта. Товары, ввозимые в нее, не облагались налогами. Российские имперские таможи стояли уже за пределами городской черты. Времена порто-франко одесситы вспоминали как золотой век, заложивший основы процветания Южной Пальмиры, как в противовес Пальмире Северной (Петербургу) высокопарно называли тогдашние журналисты «жемчужину у моря». Так что лично для меня ничего странного нет в титуле «вольный город», которым одесситы решили защитить себя от бури революции. Они надеялись на то, что в Одессу войдут союзники — англичане и французы — и не допустят нашествия сердитых дядек на тачанках во главе со всякими Махно и атаманами Григорьевыми, суровая звезда которых только начинала восходить над Таврической степью, отражаясь в стенке бутылки с мутным самогоном.

Крейсер «Алмаз». Воевал за Одесскую Республику в 1918 г.

Но кроме киевского правительства Центральной Рады, на территории Украины существовала, говоря одесским языком, еще и его «конкурирующая фирма» — Украинская Народная республика Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Это государственное образование возникло в Харькове 25 декабря 1917 года на Первом Всеукраинском Съезде Советов. У него имелся даже свой флаг — красный, но с желто-синим «кантоном» — вставкой национальных цветов в углу полотнища. Политической программой харьковского советского правительства являлась федерация с красной Россией (аналог вступления в Таможенный союз), а вооруженными силами — отряды красногвардейцев. Не поверите, но правительство в Харькове официально называлось почти так же, как и у Центральной Рады — Народный Секретариат. Главой его избрали тридцатидвухлетнего большевика-электрика Ефима Медведева родом из Бахмута, что ныне переименован в Артемовск.

КОГО СЛУШАТЬСЯ? Какое из двух правительств — киевское или харьковское — окажется сюзереном вольной Одессы, на тот момент было еще неясно. Первой наложить на нее державную длань попыталась Центральная Рада. 22 января 1918 года она заявила права на девять губерний бывшей Российской империи — в том числе и Херсонскую, в которую пышная Одесса на момент отречения Николая II от престола входила на правах скромного «уездного города», что явно не соответствовало ее финансовой мощи. Уездный город... Это даже как-то не вяжется с роскошными бульварами и прекрасными зданиями Одессы, выстроенными в итальянском стиле. А ведь так было! В той же Херсонской губернии восемнадцатитысячное Гуляй-Поле, с прямыми улицами, двухэтажными кирпичными домами и годовым торговым оборотом в три миллиона золотых рублей тоже почему-то считалось по документам... простым селом. Хотя давно уже переросло к началу прошлого века эти тесные рамки.

Артем. Символ Донбасса.

Как бы то ни было, ровно через четыре дня в вольном городе Одессе вспыхнуло восстание против Центральной Рады. Как и в Петербурге, большевики захватили почту, телеграф и телефон. Потом, как бы между прочим, еще и вокзал. А на закуску — прихватили штаб Одесского военного округа, перешедший на сторону Рады от павшего в Петрограде Временного правительства. Одна часть гарнизона встала на сторону Киева, другая — решила, что главный тот Секретариат, который в Харькове. Юнкера военных училищ поддержали Центральную Раду. Черноморский флот, наоборот, — Украинскую советскую республику. Но перелом в битве за город принесли именно моряки в клешах, изрядно покрасневшие на тот исторический момент. Старые потрепанные броненосцы ЧФ «Ростислав» и «Синоп» с примкнувшей к ним яхтой «Алмаз» (эта посудина благополучно пережила в свое время даже Цусиму!) ударили главным калибром по позициям киевских гайдамаков и юнкеров в районе станции Одесса-Товарная и закрепили «жемчужину» за большевиками. Вместо «вольного города» была объявлена Одесская Советская Республика — сокращенно ОСР. Главой ее вооруженных сил стал эсер подполковник Муравьев — тот самый, который через несколько дней возглавит наступление на Круты.

ДОНЕЦКИЙ ОТВЕТ. А в это время на Донбассе происходили не мене эпохальные события. Везде, как грибы, стали возникать новые государства и возрождаться старые. Край угля и стали не мог остаться в стороне от такого процесса. Донецкий феномен возник во

второй половине XIX столетия, когда британский предприниматель Джон Хьюз (по-русски его чаще всего называют Юзом) приобрел у князя Кочубея в тогдашней Екатеринославской губернии на берегу Кальмиуса добрячий шмат земли и начал строительство металлургического завода. Пришлый бритт одним из первых сообразил, что именно в этой пустынной тогда земле по счастливому стечению обстоятельств находятся руда, коксовый уголь и асбест — три основных ингредиента для выплавки металла. А по соседству еще и Мариупольский порт, через который удобно вывозить сталь и чугун на экспорт. На Донбассе начался промышленный бум. Чтобы наняться на шахты, тысячи бывших крестьян хлынули на земли Дикого Поля, где совсем недавно бродили только редкие кочевники и табуны диких коней. Зарплата была необыкновенно высокой. У шахтеров всегда водились деньги. Опасная работа под землей и стабильная зарплата создали тут особый тип человека — по сути, новый русскоязычный субэтнос.

Похороны погибших в Одессе. Между ОСР и Центральной Радой тут шли жестокие бои.

КУЛУАРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ. Когда летом 1917 года Временное правительство в Петрограде стало договариваться с Центральной Радой о границах будущей автономной Украины (на тот момент Грушевский и его соратники претендовали только на автономию в составе России), встал вопрос о Донбассе. Рада, естественно, желала заполучить и его, отлично осознавая экономическую мощь этого края. Но один из местных олигархов, Николай фон Дитмар, в ответ заявил: «Весь этот район как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом представляется совершенно отличным от киевского. Весь этот район имеет свое совершенно самостоятельное первостепенное значение»...

К словам Дитмара — влиятельного бизнесмена и одного из вождей Совета съездов горнопромышленников Юга России (в революционные времена даже буржуазия создала свои советы!) было сложно не прислушаться. В результате переговоров с Центральной Радой правительство Керенского оставило ей под контроль только пять губерний — Волынскую, Киевскую, Подольскую, Черниговскую и Полтавскую.

Только когда Временное правительство в Петрограде было свергнуто Лениным и Троцким, аппетиты Рады возросли, и она снова стала претендовать на Донбасс. Но к тому времени там уже усилилось влияние местных большевиков. Во главе их стоял харизматичный лидер Федор Сергеев по партийной кличке Артем — профессиональный революционер и близкий друг еще мало известного на тот момент Сталина.

В ответ на притязания Грушевского в Харькове собрался Съезд советов Донецко-Криворожской области. Он был уже четвертым по счету и отнюдь не собирался уступать Киеву. Решительно настроенные донетчане (среди них были представители различных революционных партий, но большинство составляли большевики и эсеры) 12 февраля 1918 года в гостинице «Метрополь», что в переводе означает «столица», провозгласили создание Донецко-Криворожской республики.

КРЫМСКОЕ КРАЕВОЕ. К тому времени Центральная Рада находилась накануне падения. Не обладая достаточной военной силой и поддержкой масс, ее вожди призвали на Украину германские войска. Отстаивая свой выбор, новой Донецкой республике пришлось воевать уже с ними.

Пока развивались эти события на материке, в Крыму возникла Советская Социалистическая Республика Тавриды, провозглашенная 19 марта 1918 года. Как и Донецкую, ее победили наступающие немцы. И тут же признали Крымское Краевое правительство Матвея Сулькевича — бывшего царского генерала татарского происхождения. В конце апреля в Киеве произошел военный переворот — Центральную Раду сменил гетман Скоропадский. Недолго думая, он заявил права на Крым, обратившись к Сулькевичу с письмом по-украински. «Я ответил, — вспоминал глава независимого Крыма, — что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края, и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке — на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, то есть крымское правительство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери».

Глава Крымского краевого правительства генерал Сулькевич разошелся со Скоропадским в вопросе языковой политики.

Такая обстановка сложилась на Украине в разгар лета 1918 года, когда под германским

протекторатом война всех со всеми временно прекратилась. Но происходившее тогда стоит вспомнить и в наши напряженные дни, чтобы осознать, из чего на самом деле складывалась наша страна, и о каких «швах» постоянно забывали в Киеве.

19 апреля 2014 г.

«Нехай гірше, аби інше»

Революции никогда не способствуют процветанию общества. Они надолго создают зоны нестабильности. Умные страны стараются идти другим — эволюционным путем.

В последние дни мне все чаще вспоминается эта украинская поговорка. Разве она не характеризует самым точным образом нынешнюю ситуацию? Хотелось «перемен»? И как вам они? Крым ушел. Юго-Восток требует то ли федерации, то ли отделения. В Славянске — «антитеррористическая» операция. Гривня падает. Квартплата дорожает. Те административные здания еще не освобождены, эти — уже захвачены. Одни люди гибнут. Другие — перепуганы до смерти. В каких границах будет существовать Украина, не скажет ни один «эксперт». Зато... подписана политическая часть ассоциации с Европейским союзом! Какое фантастическое счастье, правда? Не знаю, как вас, а меня оно не греет. Я предпочел бы Украину без всяких ассоциаций, зато без гражданской войны — с тихими водами и ясными зорями.

Зачем Европа? Хорошо жить можно и в Украине. Главное, чтобы соседи попались хорошие.

Может, у кого-то другое мнение. Но я никогда в жизни не получал денег ни от одного иностранного фонда «на развитие демократии», не собираюсь становиться за ними в очередь и испытываю вполне законное желание, чтобы правительство в Киеве (какое бы оно ни было) принимало решения не после консультаций с главами иностранных спецслужб, а на основе наших собственных национальных интересов. Пока украинцы не договорятся с украинцами (причем без крови и террора по отношению друг к другу), никакие ассоциации или Таможенные союзы не принесут нам счастья. В этом меня убеждает печальный исторический опыт моей родины.

«СМЕШНОЙ ПРОЦЕСС ПЕРЕГОВОРОВ». Чем, скажите, плох был тот же гетман

Скоропадский? Судимости? Ни одной! Богатство — наследственное, устоявшееся и не такое уж большое. По-немецки и по-французски говорил, как по-русски. Украинский язык — внедрял. Русский — уважал. Ежедневных газет при нем в Киеве выходило то ли четыре, то ли пять (это в разгар гражданской войны!), политические противники разгуливали свободно, где хотели (Петлюру гетман немножко подержал в тюрьме и тут же выпустил), булки и колбасы чуть ли не росли на деревьях (в то время, когда даже Германия под финал Первой мировой войны голодала).

И вот этого вполне симпатичного персонажа свергают. Почему? А он, видите ли, не нравился тогдашним «демократам». Слишком интеллигент, чересчур барин, к тому же — бывший царский генерал. Разве это не преступление?

Между прочим, Скоропадский пытался договориться с тогдашней радикальной «оппозицией» — предлагал ей места в правительстве, вел тайные переговоры, о которых ни булгаковские офицеры из «Дней Турбиных», ни сам Михаил Афанасьевич даже не догадывались.

Следы этих тщетных поисков национального компромисса обнаруживаются в дневниках Винниченко — первого украинского премьер-министра эпохи Центральной Рады, предшествовавшей гетманату, и одного из учредителей Директории, которая через десять дней свергнет гетмана. Однако характеристика, которой после этой встречи нервный драматург наградил в 1918 году своего собеседника, достойна не державного мужа, а истеричного анонима, оставляющего отзывы на каком-нибудь из политических интернет-форумов: «Смешным и мелким кажется весь процесс переговоров с этим несчастным, тупым и слюнвявым кретином по поводу «кабинета». Вот он сидит в красном «моем» кабинете, за тем же столом, за которым я принимал делегации, послов от Антанты, комиссаров, большевиков... этот ограниченный, необразованный, наверное, большой офицер русской армии абсолютно искренне верит, что он гетман»...

Могли они найти общий язык при таком отношении одной «договаривающейся» стороны к другой? С какой стати Владимир Винниченко решил, что перед ним «тупой» и «необразованный» кретин? За плечами гетмана Пажеский корпус и Академия Генерального Штаба. Гетман, повторяю, говорит на нескольких иностранных языках. Он оставит интереснейшие и остроумные мемуары, написанные явно им самим, а не безымянным «литературным негром».

Кто, собственно, дает ему эту уничижительную оценку? Мировое научное светило? Академик? Профессор? Отнюдь! Всего лишь очень великовозрастный (тридцативосьмилетний!) недоучившийся студент юридического факультета Киевского университета. Революция показалась ему интереснее римского права, он нырнул в нее с головой, из «альма матер» был исключен еще за пятнадцать лет до исторического разговора с гетманом, да так и не получил высшего образования. Не поиск истины движет пером Винниченко, а зависть. Результат? Оппозиционеры и гетман так и не пришли к общему знаменателю, несмотря на то, что он готов был поделиться с ними властью: хотите места в правительстве — берите!

Владимир Винниченко увидел в гетмане Скоропадском всего лишь «необразованную кретина».

А ПРИШЛА ТРЕТЬЯ СИЛА. Ровно через три месяца после этих «конструктивных» переговоров в Киеве не будет ни Скоропадского, ни Петлюры с Винниченко. Свергнув гетмана, парочка «директоров» тут же уступит власть большевикам, нагрянувшим из красной России. А ведь могли договориться, поделить полномочия, объединить сторонников. Теоретически — да. На практике — «демократы» хотели все только себе. И получили это ВСЕ. Но только на мгновение. А потом пришли те, кого называть «кретинами» не повернулся язык даже у Винниченко. И язвительность его как-то сразу потеряла остроту.

Можно любить мифическую Украину, населенную только героями и прекрасными панночками и окруженную со всех сторон «вориженьками». А можно — реальную страну с невыдуманно обычными людьми. Я предпочитаю второе. Главные наши враги — не «москальи», не «ляхи», а мы сами. Наша жадность и зависть. Наша инфантильность. Наша вечная надежда на чудо.

Бог дал нам землю удивительную. Другие народы о такой могут только мечтать. С мягким климатом. С толстым слоем чернозема. С недрами, набитыми полезными ископаемыми. С полноводными реками. С лесами и горами. С выходом к теплому Черному морю.

Любой украинец знает, что умереть с голоду на такой земле просто невозможно. Даже в условиях самого дикого, всемирного кризиса всегда есть шанс вернуться в родное седло, посадить огород и развести под вишнями пару поросят.

Если Бог не дал этой земле еще и нефти с газом (хотя немножко он все-таки давал и того, и другого — в Карпатах и Сумской области), то только потому, что нельзя все дать только одному народу на Земле. Должно же что-то достаться и другим.

ЕВРОПУПИЗМ. Но я не могу понять комплекс неполноценности перед Европой и Америкой, который, как религию, исповедуют многие мои соплеменники. Это какое-то наваждение, затмение. Чем крошечная Хорватия с огрызком Адриатического моря лучше

Украины? Или Германия, напоминая сплошной автомобильный завод? Или Чехия — довольно унылая страна с однообразными ландшафтами, где, если честно, кроме пива и хорошей кухни, ничего особенного я не заметил.

Я бывал в Европе. Тратя минимум денег, в основном на автобусе проехал половину ее. Что-то нравилось. Что-то откровенно смешило и разочаровывало. Но никогда особенного пиетета перед ней не испытывал и на мудрость, а тем более щедрость ее не рассчитывал.

Наверное, потому что я слишком хорошо знал ее историю. Европа — высокомерная. Она никогда не кается за то, что совершила. Она посылала по всему миру колониальные экспедиции, устраивала жесточайшие войны, подбрасывала дровишки в тлеющие конфликты у соседей ближних и дальних и никогда не забывала о своих интересах.

В прежние времена Европа говорила о нас с откровенностью Гитлера: «Если русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас. Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы НИКОМУ В ГОЛОВУ не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории: музыка, музыка, ничего кроме музыки». А теперь та же Европа прячется только за красивыми жестами, вроде раздачи печенюшек на Майдане.

Не ждите от Европы ничего хорошего, как бы вы ни относились к России. Европа не поможет. Даже зад свой не поднимет ради вас. Вспомните о судьбе Чехословакии в 1938 году. Европейцы Чемберлен и Даладье дали съесть ее европейцу Гитлеру и пальцем не пошевелили, чтобы удержать его на цепи.

Закрыв глаза на любые договоренности и принцип «послевоенной нерушимости границ», именно европейцы с удовольствием наблюдали, как режет себя на части Югославия, а потом выкраивали из нее новые карликовые государства.

У Европы можно учиться, но ее бесполезно слушаться. Проблемы на Юго-Востоке? Давайте вспомним опыт Австрии в 1867 году. Унитарное государство, империя, нашло в себе силы ради преодоления распада превратиться в двуединую Австро-Венгрию. Это противоречило гордыне Габсбургов, создавало вместо одной, по сути, две столицы — Вену и Будапешт. Но имперская элита (благо, никто не подсказывал ей со стороны выход) изменила правила игры и удовлетворила требования уже готовых к восстанию венгров.

ФЕДЕРАЦИЯ ПО-ГЕРМАНСКИ. Еще в первой половине XIX столетия не было в современном смысле слова немцев. На территории Германии находилось тридцать девять (!) независимых государств. Со своей древней историей, правящими династиями и многочисленными войнами, которые они вели друг против друга. В один прекрасный день родилась идея, что с подобными безобразиями пора кончать. Мол, жить в большом государстве лучше, чем в четырех десятках малых.

Но объединение Германии шло с сохранением всех местных региональных различий. Несмотря на появление в 1871 году центрального правительства с императором во главе, деление на королевства и герцогства было сохранено вплоть до 1918 года. Накануне Первой мировой войны символический посол Пруссии все еще сидел в столице Саксонии Дрездене, а саксонский посол — в Берлине! То же самое происходило и в других субъектах федерации.

Таким образом стремились не затрагивать чувства местного патриотизма баварцев, саксонцев, вюртембергцев и прочих «немцев», ставших гражданами одного союзного государства. Ведь единство не означает одинаковость.

Я не настаиваю на том, чтобы один к одному скопировать этот опыт. Было бы смешно, если бы области Украины завели послов и обменивались друг с другом дипломатическими нотами. Посол Донецкой области в Киеве, посол Черновицкой области в Донецке — это звучит дико. Но не могу не напомнить эти кажущиеся курьезными прецеденты из германской истории. Они доказывают, с каким тактом грубые, на поверхностный взгляд, немцы умели относиться к другим немцам, как демонстрировали ритуальное уважение между частями молодой державы.

Договаривайтесь, а не убивайте! Восточные регионы сегодня не верят официальному Киеву. Многие города там действительно вышли из-под контроля. Но применение военных методов не исправит ситуации. Я не исповедую принцип: «Нехай гірше, аби інше». Мне не нравятся плохие новости. Не доставляют ни малейшего удовольствия сообщения о новых убитых и раненых.

Скоропадский смог договориться с германским кайзером, но не с украинской оппозицией.

Политический кризис можно решить только политическими методами. Легитимно или нет новое правительство, бессмысленно рассуждать. Президент не справился с управлением и исчез из страны. Он вел рискованную игру и, как говорится, доигрался. Но именно это новое правительство, а не Янукович, несет теперь ответственность за судьбу государства и его граждан до момента новых президентских выборов.

Европейские и американские советники Майдана не предполагали, что Путин будет вести себя куда активнее на поле Украины, чем от него ожидали? Да ведь я всегда говорил: не переоценивайте ни искренность, ни прозорливость Запада. Он играет Украиной. Но это не последняя фишка в его игре. Это чужая для ЕС и США земля. Но нам-то она родная. У нас

другой страны нет. Прячьте оружие в ножны. Отбросьте гордыню. Садитесь за стол переговоров. И не видите друг в друге «кретинов», как Винниченко в Скоропадском. Конечно, оба они не так уж плохо кончили. Один — во Франции. Другой — в Германии. Каждый в уютном домике. Но мечтали-то править Украиной!

26 апреля 2014 г.

Пока другие воюют

От нас всегда скрывали, что самая великая империя прошлого была создана не мечем, а тем предметом, которым делают детей — в брачной постели, а не на полях сражений.

Эту историческую фразу заставили меня вспомнить последние трагические события в Украине — все то кровавое безобразие, которое пытаются прикрыть малопонятной вывеской «антитеррористическая операция». На Западе фраза не менее известна, чем такие выражения, как: «Париж стоит обедни» или «Не гоже лилиям прясть». Но у нас ее, как водится, не популяризировали, стремясь навязать обществу подростковую политическую культуру палки и «коктейля Молотова». Что получилось в результате, видите сами.

Хуана Безумная. Возила тело умершего двадцативосьмилетнего мужа Филиппа Красивого по всей Испании, время от времени целуя покойного. Воистину за гробом любила!

Полностью крылатое выражение звучит так: «Пока другие воюют, Австрия женится». Есть и другой его вариант: «Пока Европа воюет, Австрия женится». Никто не знает, кто сказал его первым. Но где-то с XVI столетия пять чеканных слов, утверждающих, что в политике лучше жениться, чем воевать, прочно вошли в оборот и стали, не побоюсь утверждать, фундаментом одной из самых могущественных и блистательных империй прошлого — Австрийской. Собственно, и в мир иной эта империя ушла только, когда нарушила собой же придуманную формулу счастья.

Для тогдашнего времени открытие австрийских политических умов было поистине революционным. И Средневековье, и так называемое Новое время — эпохи мальчишеские, кулачные, а, попросту говоря, бандитские. В основании любого аристократического рода непременно обнаруживается какой-нибудь отморозок, вроде франкского Хлодвига, разрубившего голову своему же воину, дабы отучить его выразить недовольство тем, как король делит трофеи.

Британские Йорки и Ланкастеры (как-нибудь мы к ним вернемся), французские Валуа,

наши Рюриковичи и Гедиминовичи — по большей части, просто пышно разодетые разбойники. Им устроить Варфоломеевскую ночь или родственника утопить в бочке с вином — что нам курицу зарезать. И вдруг на этом фоне вынырнула династия, решившая округлять владения не так силой оружия, как удачными браками — Габсбурги.

Ужас... Скандал... Как так можно! Вокруг все приличные люди принципиально крушат друг другу черепа мечами и топорами, а эти — женятся. Цинично. По расчету. Дабы сохранить свою августейшую жизнь и не слишком беспокоить большой политикой подданных. А заодно и увеличить их количество. Ведь подданные — это налогоплательщики. Чем больше налогоплательщиков, чем довольнее они, тем казне больше прибыли. Значит, можно строить дворцы, заводить лучшую в мире оперу (а для народа венскую оперетту — в переводе «маленькую оперу» и тоже, кстати, лучшую!), строить дороги и гимназии, придумывать венские булочки и кофе по-венски — в общем, вводить просвещение всеми возможными способами.

Прогрессивное открытие Габсбургов тогдашняя блистательная (то есть любящая внешние эффекты в ущерб неброской эффективности) рыцарская Европа не оценила. Вплоть до начала XX века правящий класс ее упорно играет с огнем, ставя на кон самую драгоценную ставку — жизнь. Гибнут на поле брани знаменитые английские короли Ричард Львиное Сердце, прославленный Вальтер Скоттом, и Ричард III Горбун, разрекламированный великим очернителем Шекспиром. Расстаются с жизнью «на полях Марсовых» двадцатилетний венгерский Лайош II (утонул в болоте в битве с турками под Мохачем в 1526 году), а еще раньше в 1444-м — такой же двадцатилетний польский король Владислав III Варненчик. Этот последний потерял голову в прямом смысле — ее, неразумную, потом долго держал в сосуде с медом турецкий султан Мурад II, любуясь во время припадков депрессии на свой трофей. Несутся к бесполезной славе британские аристократы в кавалерийской атаке через Долину Смерти под Балаклавой в 1854 году. Бегают по африканским камышам в Судане молодой лейтенант Черчилль, стремясь обогнать своего знаменитого предка герцога Джона Мальборо — победителя при Мальплаке в 1709 году, про которого побежденный им французский маршал Виллар написал Людовику XIV: «Сир, не отчаивайтесь, еще одна такая «победа», и у противника просто не останется войск»... Европа воюет. Европа все время придумывает какую-нибудь вредную забаву, пока не доизобретается до Мировой войны и одновременно с ней — до «русской рулетки». И только Австрия женится. Только Австрия кружится в венском вальсе. Воистину счастливая страна, знающая толк в радостях жизни.

Максимилиан Габсбург завоевал дочь Карла Смелого уступчивостью. С этого начался внезапный взлет Австрии.

ГОРА ЧУЖИХ ТРУПОВ. В основе ее могущества — гора не своих, а чужих трупов — так называемое Бургундское наследство. Жил на исходе XV столетия в Бургундии герцог — знаменитый на весь Европейский континент Карл Смелый. Уже по самому прозвищу можете судить, что это был за человек. Но как всякий истинно смелый человек прожил Карл недолго — всего на сорок четвертом годку в полном расцвете сил его уколошили швейцарцы в битве при Нанси — в невероятно холодном январе 1477-го лета Господнего. Швейцарцы даже плохо понимали, какого знаменитого воина они убили — сразу же раздели догола и выбросили в реку. То ли волки, то ли крысы выели ему лицо. Карла Смелого опознал впоследствии только личный врач — по многочисленным рубцам от старых ран, которых на его теле было не меньше, чем у боевого пса. Так что не очень доверяйте изображению последнего правителя Бургундии кисти нидерландского мастера Рогира Ван дер Вейдена, где он изображен с орденом Золотого Руна на шее — в свой смертный час герцог выглядел куда менее презентабельно.

Карл V подает кисть Тициану. Этот Габсбург не гнушался на минуту стать слугой великого художника.

Но у герцога-забияки осталась прелестная двадцатилетняя дочка — Мария Бургундская, самая богатая наследница континента. Руки ее сразу же стали домогаться два претендента — австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург и дофин — то есть наследственный французский принц Карл из династии Валуа, только недавно выбравшейся из Столетней войны с англичанами.

Но так как дофин Карл был мал (ему только что исполнилось семь, и он больше интересовался игрой в мяч, чем женщинами), то за него Марию домогался в основном его папаша — король Людовик XI, оравший на всю Европу, что лучшего суженого, чем его мальчуган, осиротевшей Марии не найти. Мол, все остальные принцы ему и в подметки не годятся! Разница в возрасте в целых четырнадцать лет и то, что у «жениха» женилка еще явно не выросла, вредного старика Людовика не смущали — как видите, нравы в Европе повреждались уже в те стародавние времена.

Карла Смелого подъели крысы.

Однако Максимилиан Габсбург тоже не дремал, хоть и не лез напролом.

Восемнадцатилетний молодчага богатырской наружности (впоследствии именно его именем нарекут так называемые «максимилиановские доспехи» — прочнейший «бронезилет» для тогдашних войн) пустил в ход не только молодость и здоровье, но и дипломатию.

Красавец Макс предложил Марии столь выгодные условия брачного контракта, что она просто не смогла отказаться — после свадьбы Бургундия все равно оставалась ее имуществom, переходя в род Габсбургов, только если она рождала сына.

Тихий Брюгге. Такой же, как во времена Марии Бургундской.

КАКАЯ БЫЛА СТРАНА! А НЕТ ЕЕ! Напомню, что тогдашняя Бургундия совсем не равнялась нынешней куцей обрезанной Бургундии, спрятавшейся где-то на окраине Франции. Это было большое независимое государство. В его состав входили несколько вассальных герцогств — Брабант, Люксембург, Лимбург, Гелдерн, а также графства Фландрия, Голландия, Зеландия, Фрисландия и многие другие земли и землицы, распolzшиеся ныне по разным европейским карманам. За все это бургундское наследство стоило побороться. И эрцгерцог Максимилиан боролся. Против самого великого мастера политических интриг той эпохи — сквалыги из сквалыг, жадины из жадин — пресловутого Людовика XI с его семилетним наследником в виде главного козыря.

Этот козырь был бит Максимилианом на весьма приличной дистанции, недостижимой для тогдашней артиллерии, делавшей только первые шаги и еще даже не имевшей колесных лафетов — брак с дочерью покойного Карла Смелого заключили заочно «по доверенности» (так тогда тоже делалось!) уже в апреле того же 1477 года — всего через три месяца после смерти ее папы в бою. Церемония состоялась в городе Брюгге — это в нынешней бельгийской провинции Западная Фландрия, а тогда тоже во владениях герцогов Бургундских. От Максимилиана подпись под контрактом поставило доверенное лицо. От Марии — сама Мария.

Потом свадьбу повторили еще один раз в Генте — теперь это Восточная Фландрия в той же Бельгии, которую придумают только через четыреста с лишним (вдумайтесь!) лет — в 1790 году под названием «Бельгийские Соединенные Штаты». Вряд ли вы даже слышали когда-нибудь о таком государстве, но в свое время и о его мучительном рождении я вам, надеюсь, расскажу.

Впрочем, в 1477 году до всех этих революционно-национальных преобразований было еще очень далеко. Феодалное право пребывало в своей полной силе. Максимилиан Габсбург лично прибыл в Гент и вошел в церковь в доспехах, покрытых насечкой из серебра. Мария была в платье из золотой парчи. Воистину такой свадьбы еще никогда не было. Кроме весьма спорного наследства (Людовик XI как сюзерен герцогов Бургундских согласия на него так и не дал), юного Максимилиана Габсбурга восхитила еще и внешность супруги.

В письме к другу юности он во всех красках изобразил захваченный, благодаря своей сговорчивости, трофей: «Это дама красивая, благочестивая, добродетельная, которой я, благодарение Богу, более чем доволен. Сложения хрупкого, с белоснежной кожей; волосы каштановые, маленький нос, небольшая головка, некрупные черты лица; глаза карие и серые одновременно, ясные и красивые. Нижние веки чуть припухшие, как будто она только что ото сна, но это едва заметно. Губы чуть полноваты, но свежи и алы. Это самая красивая женщина, какую я когда-либо видел».

РАЗНОГЛАЗАЯ КРАСАВИЦА. Как понимать «глаза карие и серые одновременно», лично я не знаю. Но Габсбургу было виднее. О накале его страсти говорит то, что с женой он не расставался и даже спал с ней в одной большой кровати, а не просто приходил исполнять «супружеский долг», как это уже тогда называлось в Европе. Общему согласию способствовали еще и добродушие и покладистость Максимилиана — вместо того, чтобы навязывать новым подданным в Бургундии государственный германский язык, новый правитель тут же выучился сносно болтать на местных наречиях — фламандском и одном из диалектов французского, в очередной раз проявив недюжинный такт ради своих интересов, которые он не отделял от государственных.

Европа воевала. Габсбурги размножались. Рьяное исполнение эрцгерцогом семейных обязанностей уже в следующем году привело к рождению наследника — Филиппа Австрийского, имевшего, кроме основного прозвища, еще одно — Красивый (не путать с французским королем XIV века — тоже Филиппом и тоже Красивым). Вскоре дочь Карла Смелого была оплодотворена во второй раз. К сожалению, горячая папинькина кровь сыграла с ней злую шутку. Несмотря на беременность, Мария Бургундская отправилась на верховую прогулку и так неудачно свалилась с лошади, стукнувшись хребтом о бревно, что спустя несколько дней скорострительно скончалась. Как говорится, лучше бы дома сидела.

Погоревав не только для виду (жену расчетливый Максимилиан искренне любил), австрийский эрцгерцог, унаследовавший вскоре от отца корону Священной Римской империи германской нации, весьма недурственно распорядился маленьким Филиппом. Пригожий принц с наследством в виде большей половины Бургундии (кое-что пришлось все-таки отдать неугомонным французам, чтобы они отцепились) имел неплохие шансы сделать удачную партию. И не обманул надежд подданных.

СУМАСШЕДШАЯ С АМЕРИКОЙ В НАГРУЗКУ. В жены внуку Карла Смелого в 1496 г. мигом подыскали Хуану Безумную — принцессу с несколько отпугивающей кличкой, зато с невероятным по размерам приданым. Безумная Хуана являлась единственной наследницей только недавно созданного, благодаря слиянию Арагона и Кастилии, Испанского королевства. Ее мама и папа — Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский были первой супружеской парой, правившей этой новой страной. Свое общее королевство они слепили из двух, унаследованных в свою очередь от родителей. Каждый, так сказать, внес свою долю в общий семейный проект. Вместе с Испанией за Хуаной шла в довеске еще и вся Америка, случайно открытая Колумбом, который всего лишь плыл в Индию.

Так что, безумна Хуана или нет, и насколько безумна, можно было долго дискутировать. Никого в Европе ее диагноз не интересовал. Дураков и сумасшедших, а также бесноватых и ведьм там всегда хватало — недаром такие общественные институты, как Святейшая Инквизиция, а также первые психиатрические школы, породившие впоследствии, по выражению Владимира Набокова, «венского шамана» Фрейда, получили развитие именно на Европейском континенте.

Впрочем, сумасшествие Хуаны выражалось в основном в том, что она до безумия любила своего мужа Филиппа Красивого и за десять лет брака умудрилась родить ему шесть (!) детей — как мальчиков, так и девочек. Страсть к мужу у Хуаны была так велика, что когда он умер всего лишь в 28 лет, подцепив горячку от глотка ледяной воды, выпитой после игры в мяч (вот что бывает иногда с «золотой молодежью!»), бедная королева Испании долго отказывалась его хоронить. Гроб с телом мужа Хуана таскала по всему Пиренейскому полуострову, время от времени вскрывая его, чтобы снова посмотреть на утраченного красавца.

Самым знаменитым плодом от этого брака был Карл V Габсбург, унаследовавший по маминой линии всю Испанию с Америкой, а по папиной — ту самую Священную Римскую империю германской нации, в которую на правах герцогства входила и Австрия. Это над его империей НИКОГДА НЕ ЗАХОДИЛО СОЛНЦЕ, так она включала в себя всю Европу и Америку, если не считать Англии, Франции, Польши да кое-каких мелких государств на территории современной Италии. В Испании Карл Габсбург правил под номером первым, в Империи — под пятым, с каким и вошел в мировую историю.

Вот такая махина неожиданно выросла всего за три поколения из маленькой Австрии, правители которой предпочитали удачно жениться, а не воевать. «Пока Европа воюет, Австрия женится», — стали говорить в мире. Сам же Карл V любил повторять, что предпочитает разговаривать с Богом по-латыни, с красивыми женщинами — по-итальянски, шутить — по-французски, а отдавать команды солдатам — по-немецки. То есть на языках своих многочисленных подданных.

Урок Австрии доказывает: чтобы править большой страной, нужно изрядное жизнелюбие и такт. Как языковой, так и религиозный. Иначе страна может получиться чрезвычайно национальной, но невероятно маленькой — едва различимой на карте. Плохой наследник прогуляет любое наследство.

24 мая 2014 г.

В далеком ныне 1990 году мне выпала удивительная поездка. Еще существовали СССР, Чехо-Словакия и Югославия, а я плыл на маленьком советском теплоходике вниз по Дунаю, не подозревая, что путешествую по музейному скелету другого распавшегося государства, тогда еще совершенно неведомого мне. Туристическая поездка начиналась в Братиславе, куда нужно было прилететь из Киева самолетом. А дальше шли Вена, Будапешт, Белград... Естественно, с остановками и обстоятельными экскурсиями в каждом городе.

Шенбрунн. Резиденция австрийских императоров.

Карта Австро-Венгрии. Пятнадцать народов, два государственных и несколько официальных языков.

Вот дворец Габсбургов — Шенбрунн и их усыпальница — Склеп капуцинов в Вене. Вот мост Франца-Иосифа в Будапеште, названный в честь предпоследнего императора-австрияка — венгры так и не переименовали его во что-то более «венгерское» до сих пор, ведь император числился одновременно еще и их королем и носил корону св. Стефана с ухарски покосившимся на бок крестом. Вот Белград, откуда из Сербии пришла в 1914 году в Империю смерть в личине террориста Гаврилы Принципа, убившего наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Только позже я вдруг осознал, что на самом деле путешествовал по территории Австро-Венгерской империи, не существующей с 1918 года. И Чехия, и Словакия, и Венгрия, и даже Хорватия со Словенией и Боснией входили когда-то в ее состав. А Дунай был ее главной дорогой.

Недаром Австро-Венгрию называли Дунайской монархией — все так или иначе в ее истории было связано с этой великой рекой.

После этой двухнедельной прогулки по Дунаю я незаметно увлекся Австро-Венгрией, опыт которой был бы весьма полезен для нынешней Украины. Меня увлекла страна, в которой было полтора десятка национальностей, два парламента (один в Вене, другой — в Будапеште), флот на Адриатическом море с главной базой в Поле (теперь это — на побережье Хорватии) и несколько служебных языков в каждом полку, в зависимости от

национального состава солдат. «Лоскутная империя», предмет насмешек надменных петербургских журналистов и чешского юмориста Гашека, родившегося подданным австрийского императора Франца-Иосифа и не оценившего такого счастья. Как такое странное, даже неправдоподобное государство могло существовать?

А ведь существовало! Производя миллионы литров пива, пушки концерна «Шкода», систему классического образования, скопированную, между прочим, Российской империей, и заодно извращенческие романы Захер-Мазоха, в которых Венеры в мехах хлещут кнутами главных героев. Весьма неплохо обывательствовало и даже процветало, если бы не вляпалось в Первую мировую войну и не разлетелось на осколки, как «ископаемая» планета Фаэтон, вместо которой теперь Пояс Астероидов — все эти Чехии, Словении и Боснии...

Фаэтон я вспомнил не даром — это сегодня Австрия не выпускает автомобили, а в старые добрые времена именно столица Дунайской монархии поставляла на мировой рынок знаменитые венские коляски — с нежнейшим рессорным ходом и откидывающимся кузовом-фаэтон. Специально для прогулок дам и господ в любую погоду. Она была мировым центром тогдашнего «автомобилестроения» — еще конного, а не моторного. Москва и Киев ввозили экипажи из Вены, как сегодня продукцию германского автопрома.

Но терпимой и многоукладной Австрия стала не сразу. Ее принудила к этому сама жизнь, неумолимый поток ее, заявивший однажды Империи: хочешь уцелеть, протянуть еще немного, становись федерацией, а иначе снесу тебя, как старую размытую дамбу!

В середине позапрошлого века, когда это случилось, Австрию раздирали противоречия, нынешней Украине при всей запутанности ее ситуации даже не снившиеся. Как внешние, так и внутренние. Главное внешнее противоречие давило на нее из Берлина — очень «братского», очень «немецкого», но, тем не менее, весьма антиавстрийского города с растущими великодержавными амбициями.

На протяжении своей долгой истории Вена и Берлин соперничали так же азартно, как сегодня Киев и Москва. Вена была старым центром Германского Мира. Берлин — новым. Подобно Москве, основанной в XII веке на самой границе Руси и тогдашнего восточно-славянского и финского этнических массивов (в так называемой Залеской Украине — с ударением на «а»), Берлин тоже возник на «кордоне» — только германцев и славян западных.

Есть у Берлина и еще одна параллель с Москвой — тотемная. Герб Берлина — медведь. В названии столицы нынешней Германии скрыт тот же медвежий корень — почти на всех арийских языках «медведь» — это «бер». Даже в русском слове «берлога» («логово бера») он затаился. Древние славяне-язычники наложили табу на общеевропейское слово «бер», заменив его «медведем» из страха. Уж слишком много было этих опасных непредсказуемых зверей в наших местах. Не каждый рискнет на него броситься с рогатиной. Поэтому чаще всего «бера» (слышите его рык?) стали обозначать уважительным эвфемизмом — «медом ведающий». Чтобы не тревожить лишней раз. Но в слове «берлога» древний корень, по обычной нашей непоследовательности, уцелел.

Франц Иосиф в 18 лет.

Москва в переводе с финского — «медвежья вода». Тоже град неукротимого Медведя, как и Берлин. Видать, немало было на территории будущей Москвы косматых любителей меда уже в те стародавние времена, когда никакие славяне туда еще не добрались.

Но это так — филологическое отступление, символически иллюстрирующее серьезность геополитической проблемы, с которой сегодня приходится сталкиваться Киеву (какой бы в нем ни был режим), а тогда — Вене.

Внутреннее же противоречие заключалось на самом востоке империи — в Венгрии. В той стране, которую часто называли еще и «короной св. Стефана» — в честь одного из ее первых королей из династии Арпадов, принявшего христианство. В свое время — в XVII веке — Венгрия сбежала под крыло могущественной Австрии от Турции. Тогда она не очень капризничала — лишь бы выжить. И из двух подданств — турецкого и австрийского — выбрала последнее.

Австрияки немало крови пролили за изгнание турок из Венгрии. На месте нынешнего Будапешта с 1541 года существовал так называемый Будинский пашалык (Буда и Пешт еще считались разными городами на двух берегах Дуная) с турецким пашой во главе. И так было до самого 1686 года, когда войска австрийского императора во главе с принцем Карлом Лотарингским отвоевали этот город, включив в состав Империи Габсбургов. Как видим, не всегда и не все можно решить только удачным браком — иногда приходится действовать и пушками, что Австрия тоже умела.

Но через полтора века все эти австрийские добрые дела уже казались венграм

недостаточными. Они считали, что целиком расплатились кровью своих гусар, воюя за Вену в многочисленных войнах с Пруссией и Францией. В 1848 году Венгрия восстала, требуя полной независимости. И тогда же на императорский престол вступил совсем юный Франц-Иосиф.

Это в «Похождениях бравого солдата Швейка» герои называют его «стариком Прогулкиным», «развалиной», которую «нельзя выпустить из сортира без того, чтобы он не загадил весь Шенбрунн». А в 1848 году Франц-Иосиф был холостым восемнадцатилетним мальчишкой. Есть портрет его в гусарском мундире — можете убедиться. Ему хотелось драться, но он не знал как. От катастрофы Австрию спас российский император Николай I, считавший, что любой бунт — зло, где бы он ни произошел, и испытывавший к будущему «старикку Прогулкину» вполне отеческие чувства. Николай послал в Венгрию войска во главе с нашим земляком-полтавчанином фельдмаршалом Паскевичем. Венгерскую революцию в два счета подавила русская армия.

Но Франц-Иосиф оказался весьма неблагодарным мальчишкой. Ровно через пять лет в разгар Крымской войны император Австрии вместо того, чтобы по-сыновьи подсобить Николаю, на что тот весьма рассчитывал, выступил на стороне Англии и Франции и потребовал от русских очистить Молдавию и Валахию — так называемые Дунайские княжества. Он, понимаете ли, сам имел на них виды. Очень уж хотелось Вене овладеть всей этой рекой до самых низовьев! Между двумя империями, гербами которых был двуглавый орел (только у Австрии с пламенеющим мечом в лапе, а у России — со скипетром) пробежала хмурая тучка, которая впоследствии будет только сгущаться. Медведь недовольно отполз от Дуная вместе с поручиком артиллерии графом Львом Толстым (тем самым — будущим автором «Войны и мира»), служившим в русской экспедиционной армии. Но Австрии, как выяснилось, от этого не полегчало.

Как всякому молодому человеку Францу-Иосифу хотелось доказать, что он ВСЕХ круче и умнее. Вместо проверенного австрийского принципа «Пока Европа воюет, Австрия женится», он решил и жениться, и воевать. Естественно, это не могло не завершиться большой глупостью. С Россией молодой Габсбург рассорился. С Западом (а Франция и Британия были для него Западом) так и не подружился. Разве что супругу нашел удачно — принцессу Елизавету Баварскую, очаровательную стройную девушку самой что ни на есть голубой крови — родную сестру полусумасшедшего короля Баварии Людвигу, свихнувшегося на музыке Вагнера и строительстве фантастических горных замков.

Оказавшись в полной международной изоляции, без друзей и союзников (нельзя же было считать настоящим союзником беднягу Людвигу, которого смирительная рубашка в дурдоме заждалась), Франц-Иосиф был дважды жесточайше бит. Сначала в 1859 году французами в битве при Сольферино, где молодой император Австрии в белом фельдмаршальском мундире пытался командовать лично. (Стоило ли подписываться шестью годками ранее за Францию?) А потом — в 1866-м — уже заочно ему навалили пруссаки, явившиеся из Берлина и крепко вломившие австриякам в битве при Садовой на полях Чехии. На сей раз император, наученный горьким опытом (видите, он все-таки был способен делать выводы даже из самых грубых ошибок!), решил не лезть в сражение лично и предоставил командование генералу Бенедеку — венгру по происхождению. Венгр был лихим рубакой, но надежд не оправдал и генеральное сражение продул с треском. Так Австрию не били со времен Аустерлица.

С пруссаками, хоть они и говорили на том же немецком языке, что и австрийцы,

пришлось подписать унижительный мир — Австрию вышвырнули из Германского Союза. Медвежья лапа Берлина победила порхающую в вальсах Вену.

Именно в этот момент Австрия впервые приблизилась к последней черте. Самодержавное правление молодого дуралея Франца-Иосифа без контроля общества над государственной властью, две подряд проигранные войны подорвали престиж монархии на корню. Все подвластные народы империи — и чехи, и поляки, и разноплеменные балканские славяне — роптали. Но больше всех орали венгры, угрожая взбунтоваться снова, как в 1848 году. Над Дунайской монархией нависла вполне реальная угроза распада.

И тогда Франц-Иосиф решился на революционный шаг, превративший его из молодого самодура в одного из самых прогрессивных монархов в мировой истории. Вместо «единой и неделимой» самодержавной Австрии, стремившейся германизировать все и вся, возникла словно из ничего двуединая Австро-Венгрия — принципиально новая страна, полностью поменявшая дикую идеологию самодержавного унитаризма на приличный со всех точек зрения парламентский федерализм.

Правда, некоторые предпосылки тому были и раньше. К примеру, еще в 1860 году Вена сделала венгерский язык официальным на территории Венгрии и расширила права земельных советов — ландтагов. Венгерскому собранию тогда же предоставили право законодательной инициативы, хотя полноценным парламентом назвать его еще было нельзя. Любую инициативу в деспотическом полицейском государстве легко срезать, как декоративный цветок.

Чудо-пупсик Елизавета Баварская.

Но 1867 год принес настоящую революцию сверху. По речке Дейта государство было разделено на две части — Австрийскую империю и Венгерское королевство. Отныне у стран было два парламента, две армии, но один общий монарх, одно министерство иностранных дел, одно министерство финансов и один Генеральный штаб. Австрийские законы на территории Венгрии объявлялись недействительными. Венгерский язык становился государственным. А лозунг: «Viribusunitis» («Общими усилиями») отныне становился

девизом двуединой державы.

Ни одно государство в мире не имело такой терпимой политической системы, как Австро-Венгрия. Нежная ткань ее напоминала дамское кружево. Все остальные стремились к более простым решениям. Россия и Франция — к предельной централизации. Великобритания — к банальному олигархическому парламентаризму и одному государственному языку. Но особые условия Дунайской монархии породили совершенно оригинальные способы разрешения ее внутреннего кризиса. Экономика победила идеологию. Политическая целесообразность — заскорузлые принципы правящей верхушки. Венская бюрократия поделилась властью с регионами и... уцелела.

Силуэт солдата империи.

На долгие годы империя на Дунае стала символом стабильности и процветания. И все-таки остается загадкой, кто окончательно уговорил Франца-Иосифа, стремившегося к вполне средневековому единоличному правлению, пойти на уступки Венгрии и прогрессу. Считается, что главную роль в обуздании политических амбиций императора сыграла его супруга — очаровательная Елизавета Баварская. Не имея заскорузлых австрийских управленческих стереотипов и даже испытывая к ним определенную антипатию, она была не прочь короноваться вместе с мужем еще раз — как венгерская королева.

Ведь женщины, как известно, любят пребывать в центре внимания на публике. Мечта Елизаветы исполнилась с успехом в Будапеште 8 мая 1867 года — и она, и ее смягчившийся супруг были коронованы короной св. Стефана. Иногда — правильно жениться все-таки важнее, чем выиграть войну.

Австро-Венгрия могла бы существовать до нынешнего дня, если бы партия мира в ней

окончательно прищемила партию войны. В начале XX века наследник Франца-Иосифа эрцгерцог Франц-Фердинанд, женатый на графине-чешке, даже всерьез подумывал о преобразовании империи в триединую — с выделением автономного Чешского королевства. И так, наверняка, и случилось бы, не существуй агрессивных устремлений австрийского Генерального штаба на Балканах и не менее хищных appetитов молодого Сербского королевства, обернувшихся роковым выстрелом в Сараево.

Слишком вкусная, слишком изящная, одновременно и более сильная, чем положено малой державе, и более слабая, чем необходимо истинно великой, Австро-Венгрия стала главной жертвой Первой мировой войны — Дунайскую монархию раскрутили буквально по винтику. Словно в насмешку, погибшая империя оставила новым искателям величия изобретенный ею современный тип военной формы — кепи, куртку-танкер, штаны навывпуск и ботинки вместо сапог. Благодаря австрийским дизайнерам, любой нынешний вояка напоминает силуэт бравого солдата Швейка.

31 мая 2014 г.

«В такой войне участвовать я не могу»

Из всех войн самая страшная — гражданская. То, что происходит сегодня, началось в 2014 году на Донбассе, сразу же вызывает ассоциации с событиями вековой давности.

Существует множество теорий причин возникновения войн. Древнегреческий философ-человеконенавистник Платон считал, что «война — это естественное состояние народов». Германский генеральный штаб в первой половине прошлого века был полностью согласен с этим утверждением. Немецкие офицеры любили цитировать классика, что не помешало им проиграть две мировые войны.

Художник Владимирова. Всю гражданскую войну провел в родном Петрограде. Фотографически запечатлел страдания простых горожан от голода и полной безысходности.

Другой философ и писатель, миролюбивый индиец Рабиндранат Тагор, думал совершенно иначе. «К войне, как к крайнему средству, прибегают лишь государства-банкроты, — сказал он. — Война — последний козырь проигравшегося и отчаявшегося игрока, отвратительная спекуляция мошенников и аферистов».

Я же полагаю, что большинство войн начинаются от скуки. Но только на войне человек понимает, что такое настоящая скука. Самая же отвратительная война — гражданская. Когда граждане одного государства, говорящие на одном языке (или на двух взаимопонятных, как в нынешней Украине), перестают слышать друг друга и берутся за оружие, жить становится невыносимо.

Но, к сожалению, так бывает в истории. Как говорится, не мы первые, не мы последние. Что, впрочем, слабое утешение.

Обычно гражданской войне предшествует период яростных идеологических споров. Противоборствующие стороны выдвигают несколько радикальных моделей будущего. Каждая из них исключает другую. Коммунизм или капитализм. Авторитет Церкви или свободное

толкование Библии. Монархия или республика. С Западом или с Россией. В общем, или-или. И третьего не дано.

Слово за слово, и вдруг, как бы из ничего, возникает непримиримый конфликт. Из гражданской войны родился Советский Союз. И нынешняя Германия. А Великобритания, отлаженная сегодня, как часовой механизм, пережила в своей истории несколько гражданских войн! Война Роз стала для нее вехой, обозначившей переход от средневекового феодализма к абсолютизму. А то, что наши историки называют английской революцией XVII века, сами британцы именуют English Civil War («Английской гражданской войной»). Она тянулась десятилетиями, загорая и снова разгораясь!

ДАЖЕ АНГЛИЙСКИЕ КРОТЫ ПОШЛИ НА ГРАЖДАНСКУЮ. Сначала англичане свергли короля Карла I объявив его «деспотом». Потом пожил при настоящей диктатуре Кромвеля. Вернули на трон сына убитого короля — тоже Карла, но с номером «два». Новый король понравился. Но умер бездетным, исчерпав свои силы в половых излишествах. На трон сел его брат Джеймс II. В 1685 году неугомонные подданные устроили против него бунт во главе с герцогом Монмутом. Эта заварушка носила название, которое очень понравилось бы украинскому депутату-радикалу Ляшко: «восстание с вилами». Джеймс бунт подавил, но через три года был свергнут сторонниками парламентаризма уже без ви, в результате совершенно нелегитимного и безобразного мятежа, который по причине его успешности был тут же объявлен «Славной революцией». Чопорные англичане не постеснялись ради ее победы прибегнуть к иностранной помощи и отдали трон голландскому принцу — Вильгельму Оранскому, ибо тот согласился, заняв английский трон, ограничить свои полномочия.

Любопытно, что и эту новую, уже, так сказать, «народную» власть англичане тоже не любили! Когда в 1702 году конь Вильгельма на охоте попал ногой в кротовью нору, а сам король вылетел из седла и вскоре умер, вся Англия пила за здоровье «маленького джентльмена в черном жилете» — то есть этого самого кротика, не подозревавшего, какую выдающуюся роль он сыграл в истории. Видите, до чего островитянам понравилось свергать любое правительство! Даже кротов они зачислили в заговорщики и революционеры.

Это теперь можно с юмором вспоминать те события. Все ведь кончилось, и трупы забылись! А в страшном XVII столетии англичанам было не до смеха. Быть бы живу! Некоторые из них успели родиться и умереть, так и не дождавшись конца ожесточенной гражданской войны, тянувшейся с перерывами примерно полвека. Знаменитый Уинстон Черчилль, чей предок, герцог Мальборо, вовремя перебежал от свергнутого Джеймса к Вильяму в финале гражданской войны, начало ее в своей «Истории англоязычных народов» описал так: «Брат сражался против брата, отец против сына... С обеих сторон люди шли в сражение, испытывая сомнение, но руководимые верой в высокие идеалы. Но по обе стороны были и другие: распутные придворные, амбициозные политиканы, наемники, ищущие заработка, готовые поживиться на национальном разобщении... Боевые столкновения и грабежи охватили всю страну. Конституционный вопрос, религиозные конфликты, бесчисленные местные раздоры — все соединилось в новом всплеске ненависти. Рубеж вражды соответствовал географической границе, которая разделила в XIX веке голосующих за консервативную и либеральную партии. Раскол, наступивший вследствие гражданской войны, давал о себе знать в Англии на протяжении двух столетий, а многие странные примеры его неизживаемости существуют и в нынешней Англии».

Читаешь, и даже на душе легче становится. Не только у нас бывали трудные времена. В Британии тоже, оказывается, не все сразу наладилось. Кстати, юность Даниэля Дефо, написавшего «Робинзона Крузо», пришлась как раз на излет гражданской войны. Он даже успел сдуру поучаствовать в «восстании с вилами», о чем читатели «Робинзона» даже не задумываются. Ценят его совсем за другое.

А БОЛЬШИНСТВО ОСТАЕТСЯ ДОМА. Но нам ближе и понятнее, конечно же, история собственной гражданской войны — той самой, что началась после падения Российской империи в 1917 году. И события ее происходили на территории нынешней Украины, и описаний осталось множество.

Как ни странно, во время междоусобиц большинство населения остается дома. Бегают от мобилизаций. Пытаются жить привычной довоенной жизнью. Воюют люди идейные — юные энтузиасты, жаждущие переустроить мир, и люди, переживающие кризис среднего возраста. Первые еще не успели оценить прелесть жизни. Вторые — уже несколько устали от ее радостей, но так и не успели достичь того, на что нацелились в юности, и совершают свой последний большой рывок.

К ним присоединяются наемники, воюющие за плату. Бандиты, получающие удовольствие от самого процесса убийства. И те безвольные или невезучие люди, кому не удалось избежать принудительного зачисления в ряды солдат.

Идеалисты обычно вскоре разочаровываются в своих идеалах. Ведь чем благороднее идея, тем быстрее она переходит в свинство.

Сын московского купца Сергей Мамонтов был именно таким идеалистом. Он оставил одну из лучших, на мой взгляд, мемуарных книг, описывавших гражданскую с белой стороны, — «Походы и кони». Мамонтов воевал на Украине, как раз в тех местах, где жили мои предки по отцовской линии, — Гадяч, Зеньков, Полтава.

Свою армию поручик Мамонтов всеми силами старается обелить: «Красные, упоенные безнаказанностью, доходили до бестиальности, теряли человеческий образ. Мы тоже не были ангелами и часто бывали жестоки. Во всех армиях всегда находятся извращенные типы, были такие и у нас. Но большинство было порядочными людьми. Культурный уровень нашей армии был несравненно выше культурного уровня красной армии. У нас был дух дружбы. Не только среди офицеров, но между офицерами и солдатами. Дисциплина была добровольная. Никаких сысков и доносов у нас не было. Часть превращалась в семью. Полагаю, что и в других частях было то же самое. В этом была громадная разница между нами и красными. Там господствовал сыск, доносы, и чуть что — расстрел».

Но есть одно место в воспоминаниях храброго офицера-артиллериста, которое ставит крест на его рассуждениях о сравнительной чистоте носителей двух борющихся идей: «На войне становишься суеверным. У меня с судьбой установился «договор». Меня не убьют и не ранят, если я не буду делать подлостей и убивать напрасно. Можно было убивать для защиты и при стрельбе из орудий. Это убийством не считалось. Но НЕ РАССТРЕЛИВАТЬ и не убивать бегущих. Я никогда никого не убил самолично, и верно — я не был ранен, и даже лошадь подо мной никогда ранена не была. Страх, конечно, я испытывал, такова уж человеческая природа. Но когда я вспоминал о «договоре», то мне казалось, что пули перестают цыкать около меня».

Но большинство не следовало принципам Мамонтова. Охотники расстреливать пленных всегда находились. Как, например, под Бахмачем, где красные потерпели сокрушительное

поражение в 1919 году: «Как репрессия за изуродованные трупы был отдан приказ пленным не брать. И как на грех, никогда так много пленным не брали. Пленных приводили со всех сторон. И их расстреливали. Красные и не думали о сопротивлении, а бежали отдельными толпами и после первого залпа сдавались. Их расстреливали. А на смену вели уже другую партию. Я понимаю, что в пылу боя можно расстрелять пленного, хоть это не годится. Но расстреливать сдающихся систематически, почти без боя — это просто отвратительно. Мы все надеялись, что начальник дивизии отменит свой приказ, но так и не дождались отмены. Думается, что расстреляли несколько тысяч. К счастью, артиллерия освобождена от этого гнусного занятия. Но даже смотреть было невыносимо».

После гражданской войны двадцатидвухлетний поручик-дроздовец Сергей Мамонтов уехал за границу. Выучился на архитектора в Париже. Долго жил в Центральной Африке — тогда французской колонии. Что-то там строил. Умер в Каннах в 1987 году, почти девяностолетним. Видать, судьба действительно благоволила этому «гуманисту» гражданской войны, принципиально отказавшемуся расстреливать пленным.

26 июля 2014 г.

Кто же думал, что она будет Первая...

В августе 1914 года началась самая страшная война, которой долго не могли придумать названия. В ней жили и умирали четыре года, не понимая, как такое могло случиться в просвещенной Европе.

После атаки. Первая мировая война осталась в памяти бессмысленными атаками пехоты. Люди гроздьями оставались на проволочных заграждениях после обстрела.

Никто не знал, что она будет Мировой. Тем более Первой. Ей долго подыскивали подходящее название. Ни одно не приклеивалось сразу на бесчисленные ряды солдатских могил и обложки монографий академических ученых. Германская, Империалистическая, Великая... Все не то. Только, когда в 1939 году мир снова провалился в такую же всеобщую, и такую же безумную бойню, к ней прилип привычный ярлычок — Первая мировая.

Вильгельм II: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу НЕ НЕНАВИДЕТЬ их».

Такой войны мир еще не видывал. Препрежние войны все-таки, несмотря на весь их ужас, были локальными. Их вели в «горячих точках», как сказали бы мы теперь. Крымскую — в Крыму. Русско-турецкую — на забытых Богом Балканах. Узким штыком Великой Армии входил Наполеон летом 1812 года в Россию и таким же узким, изъеденным в боях лезвием выдирап себя из необозримых восточных лесов. С первыми холодами армии застывали на зимних квартирах. Мобилизации охватывали ограниченные слои населения.

Конечно, под ружье с каждым поколением попадало все больше народа — 100-150-тысячные армии Наполеоновской эпохи доросли до полумиллионных во Франко-прусскую войну. Конечно, и в 1870 году немцы бомбардировали из пушек Париж. Конечно, смерть и прежде собирала свою обильную жатву на полях сражений, заставляя рыдать матерей и невест.

Но эта была всем войнам война. Впервые в истории она велась не только на земле и море, но и в небесах и ПОД ВОДОЙ. Старухи в деревнях вырывали из сундуков невесть откуда взявшиеся пророчества о том, что «будут летать в небе железные птицы и клевать людей», а в океанах плавать «рыбы стальные и топить корабли». И добавляли: «Вот они — наступили последние времена. Близится конец света». А дети на печках замирали от страха, еще не зная, что их ожидает.

КОНЕЦ ЭПОХИ ПАРА. Великий, гордый, уверенный в себе человек Викторианской эпохи — повелитель чугуна и пара, совсем недавно поставивший на службу себе еще и электричество, вдруг снова оказался беспомощным рабом Божьим, пылинкой в вихре злого времени. Свистящие поезда везли его теперь не на курорт, а на фронт. Электрическая искра помогала передавать по телеграфу не поздравления, а убийственные приказы. И в телефоне слышался не голосок любимой, а прорывающийся через разрывы снарядов сорванный голос корректировщика артогня, передающий координаты цели. Треск пулеметов заглушил все лучшее, что еще осталось в человеческих сердцах.

За четыре года Первой мировой в странах, в ней участвовавших, было призвано 72

миллиона человек. Только убитыми потери достигли 10 миллионов. В основном молодых и здоровых мужчин — наиболее физически крепких. Впервые появилось выражение «неизвестный солдат». Часто люди не успевали даже узнать друг друга в сколоченных наскоро подразделениях, а их уже накрывало «чемоданами» целыми взводами, вылетающими из жерл тяжелых артиллерийских орудий, которых никто даже не видел. В моду вошла стрельба с «закрытых позиций». Поэтому дольше всего солдат жил в артиллерии, а меньше всего — в пехоте. Пехотному же офицеру срок жизни выпал совсем короткий — прапорщику на фронте от силы два-три месяца. «Царица полей» — пехота — целыми полками переселялась на поля смерти.

А ведь никто поначалу не думал, что так все обернется. Ну, убили 28 июня 1914 года в Сараево туберкулезный мальчик из Боснии Гаврило Принцип австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда... Разве первого? Разве не убили точно так же горячий итальянский парень Луиджи Лукени австрийскую императрицу Елизавету в 1898 году? Не вспыхнула же из-за этого австро-итальянская война, несмотря на все приграничные споры между двумя странами!

Британский аэроплан. С Первой мировой началась война в воздухе.

И разве не убивали тогда без числа террористы русских министров и великих князей, итальянского короля Умберто в 1900-м, американского президента Мак-Кинли в 1901-м, сербского короля Александра в 1903-м, и, наконец, совсем уж недавно — в 1908 году португальского короля Карлуша?

Августейшие особы гибли, словно кто-то невидимый открыл на них охоту. Но мир стоял. Где-то в африканских колониях покоряли очередное чернокожее племя. И никому даже в голову не приходило перерывать Европу окопами от Ламанша до Адриатики и начать истреблять друг друга новейшими патентованными способами. И сама мысль такая казалась

чудовищной. Особенно если вспомнить, что в 1907 году великие державы подписали Гаагскую конвенцию, установившую новые, «гуманные» правила ведения войн. В числе их имелись, между прочим, такие чудесные статьи, как 23-я, запрещающая «объявлять, что никому не будет дано пощады», и 25-я, строго не рекомендовавшая «атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города, селения, жилища или строения». Храмы, госпитали и исторические памятники та же конвенция требовала «щадить, насколько возможно», а частную собственность беречь и ни в коем случае не подвергать конфискации.

В теории все в мире было устроено самым наилучшим образом. Но на практике эрцгерцога вероломно убили, и вдруг стали разжиматься такие скрытые пружины, которые европейское общество, очарованное видимым прогрессом, совершенно не замечало.

Оказалось, что противоречия между мировыми финансово-промышленными группами достигли точки кипения. Что бурно развивающемуся германскому империализму уже просто некуда расширяться. Что Франция и Россия давно горят желанием сбить с него спесь. И, что самое главное, все давно ГОТОВЫ к войне и не видят в ней ничего опасного. Интервью русского военного министра генерала от кавалерии Сухомлинова, размещенное еще весной 1914 года во влиятельнейшей газете «Биржевые ведомости», совершенно недвусмысленно гласило: «МЫ ГОТОВЫ!».

Подводная лодка. Под воду эта война ушла тоже первой.

Убийство в Сараево. Австрийская полиция схватила Гаврилу Принципа.

«ОТ ВОЙНЫ ПРОИЗОЙДЕТ ТОЛЬКО ХОРОШЕЕ». В частных же беседах с сослуживцами Сухомлинов, если верить мемуарам премьер-министра Коковцева, признавался: «Все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать её раньше... Государь и я, мы верим в Армию и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас».

Ждали только хорошего от войны, точно так же чувствуя себя к ней готовыми, и в Берлине. Германский кайзер Вильгельм II был человеком ярким и своеобразным, болезненно помешанным на рекламе. «Он жаждет быть невестой на каждой свадьбе и покойником на каждых похоронах», — шутили о нем. Внук великого Вильгельма I, объединившего вместе с Бисмарком Германию, и британской королевы Виктории, мучился от приступов острейшего комплекса неполноценности.

Дожив до пятидесяти пяти лет, кузен Вилли, как дружески называл его российский император Николай Второй, тоже приходившийся ему родственником, так и остался великовозрастным мальчишкой. Он ложился спать с револьвером на прикроватной тумбочке и просто физически страдал от мысли, что его любимой Германии, от которой он себя не отделял, досталось такое скромное место под солнцем. У Англии — море и самый мощный флот. У России — самая большая в мире армия. А мы, немцы, что же? Неужели нам досталась только нудная обязанность трудиться, производя на экспорт косы и швейные машинки?

Побывав в Лондоне у родственников по бабушке, Вильгельм бросался домой заводить мощный флот — чтобы был не хуже, чем у англичан. А вернувшись из Петербурга, принимался с новой энергией муштровать своих гвардейцев, форма которых почти не отличалась от русской лейб-гвардии. Кузен Вилли все еще играл в солдатики, как маленький. А министры охотно ему подыгрывали.

Немецкая карта воюющей Европы. Немцы и австрийцы «героически» отражают Францию, Англию и Россию.

РОССИЯ НЕ ПОСМЕЕТ. Немецкие разведчики из Петербурга доносили, что Россия «планирует не решительное наступление, а постепенный отход, как в 1812 году». А германский посол граф Пурталес рапортовал из столицы русских царей, что эта страна, несмотря на ее гигантские размеры, не вступит в войну из-за страха революции. В Петербурге действительно даже летом 1914 года бастовали рабочие, что невероятно радовало Вильгельма, признавшегося однажды: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу НЕ НЕНАВИДЕТЬ их».

Серб Гаврило Принцип из Боснии, убивший в Сараево наследника австрийского престола, был славянином. По другой версии — боснийским евреем. Террористическая организация «Млада Босна», членом которой он состоял, являлась (вот уж это совершенно точно!) славянской «фирмой» на содержании у сербских спецслужб. Все это казалось отличным способом «наказать» Сербию. Особенно учитывая особую «любовь» к славянам кайзера Вильгельма. Правительство престарелого австрийского императора Франца Иосифа запросило берлинского союзника, как тот смотрит, если мы вторгнемся в Сербию? Ведь сил просто нет этих наглецов терпеть! Мало того, что о великой империи южных славян грезят, так еще и эрцгерцогов наших убивают! Берлин ответил, что положительно — мол, вторгайтесь, поддержим, а Россия, союзница Сербии, вмешаться не посмеет.

Австрия объявила мобилизацию против Сербии. Россия совершенно неожиданно для Германии — против Австрии. Пока ограниченную, но вполне способную стереть империю Габсбургов с карты Европы. Вильгельм вдруг понял, что просчитался, что русские опять хотят воевать и что вместо очередного бряцания словами и оружием, придется проводить мобилизацию против России... Лезть в большую войну с не придуманным еще названием и неясными последствиями.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ СЛАВЯНЕ. Все как-то сразу пошло наперекосяк. Ну, кто же мог подумать, что Петербург так быстро воскреснет после позорной Русско-японской войны? Стерпел же он в 1909 году аннексию Австрией Боснии и Герцеговины и даже не пикнул! А теперь обманул лучшие европейские ожидания и готов лезть в драку на все деньги, угрожая пройти по Восточной Пруссии «паровым катком»! Ох, эта загадочная, воистину непредсказуемая славянская душа! Сегодня она валяется в грязи, терпит любые издевательства. Пьяна, нечиста, несусветна. И вдруг в самый неожиданный момент, вопреки любым рациональным расчетам, крестится из последних сил дрожащими пальцами и... восстает с дубиной в руке, занося ее над уютными немецкими домиками, расчерченными затейливой геометрией фахверка. Всем крышу мигом поправлю! Чего вы там, немчура, в бухгалтериях своих насчитали? Погодите, тут еще одна цифирька неучтенная обнаружилась...

В субботу 1 августа 1914 года срок ультиматума Германии, требовавшего от России прекратить мобилизацию против Австрии, истек. Петербург молчал. Скрепя сердце, кайзер подписал приказ о **ВСЕОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ** своих верноподданных — добрых многодетных немцев, мигом сменивших котелки на островерхие каски с пикой на конце. Великие европейские поезда, летевшие в голубую даль прогресса, в одночасье наскочили друг на друга на узловой станции. Мировая война, которую никто не ожидал, началась. Ружье, повешенное на стену в первом акте, по меткому выражению Чехова, не дожившего ровно десять лет до Первой мировой, выстрелило.

«ВСЕ УВЕРЕНЫ, ВОЙНЫ МЫ ИЗБЕЖИМ». На призывные участки шли с легкой душой. Французы, австрийцы, немцы, сербы и русские были свято уверены в скорой победе. Естественно, в своей, а не врага. У каждой страны имелся замечательнейший план. У немцев — Шлиффена. У русских — наступления в Восточной Пруссии. Сербы надеялись на свою стойкость. Французы — на свой «элан» (в переводе — «порыв»). Мало кто понимал, какое испытание в действительности ожидает легкомысленные народы. Даже профессиональные военные. Генерал Брусиллов, срочно выехавший из Германии, где он проходил лечение на курорте, домой, как только разразился Сараевский кризис, вспоминал слова своего коллеги — помощника командующего войсками Варшавского Военного округа, которого он встретил на вокзале: «Пока мобилизуется лишь Киевский военный округ, но все уверены, что войны мы **ИЗБЕЖИМ**».

Среди бесчисленных произведений о Первой мировой есть одно совсем короткое, но особенно трогательное — рассказ Ивана Бунина «Холодная осень». В имение к невесте приезжает только что получивший погоны молодой офицер. Первые сражения уже прогремели. Становится ясно, что война будет долгой и страшной:

«Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

— Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

— Как блестят глаза, — сказал он. — Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? И неужели я все-таки забуду его в какой-то короткий срок — ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

— Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

— Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

...Убили его — какое странное слово! — через месяц»...

2 августа 2014 г.

Махновщина — мать порядка

Революция — это путь к диктатуре. Майданы рожают только деспотов.

В конце 80-х один из моих университетских преподавателей вспоминал, как семью его дедушки посетил Нестор Иванович Махно. Историческое событие произошло примерно в 1919 году в одном из маленьких городков нынешней Южной Украины. Дедушка был фельдшером — то есть человеком более-менее интеллигентным. В его доме имелась маленькая библиотека. Именно по этой причине волосатый батька решил зайти в нему в гости, чтобы разжиться книжкой на ночь. Предводители «народных» армий тоже ведь хотят что-то почитать время от времени.

Колоритная троица. В центре правая рука Махно — бывший матрос линкора «Иоанн Златоуст» Федор Щусь. Рядом его друзья-черногвардейцы.

Однако первое, что привлекло внимание Махно, были чудные карманные часы провинциального фельдшера. «Я возьму у вас часы, — сказал Махно. — Мне нужно для руководства военными операциями. Я их вам верну потом». Здоровенный адъютант Нестора Ивановича, услышав это, не сдержался и хмыкнул: «Ничего вам батька не вернет».

Нестор еще походил немного по комнате, полистал книжки на этажерке, выбрал подшивку «Нивы» (самое легкое чтение, какое тогда можно было придумать, — в основном для уездных барышень) и, засовывая пачку журналов подмышку, снова обронил: «Я их почитаю и вам верну».

И вновь адъютант главного анархиста весело подмигнул, повторив ту же историческую фразу: «Ничего вам батька не вернет!». Слова адъютанта оказались пророческими — и часы, и подшивка «Нивы» навсегда исчезли из домика фельдшера. Да и сам Махно дематериализовался, растаяв в дымке гражданской войны. Слово никогда и не заходил в тихий фельдшерский домик.

Воспоминание это никогда не публиковалось. Считаю своим долгом поделиться им с читателями. Сколько фильмов снято о Махно. Сколько книг написано. А, по-моему, вся суть его именно в этом эпизоде. Мне надо. Я вам верну. И не вернул. Вроде бы борец с государством. Идеальный анархист. А ведет себя как самое настоящее государство. Гребет все под себя, ничего не отдавая взамен. Просто по Ницше: «Если долго вглядываться в бездну, то бездна начинает вглядываться в вас». Всмотривался в «аппарат насилия» до одури, возмущался его устройством, требовал справедливости и сам этим аппаратом стал. В одном лице и суд, и налоговая, и армия с полицией.

Родина Махно — Гуляйполе. Официально в начале прошлого века это было село. Неофициально — самый настоящий город. Тогда его населяло тысяч шестнадцать жителей. И сегодня — примерно столько же. Ровно такой же величины был Александровск — нынешнее Запорожье. Гуляйполе относилось к Александровскому уезду. Только за годы советской власти Александровск дорос до областного города. А Гуляйполе стало всего лишь райцентром, ничуть не изменившись в размерах. Время в нем словно застыло. Те же тихие домики с садами на улицах, переименованных под прямым углом (царское правительство в конце XVIII века закладывало пограничное с Крымским ханством поселение весьма «регулярно», не подозревая, какая вольница в нем вырастет), кирпичное полуразрушенное здание городской мельницы с цифрами «1894» на фронте, чудом уцелевшие особняки местных богачей, имена которых канули в Лету.

На фотографии 1921 года Махно не похож на себя. Скорее какой-то бывший вахмистр, а не вождь анархистов.

Я был в Гуляйполе. Место действительно фантастическое. Больше всего меня там поразил шест для стриптиза в гостиничном кафе. Завтракая, мы спросили официанта: «Что, и стриптиз вечером будет?» «Нет, стриптиза не будет. У нас не бывает стриптиза». «А зачем же шест?» «Так положено. Хлопцы в Запорожье такой же видели и решили тут установить, чтобы и у нас такое было».

В общем, Гуляйполе во всем соперничает с Запорожьем — как Киев с Москвой. Недаром Нестор Иванович когда-то начинал свои подвиги с налета на Александровск — стремился удаль свою показать. А потом еще дальше пошел — на Екатеринослав. И тоже

взял его. Причем два раза. Еще не подозревая, что большевики переименуют его в Днепропетровск.

После взятия Екатеринослава по страницам газет и книг пошла гулять про Махно легенда. Мол, ездил батька по улицам и приказывал бить по вторым этажам из пушки — чтобы были дома в городе не выше, чем в его родном селе.

Фактически это ложь. В Гуляйполе полно двухэтажных домов, существовавших уже во времена детства Махно. Если они замечательно дожили до наших дней, то никакого резона не было батьке сносить вторые этажи и в Екатеринославе. Не страдал он фобией на «многоэтажность».

Но суть конфликта байка передает точно — пришли в Город какие-то хлопцы из села и качают права. Говорят, что они теперь главные. Кстати, дожило это вечное противостояние и до наших дней. Сегодня Село снова побеждает в Украине Город — вон даже редиску на Майдане в Киеве вырастило! Но лично меня это не слишком тревожит. В Риме на Форуме овец тоже одно время пасли. После нашествия вандалов. А теперь «пасут» туристов со всего мира, взимая с них дань. Вернется городской дух и в Мать городов русских. Как не раз возвращался. Не все же кулачным бойцам править столицей святого Владимира.

А мы вернемся к Махно. Вспомнить о нем меня заставили нынешние лихие времена. Теперь тоже везде полно энергичных личностей, сбивающихся в банды под различными вывесками и стремящихся радикально поменять мир. И цвета времени те же — украинский желто-синий, российский триколор и пролетарский красный снова выясняют между собой отношения на землях древней Скифии в неизвестном Поле Половецком. С неясным пока исходом.

В эту битву цветов Махно и, его земляки с Екатеринославщины внесли свой незабываемый колер — черной крестьянской земли. Мало кто помнит, что первоначально организация вернувшегося в 1917 году из московской Бутырской тюрьмы Нестора называлась «Черная гвардия». У большевиков — красногвардейцы. У офицеров — белогвардейцы. А мы будем черногвардейцами. Чем мы хуже?

Да ничем. В музее Гуляйполя висит фотография элегантных, как черти, махновцев. Черные жупаны. Шелковые пояса. Поверх них — двухплечное офицерское снаряжение. Револьверы, бомбы (так называли тогда в по-простому гранаты), чудные смушковые шапки.

Прекрасен и сподвижник Нестора Ивановича матрос Федька Щусь. Тонкие усики Макса Линдера — звезды тогдашнего немого кино, на фильмы которого во время службы в Севастополе наверняка ходил будущий махновец. Гусарский доломан, расшитый бранденбурами — витыми шнурами. И бескозырка с родного линкора с древнерусской вязью «Иоаннь Златоусть», перекочевавшая с Черного моря в Таврические степи.

Махновці. Постійно ворожили з петлюровцями і гетьманцями.

Да и сам Махно сек в армейском гламуре. Френч, в котором он снялся в 1921 году накануне бегства за границу, пошит с тонким пониманием военной моды. Русые волосы подстрижены. Лицо с крупным носом приобрело пышные кавалерийские усы. Ничего хрестоматийно-комичного. Просто драгунский вахмистр, распрощавшийся с царским режимом и перешедший на сторону трудового народа. Еще чуть-чуть лихости, и будет копия Буденного. Только всматривается в будущее Махно недоверчиво. Словно чувствует, что ждет его совсем непохожая на блистательную судьбу «красного маршала» эмигрантская доля. Будет великий и ужасный анархист вскоре тапки под Парижем плести в то время, когда Семен Буденный займется реформой кавалерии и доведением конных заводов Союза Советских Социалистических Республик до высшей степени совершенства. Кто думал, что так получится, когда гремело имя Махно от Бессарабии до Луганска?

Вольница Гуляйполя. Воевала со всеми «не местными». То есть против всех.

Махно — плоть от плоти того смешения народов, которое происходило в Таврических степях после завоевания их Россией у Крымского ханства. На черном флаге его рядом с черепом и костями надпись на суржике: «СМЕРТЬ ВСІМ, ХТО НА ПИРИШКОДІ ДОБУТЬЯ ВІЛЬНОСТІ ТРУДОВОМУ ЛЮДУ». Фамилии сподвижников батьки — типично украинские: Каретник, Марченко, Белаш, Куриленко.

Но ни Центральная Рада, ни Украинская держава гетмана Скоропадского, ни УНР Петлюры не имела более принципиального врага, чем батька Махно. С красными он мог то дружить, то враждовать, смотря по обстоятельствам. Но с любой формой украинской государственности был на ножах. Казалось бы, что стоило атаману Петлюре найти понимание с атаманом Махно? Ан нет! Чувствовали себя соперниками. До единственной запланированной личной встречи оба так и не доехали. Зато тот же Екатеринослав в первый раз Нестор Махно взял в 1918 году именно у петлюровцев! А ровно через год будет оспаривать его с белыми, которых выдающийся анархист точно так же «не переваривал».

Впрочем, и московских большевиков Нестор Иванович не жаловал. С одной стороны, кавалер ордена Красного Знамени. Один из первых. А с другой — вот вам фраза Махно конца 1919 года — периода второго союза анархистской армии с ленинским Кремлем: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие друзья!». Если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: «Руки прочь!»

Объяснение такому феномену простое. Махно был прежде всего крестьянским хлопцем из Гуляйполя. Как и его сподвижники из окрестных сел. Они стерегли «свою» землю от всех. И от красных, и от белых, и от жовто-блакитних. Наше поле. Нам тут и гулять. Наверное, потому их собственный флаг и был цвета вспаханной земли. И петлюровцев, и большевиков они воспринимали как непрошенных пришельцев, чужаков. Интернационализм им, конечно, нравился. Но так, как они сами его понимали, пусть каждый сидит у себя дома и не лезет в дела соседа. Это было традиционное крестьянское мировоззрение, замешанное на местном патриотизме. Такое же, как во времена атамана Сирко. Донациональное, по сути. На каком языке малевать надписи на флагах, махновцам было все равно. «2-й сводный пех. полк повст.

армии УКРАИНЫ МАХНОВЦЕВ», — без соблюдения любых правил правописания красуется на одном из знамен батькиного воинства. Зато по-русски.

Федор Щусь уступил лидерство Нестору Ивановичу летом 1918 года в лесу под Гуляйполем.

Широкую натуру Нестора Ивановича вообще возмущала тотальная «украинизация». Соответствующий эпизод имеется в его воспоминаниях. На железной дороге в 1918 году Махно столкнулся с чиновником, требовавшим, чтобы с ним отныне разговаривали только на «державной». Великий украинский анархист тут же возмутился. Мол, кто смеёт мне указывать, на каком языке говорить? Я — Махно! А ты кто? Сильная личность вступила в конфликт с государством. И победила. Вполне в духе анархистской теории. Но на практике.

Примечательно, как Махно стал первым номером среди повстанцев — добился места лидера. До поры до времени он был просто рядовым бойцом в банде матроса Щуся. Ничем себя не проявлявшим. Так продолжалось до того момента, когда австрияки (а это была их зона оккупации) не загнали летом 1918 года щусевцев в какой-то лес. По воспоминаниям будущего начальника штаба махновской армии Белаша, яркий демонстративный Щусь внезапно пал духом и собрался отсидеться в этой чащобе. Зато Махно буквально встал на дыбы и призвал всех идти на прорыв. Тогда повстанцы и заявили: «Отныне будь нашим батьком, веди, КУДА ЗНАЕШЬ!»

Прорыв удался. Щусевцы стали махновцами.

В этом отрывке из воспоминаний Белаша — вся суть тайны лидерства. Веди, куда знаешь. Сними с нас ответственность. Ты — решительный. Тебе и решать. Какой бы физической силы и ума ни был самец, а если нет в нем решительности, тащиться ему вечно на вторых и третьих ролях. И будет верховодить им волосатая обезьяна, вроде того же Нестора. Ничем, вроде бы, не примечательная. Не отдающая ни журналов, ни часов.

Анархия начинается, когда в стране исчезает лидер. Вдруг, словно ниоткуда, выпрыгивают десятки маленьких вождей и вождишек. Атаманы рождаются, как грибы после дождя. Щуси и Григорьевы, Волохи и Ангелы, Зеленые и Маруськи. Петлюра с его претензией быть «головным атаманом».

И белые генералы той эпохи неумовимо смахивают на атаманов. Шкуро и Слащев —

тоже атаманы. Только с широкими золотыми погонами на плечах и двойными лампасами на бриджах. Меньше всего они напоминают чинных кабинетных «их превосходительств» дореволюционного царского времени. Их тоже родила революция, хоть они и контрреволюционеры. На предводителя банды взломщиков похож в своей кепке Ленин. Еврейско-кавказской мафией шагают за ним с фомками и револьверами Троцкий-Бронштейн, Яша Свердлов и Сталин с подельником Орджоникидзе. Пацаны на дело идут — братъ Госбанк. И взяли же! Только потом передрались насмерть, когда добычу делить стали.

Параллели улавливаете? Если улавливаете, то знаете и продолжение. Всякая анархия непременно заканчивается диктатурой. На то она и мать ПОРЯДКА.

9 августа 2014 г.

Литераторы на Гражданской

Во время Гражданской войны писатели отступали от нее без боя.

«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» — написал как-то Владимир Маяковский. Мало ли, что ты хочешь, думалось мне. Штык — это штык. Настоящее оружие, хоть и холодное. А перо... Конечно, им тоже можно вызвать помрачение в мозгах. Но убить насмерть — нереально. Сам Владимир Маяковский, кстати, во время Гражданской войны на фронт не торопился. Несмотря на весь революционный пафос, внезапно вспыхнувший в нем, остался в тылу. Весело проводил время в Петрограде и Москве, работал в агитационных органах, выпуская так называемые «Окна сатиры РОСТА».

Маяковский и Лилия Брик в 1918 г. По шикарному виду этой пары, даже не скажешь, что в стране война.

Это была серия плакатов, которые, по заказу Совнаркома, штамповало Российское телеграфное агентство (РОСТА). Изображения карикатурных царских генералов, купцов и помещиков в эпоху военного коммунизма выставляли в витринах опустевших гастрономов вместо колбасы. Пищей «духовной» большевики пытались заменить обычные продукты, напрочь исчезнувшие во время революции. Мол, жрите ЭТИХ. Они — предшественники — во всем виноваты. Надписи на плакатах взывали к самым основным инстинктам: «Хочешь есть? Хочешь пить? Спешి в ударную группу образцового труда вступить!». И кусок хлеба — для наглядности.

Так как Маяковский хотел и есть, и пить, то подобных произведений искусства нарисовал он немало. Работа давала паек, уважение у руководящих товарищей и возможность крутить роман с Лилей Брик — замужней дамой, муж которой Ося Брик весьма спокойно смотрел на свободное поведение супруги. Как сказали бы мы сегодня, всю Гражданскую войну Маяковский проработал в тылу пиарщиком. Несмотря на тяготы военного времени, вместе с Лилей он даже успел сняться в фильме «Девушка и хулиган».

Потом война кончилась. Лиля увлеклась Абрамом Моисеевичем Краснощековым родом из Чернобыля под Киевом. Как утверждают литературоведы, это был «серьезный роман», в чем я даже не собираюсь сомневаться. Ведь Абрам Моисеевич служил у большевиков председателем правления Промбанка СССР! Тут и валюта, и командировки за границу. Хорошая ответственная должность! Куда было соперничать с таким ЧЕЛОВЕКОМ бедному поэту?

Не война, а мир стал тяжелым испытанием для Маяковского. Во время Гражданской он знал, что делать — жить великой идеей. Пропагандировать ее. Теперь же приходилось доказывать всем, что он лучший поэт революционной эпохи. Да еще и «любовная лодка разбилась о быт»... Об этого самого товарища Краснощекова, в фамилии которого красный цвет пролетарского флага удивительнейшим образом переплелся с толстыми щеками НЭПа.

ПРОДУЛ ЛИЛЮ «КРАСНОМУ БАНКИРУ». Не помогло даже то, что Лилия вскоре вернулась. Ведь «красный банкир» Абрам Краснощеков был разоблачен Рабкрином — знаменитой Рабоче-крестьянской Инспекцией, расследовавшей экономические преступления против трудового народа. Как написали по этому поводу правительственные «Известия» 3 октября 1923 года, вскрылись «бесспорные факты присвоения Краснощековым государственных средств, устройства на эти средства безобразных кутежей, использования хозяйственных сумм банка в целях обогащения своих родственников». Бывший председатель правления Промбанка сел и вышел только по амнистии. Тонкое дело кредитования промышленности от него успели спасти. Но личную жизнь великому советскому поэту «вредитель» все-таки успел развалить. Промучившись после Гражданской войны еще десять лет в удушающей обстановке мира, Маяковский с горя застрелился, поставив точку в биографии не пером, а пулей.

Как только началась гражданская, Алексей Толстой взял жену и удрал в Париж вместе с Иваном Буниным.

Совсем иначе воспринял Гражданскую войну Алексей Толстой. Поначалу он пытался революцию игнорировать. Табличку на двери своей московской квартиры «Граф А. Толстой»

будущий автор «Хождения по мукам» спешно заменил на «Гр. А. Толстой». Кому надо — граф. А кому — и гражданин. Но уличные бои в Москве осенью 1917-го (а они были жестокими — снаряд залетел даже в квартиру генерала Брусилова!) заставили преуспевающего литератора собрать семью и уехать на юг — сначала в Киев, а оттуда — в Одессу.

Иван Бунин — первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе — так вспоминал встречу с Толстым в «жемчужине у моря»: «Вы не поверите, — кричал он, — до чего я счастлив, что удрал наконец от этих негодяев, засевших в Кремле... Думаю, что зимой будем, Бог даст, опять в Москве. Как ни оскотинел русский народ, он не может не понимать, что творится! Я слышал по дороге сюда, на остановках в разных городах и в поездах, такие речи хороших, бородатых мужиков насчет не только всех этих Свердловых и Троцких, но и самого Ленина, что меня мороз по коже драл! Погоди, погоди, говорят, доберемся и до них! И доберутся! Бог свидетель, я бы сапоги теперь целовал у всякого царя! У меня самого рука бы не дрогнула ржавым шилом выколоть глаза Ленину или Троцкому, попадись они мне».

Но в Одессе вскоре тоже стало опасно — к городу подошли красные. Не мудрствуя лукаво, Алексей Николаевич еще раз упаковал чемоданы и дернул от греха подальше в Париж. Вместе с супругой и выводком детей — «графинчиков», как он их называл.

В Париже Толстой ждал свержения большевиков. «Вот будет царь, — снова повторял он приятелям. — Я приду к нему, упаду на колени и скажу: «Царь-батюшка, я раб твой, делай со мной, что хочешь!»

О совместных страданиях в эмиграции тот же Иван Бунин вспоминал так: «Жили мы с Толстыми в Париже особенно дружно, встречались с ними часто, то бывали они в гостях у наших общих друзей и знакомых, то Толстой приходил к нам с Наташей, то присылал нам записочки в таком, например, роде: «У нас нынче буйабез от Прюнье и такое пуи (древнее), какого никто и никогда не пивал, четыре сорта сыру, котлеты от Потэн, и мы с Наташей боимся, что никто не придет. Умоляю — быть в семь с половиной!»

«Может быть, вы и Цетлины зайдете в нам вечерком — выпить стакан доброго вина и полюбоваться огнями этого чудного города, который так далеко виден с нашего шестого этажа. Мы с Наташей к вашему приходу оклеим прихожую новыми обоями».

Окна РОСТА. За их счет жил во время Гражданской войны Маяковский.

Хотел Троцкому глаза выколоть шилом. Толстой бегал по знакомым «буржуям», плакался на полное оскудение и выпрашивал деньги в долг. «Сорвал уже тридцать семь тысяч франков!» — хвастал он. Но «кредиты» вскоре кончились, Деникин так и не взял Москву и совершенно неожиданно для всех Третий Толстой — принципиальнейший борец с гидрой большевизма, собиравшийся самому Троцкому (!) выколоть ржавым шилом глаза, засобиравшись на родину. К большевикам. К тем, кого ненавидел всей душой и боялся всем телом.

«Царя» он неожиданно нашел в Сталине. А то, что большая часть Гражданской войны для Толстого прошла в Париже, а в военных действиях он лично никогда не участвовал, не помешало Алексею Николаевичу написать один из самых известных романов о Гражданской — «Хождение по мукам». Сила воображения и рассказы товарища Ворошилова восполнили все пробелы. Даниэль Дефо тоже ведь не был моряком и не жил на необитаемом острове, а как «Робинзона Крузо» сочинил! Природный оптимизм Алексея Толстого совершил чудо. В

«Хождения по мукам» не один, а целых два (!) хеппи-энда. Все главные персонажи — и Катя, и Даша, и Роцин, и Телегин не только уцелели в Смуте, но и переженились, забыв про все старые любовные ошибки. Вместо одной скучной разваливающейся буржуазной семьи в начале романа в финале получилось две крепких советских.

Михаил Булгаков не спешил. Зато Гайдар сразу бросился воевать. в бой.

Хотя у киевлянина Михаила Булгакова и отсутствовала деловая хватка и всеядность москвича Толстого, но к Гражданской войне он относился примерно так же. Нечего в нее соваться раньше времени — сама придет. От всех мобилизаций, кроме белой, Михаил Афанасьевич благополучно отвертелся. Брала петлюровцы — смылся. Брала красные — ускользнул. Один раз при гетмане вступил в добровольческое формирование, являвшееся официально частью украинской армии, тут же из него сделал ноги при первых выстрелах, за что я его ни капельки не осуждаю, зато оставил нам непревзойденный никем до сих пор киевский роман — «Белую гвардию». Книга — трагическая. Пьеса, переделанная из нее, еще трагичнее — Московский художественный театр, по заказу которого она написана, требовал прибавить страху. Поэтому и пришлось «убить» автору Алексея Турбина, срочно повысив его из докторов в артиллерийские полковники.

Минобороны Украины. В этом здании бывшего кадетского корпуса происходит действие повести Гайдара.

ХОРОШО С ПЕТЛЮРОЙ ЖИТЬ. В реальности никто из прототипов «Белой гвардии» не пострадал. Уцелел и сам Булгаков, и два его младших брата, превратившихся в романе в юнкера Николку, и даже мама умерла уже после Гражданской.

В большинстве изданий «Белой гвардии» не публикуют первоначальный текст двух последних глав — о жизни семьи Турбиных «под петлюровцами». Но в некоторых вариантах романа она есть. Доктор Алексей Турбин проводит в них время в объятиях загадочной Юлии Рейс, выясняя, в каких отношениях она состояла с прапорщиком-бомбистом Шполянским, Николка ухаживает за сестрой убитого полковника Най-Турса, Лариосик хочет жениться на горничной Турбиных — Анюте. Сама же Анюта беременеет от поручика Мышлаевского. Собачья свадьба какая-то, а не страдания под игмом победившего врага! А если добавить, что еще и Карась поступает на службу в какое-то петлюровское учреждение...

«Тут Николка, чувствуя, что он стал безумно храбрым, отчаянным и очень поворотливым, охватил Най и поцеловал в губы. Ирина Най коварно закинула правую руку назад и, не открывая глаз, ухитрилась позвонить. И тотчас шаги и кашель матери послышались во флигеле, и дрогнула дверь... Николкины руки разжались.

— Завтра пгходите, — зашептала Най, — вечегом. А сейчас уходите, уходите...

По совершенно пустым улицам, хрустя, вернулся Николка, и почему-то не по тротуару, а по мостовой посредине, близ рельсов трамвая. Он шел, как пьяный, расстегнув шинель, заломив фуражку, чувствуя, что мороз так и щиплет уши. В голове и на языке гудела веселая фриска из рапсодии, а ноги шли сами. Город был бел, ослеплен луной, и тьма-тьмущая звезд красовалась над головой».

Поэт-петлюровец Сосюра: «Переді мною як живі стояли повні чар і краси срібно-місячні ночі Донбасу»...

Примерно так жилось в Киеве при Петлюре да еще во время комендантского часа. Жаль, что в окончательный вариант романа этот кусок не попал. Как и такой, например:

«Вечер пошел своим порядком. Понятное дело, появились и Шервинский и Мышлаевский. Карась бывал редко. Карась решил плюнуть на все и, запасшись студенческим документом, а офицерские запрятав куда-то, так, что сам черт бы их не нашел, ухитрился поступить в петлюровскую продовольственную управу. Изредка Карась появлялся в турбинском убежище и рассказывал, какой нехороший украинский язык...

— Выбачайте, Панове, — говорил по-украински Николка и делал при этом маленькие глаза.

Если при этом присутствовал Турбин, он говорил:

— Я тебя покорнейше прошу не говорить на этом языке.

— Выбачаюсь, — отвечал Николка».

По-настоящему поучаствовали в Гражданской только трое писателей. Да и то лишь потому, что были не писателями, а мальчишками, — Шолохов, Сосюра и Гайдар.

Шолохов на ту войну едва успел. В год ее окончания ему едва исполнилось пятнадцать. Вместе с красным продотрядом бродил он по казачьим станицам на Дону. «Шибко я тогда комиссарил», — признался впоследствии повзрослевший Миша не без стыда. Однажды попался самому батьке Махно. Нестор Махно будущего Нобелевского лауреата (второго после Бунина) отпустил, вняв мольбам какой-то женщины не губить мальчишку. Кто бы мог подумать, что Шолохов, оказавшийся на стороне красных, с особой теплотой опишет в своем романе казаков, большинство из которых воевали за белых?

Владимир Сосюра, родившийся в 1897 году на той самой станции Дебальцево, где шли бои и летом 2014-го, был чуть старше. Войну он начал в армии УНР, а закончил — в советской. Пребывание у Петлюры объяснял впоследствии так: «І тоді побіг я до Петлюри, бо у мене штанів не було»... Как бы то ни было, лучшее, на мой взгляд, украинское произведение о Гражданской войне — «Третья рота» — написана именно бывшим петлюровцем Сосюрой. Есть там и описания расстрелов, и картины переходов из одной

армии в другую и даже такое: «Переді мною як живі стояли повні чар і краси срібно-місячні ночі Донбасу і люди, цілі зоряні світи, святі, далекі і казково близькі».

ВРАГИ НЕПРИМИРИМЫЕ. Пятнадцатилетний Аркадий Гайдар оказался в Киеве в те же дни, что и Михаил Булгаков. Курсантом на курсах красных командиров, размещавшихся в бывшем здании Кадетского корпуса, где теперь Министерство обороны Украины. Свои юношеские впечатления от того Киева он оставил в повести «В дни поражений и побед»:

«Лежа под деревом, они разговорились.

— Ты добровольцем пошел? — спросил Сергей.

— Ага, — ответил тот. — Когда отца убили, я убежал и поступил в первый попавшийся отряд.

— Кто убил?.. От кого убежал?

Владимир рассказал о том, как в Луганске к ним нагрянула банда Краснова, а у его отца скрывался раненый коммунист. После чьего-то доноса отца повесили, коммуниста замучили, а он сам, выпрыгнувши из окошка, разбил себе здорово голову, но все же убежал.

— Сволочи какие! — заметил Сергей.

— Ничего не сволочи, — возразил Владимир. — Были бы наши на их месте — то же самое сделали бы.

— То есть как это?

— А так. Поживешь вот, увидишь. Потому что враги-то мы уж очень **НЕПРИМИРИМЫЕ**»...

Все эти люди, о которых я писал, в Гражданскую были по разные стороны баррикад. Все уцелели. Кто-то избегал участия в войне сознательно. Кому-то просто повезло. Кого теперь интересует, какую «веру» они тогда исповедовали? Относитесь друг другу мягче. Как Махно к Шолохову. В этом правда, а не в крови.

16 августа 2014 г.

Самая короткая война

Честно признаюсь: все тяжелее становится «утешать» историей. Все, что я предсказывал, сбывается. Или — почти все. Неоднократно предупреждал, что просто смертельно опасно для Украины менять власть в государстве силой, а не на выборах. Не поймут этого на Юге и Востоке. Возмутятся. Но ведь поменяли! И именно силой. На крови.

Говорил и устно, и письменно, что последствием прозападного политического курса и так называемой «евроассоциации» станет для Украины экономический коллапс и рост цен на все, начиная с бензина и квартплаты. Причем, ныне только НАЧАЛО этого болезненного процесса. Хватит его года на три, как минимум. Пока «дна» кризиса не достигнем. И что? Кого-то это отрезвило?

Немцы против немцев. Атака прусской гвардии на австрийскую артиллерийскую позицию. Напор пехоты короля Пруссии принес ей победу в 1866 г. под Кениггрецом.

Писал, что конфликт на Донбассе не имеет военного решения. Садитесь, договаривайтесь. Только не убивайте. Не разжигайте пожар. Кто меня слушал? Вместо этого киевское правительство посылало бригады в бой, надеясь взять Донецк ко Дню независимости. И утверждало, что там не с кем договариваться. А теперь везут оттуда трупы сотнями. И никто не вернет ни сыновей, ни мужей.

Но если об обмене пленных договариваются, то почему по всем иным вопросам нельзя договориться?

Давайте честно признаем: именно сегодня Украина обладает минимумом самостоятельности. Во всех смыслах. В экономике — полная зависимость от кредитов Запада. В политике — никто на Банковой шагу не ступит без согласования «своей» позиции с посольством США. А для Штатов быстрое решение «украинского вопроса» — не приоритет. Наоборот. Там давно искали страну, где можно разжечь внутренний конфликт после Ирака, Ливии и Сирии. Чтобы потом — «помогать» ей выбраться из беды, поставляя

уголь для электростанций, топливные сборки для АЭС, советников для армии и т. д.

И такая страна нашлась! Да еще под боком у России. Страна с жадными олигархами, наивным народом, доверчиво внимающим «шустерам» на ТВ, и кучей противоречий, которые удобно разжигать. Какое удовольствие было дразнить ею русского медведя в берлоге! И раздражили. И зашевелился мишка. И вмешался, поддерживая ДНР и ЛНР. Теперь хоть «самопровозглашенными» их называй, хоть проси у тети Эштон (уже отправленной в отставку с должности министра иностранных дел ЕС) еще печенья, а вокруг раздрай и смута. Не в Великобритании, откуда эта Эштон, а у нас, в Украине. В каждом дворе.

Франц Иосиф считал пруссаков «сепаратистами». Когда-то Берлин подчинялся Вене. Война уточнила термины.

Если поискать корень причин случившегося, то обнаружится он в испорченных отношениях Киева и Москвы. Официального Киева и официальной Москвы. Это конфликт Путина как выразителя интересов российского империализма и украинских олигархов, которые после силового устранения Януковича предпочли роль компрадоров у империализма американского, но не просчитали впопыхах всех рисков службы геополитическому Западу на самой границе с геополитическим Востоком. (Если кто запомнил значение слова «компрадор», я напому. Это, по классическому определению, «соглашательская часть национальной буржуазии в экономически отсталых странах, сотрудничающая с иностранным капиталом».) Классический компрадор предпочитает выкачивать капитал из своих земляков где-нибудь в Гвинее или Украине, а жить в Лондоне, время от времени наезжая к бывшим землякам в свои компрадорские «угодья», где сидят его управляющие — «менагеры», на современном жаргоне.

Теперь этот российско-украинский конфликт кажется уже «вечным». По телевизору то и дело звучат слова «война между Украиной и Россией». Но официально войны нет. Военного положения нет. Товары из России продолжают поступать в Украину, а из Украины в Россию. А если вам пришла повестка из военкомата и вы засунули ее под подушку, то максимум, что вам угрожает, — это административный штраф в 51 гривну. И то лишь в том случае, если

военкомат подаст на вас в суд, проиграет и первую, и вторую инстанции, и решение суда после долгих проволочек наконец-то вступит в силу. Причем, вряд ли военкомат вообще станет подавать на вас в суд, так как там нет соответствующих юридических служб и адвокатов. Военкомату проще бросить новую порцию повесток другим гражданам — юридически менее грамотным. Такова правовая реальность нашей с вами жизни, несмотря на то, что на Востоке гибнут совершенно реальные люди — и те, которые там живут, имея свой взгляд на происходящее, и те, которых собирают туда со всей Украины, предварительно переодев в камуфляж «дубок», официально принятый в ВСУ.

Есть из этого выход? Может он найтись в тот исторический момент, когда каждый день, несмотря ни на что, платные пропагандисты и злые политические клоуны пытаются разжечь в нас самые низменные страсти и убедить, что наиболее «умное» для нас — это схватиться за оружие и пойти кого-то убивать «за идею». А для них — снова рассестись у Шустера и обсуждать новые методы добровольного самоубийства для миллионов наивных граждан Украины, которых лично я люблю, несмотря на все их различия в политических взглядах и месте проживания.

Вот тут и начинаешь разворачивать пожелтевшие страницы исторических хроник. И искать в них рецепты выхода из нашего кризиса. Или хотя бы утешение.

Наверняка вы, читатель, слышали хоть что-то о Столетней, Тридцатилетней и Семилетней войнах. Кого-то в детстве травили историей в школе, и у него хоть что-то застряло в памяти. А кто-то даже прочел «Пером и шпагой» Пикуля. Или, что куда менее вероятно — «Валленштейн» Шиллера. Так что какое-то представление об этих длительных и изнурительных вооруженных конфликтах у вас есть. И даже тот, кто книг не читает, а на уроках истории спит или плюет в ухо соседу жеванным бумажным шариком из трубочки, даже из самого названия войны понимает: Семилетняя — это долго. Это почти две Великих Отечественных! А Столетняя — просто страшно представить! Вот недавно, например, отмечали начало Первой мировой. Она, как известно, при прадедах наших началась — в 1914-м. Многие хотя бы имя отчество своего прадеда помнят? То-то же... А если представить, что война тянулась и при прадедушке, и при дедушке, и при папе, и при мне, и даже сын с зятем успели в ней повоевать, то это как раз Столетняя и набежит. Всем войнам войница! Ну, ее к бесу. Нам такой войны не нужно! Это, как говорится, не наша война.

Но есть война, про которую, ручаюсь, вы даже не слышали. С красивым и, в общем-то, приемлемым для нормального человека названием — Семинедельная. Если можно так выразиться о таком богопротивном явлении как война. О ней всякие «политтехнологи» и говорить не любят, чтобы не смущать простые умы. А то народ начнет спрашивать правителей: вы нас тут годами воевать заставляете, мучите, издеваетесь, но есть же и другие, так сказать, положительные примеры! Провели мобилизацию, собрались, достигли театра боевых действий, совершили все, какие полагается, подвиги, и всего через семь недель (меньше, чем через два месяца!) уже сидели по домам и пили пиво. Причем куда более качественное, чем сегодня, так как дело было в XIX столетии, и никаких пастеризаций еще не существовало.

Эта война произошла в далеком 1866 году между двумя братскими германскими государствами — Пруссией и Австрией. Вы же не станете отрицать, что австрийцы и немцы — братья? Это же очевидный факт. Язык у них один и тот же, хотя произношение разное. В Вене — венское, мягкое. В Берлине — берлинское, с северогерманской жесткостью. Некоторые даже вообще отрицают существование немцев и австрийцев как разных народов.

Говорят, что это один народ. Просто живущий в двух разных государствах. Но в одном общем Германском мире. В одной Германской цивилизации.

История как будто тоже подтверждает такое мнение. Все Средние века и почти все Новое время австрийцы и немцы совместно создавали одну великую державу — Священную Римскую империю германской нации. Только в наполеоновскую эпоху ее ликвидировали. Причем, не добровольно, а по желанию Наполеона. После его побед над австрияками и пруссаками при Аустерлице и Иене. И завелись окончательно королевство Пруссия со столицей в Берлине и Австрийская империя со столицей в Вене. Совершенно «независимые» друг от друга.

У Пруссии и Австрии имелся в прошлом общий патриотический миф — совместная война против Наполеона. Для них это было почти, как для нас Великая Отечественная. В начале позапрошлого столетия Наполеон нанес немцам и австриякам несколько болезненнейших поражений, заключал с ними унижительные договоры. Попросту говоря, не ставил их ни во что, как всякий рэкетир, которому удастся пробиться на самую верхушку государства. А он, если отбросить политес, и был-то именно таким корсиканским рэкетиром. Но Австрия и Пруссия одумались, заключили союз с Россией и Великобританией, надавали в общей международной компании по мордасам Наполеону и снова стали «великими» державами.

К 1866 году этого «величия» на две братских страны стало не хватать. Они зажрались. Прочно стояли и прусская марка, и австрийская крона. Лихо завивались кверху усы у Потсдамских гренадеров короля Вильгельма Прусского и так же решительно поднимались они у знаменитых «дойчмейстеров» (солдат элитного венского полка) императора Франца-Иосифа. И тем, и другим хотелось повоевать. Если уж не с французами, то хотя бы друг с другом.

К тому же у Семинедельной войны имелась еще одна причина. Самая важная — экономическая. Стремительно развивающаяся Пруссия мечтала собрать все германские государства (держитесь крепче!) в... Таможенный союз. Недаром называют на Западе Путина, долго проработавшего в Германии, «немцем в Кремле». Немецкую историю он, наверняка, знает, в отличие от подавляющего большинства украинцев и россиян. И даже некоторых немцев. Уверен, свой Таможенный союз Путин начал собирать с явной оглядкой на его исторический аналог — то торговое межгосударственное объединение, которое в середине XIX века сколачивал канцлер Пруссии Бисмарк.

Война 1866 г. запомнилась немцам тем, что впервые пропал «Октоберфест».

Офицер австрийской кавалерии.

Правда, в Австрии считали, что Бисмарк Таможенный союз не собирает и даже не сколачивает. В Вене любили повторять, что Бисмарк в него «сгоняет». Сгоняет туда «бедную» Баварию (аналог нашей Белоруссии), «несчастную» Саксонию (что-то вроде немецкого Казахстана) и вполне независимое тогда королевство Вюртемберг со столицей в славном городе Штутгарт и КРАСНО-ЧЕРНЫМ флагом из двух горизонтальных полос (заменяем его в нашем евразийском контексте, ну, скажем, на Грузию).

И вообще между Веной и Берлином тогда как-то «назрело». Накипело. Накопилось взаимное раздражение. Берлинцы презрительно полагали, что Вену населяют изнеженные южане — бездельники и сибариты. А венцы посмеивались над берлинцами за их амбициозность и стремление всем в Германском мире командовать. Хотя, скажем честно, кроме амбициозности, поднимающейся пивной пеной над стаканами, Пруссия обладала еще и деловитостью, которой тогдашней Австрии, действительно умевшей расслабиться, явно недоставало.

Война вспыхнула неожиданно 17 июня 1866 года. Обе стороны рассчитывали на блицкриг. Уже начиналось время массовых армий. По мобилизации, Пруссия поставила под ружье 664 тыс. человек. Австрийцы призвали почти столько же. Впервые в истории войска двигались к театру военных действий по железным дорогам, а не пешком. Правда, в основном это касалось пруссаков, а не австрияков. Беспечная Вена не успела развить необходимую для войны транспортную сеть. Да и ружья у австрийцев были похуже. Их нарезные штуцеры заряжались с дула. А у пруссаков уже состояли на вооружении казнозарядные винтовки. Куда более скорострельные.

Роскошная Вена. Рисунок австрийского художника Карла Файертага.

Зато газеты наперебой раздували военную истерию, поднимая «дух». И если учесть, что обе страны уже тогда отличались высоким уровнем грамотности (а население столиц двух враждующих «братских» государств почти поголовно умело читать и писать), можете представить какой точки кипения достигло состояние умов! Австрия ненавидела Пруссию, как исчадие Ада. Потому что была слабее. И, следовательно, истеричнее. А Пруссия считала

Австрию «предательницей» общегерманского дела. Но как более сильная сторона держала своих газетных борзописцев на коротком поводке. Казалось, взаимная ненависть уже не утихнет никогда.

Бисмарк: «Если мы не будем считать, что завоевали целый свет, то достигнем мира, который стоит этих усилий».

Все решило сражение при Кениггреце 3 июля — всего через две недели после начала войны. Если быть совсем уж точным — ровно через пятнадцать дней. Двести пятнадцать тысяч австрийцев при 770 орудиях столкнулись с 221 тысячей пруссаков, имевших 900 пушек. Это огромные цифры. Для сравнения скажу, что вся группировка украинской армии на Донбассе никогда не превышала 30 тысяч человек. Потери были не менее впечатляющими. Около 9 тысяч солдат Пруссии было убито и ранено на полях под Кениггрецом. Всего за один день боя. Причем, при тогдашнем уровне полевой хирургии не у многих был шанс выжить после ранения. Австрийцы понесли еще большие потери — 22 тысячи погибших, раненых и пропавших без вести. То есть тоже убитых. Плюс — столько же пленных! Казалось, уже ничто не сможет затянуть эту кровоточащую рану. Только атака австрийской кавалерии, прикрывшей отступление, спасла честь армии Франца-Иосифа.

В тот день гордая Австрия потерпела сокрушительное поражение. Путь на Вену был открыт. Прусские генералы именно так и советовали поступить Бисмарку — взять столицу врага и пройти по ней парадным шагом. Тем более, что там полным ходом уже шла эвакуация императорского двора и министерств. Но «железный канцлер» выбрал другое — переговоры. Ведь все-таки народы были братскими. Несмотря ни на что. А поле боя было усеяно трупами людей, прекрасно понимавшими при жизни язык друг друга.

Сразу же после сражения Бисмарк сел и написал жене: «Дела наши идут хорошо... Если наши притязания не будут преувеличенными и мы не будем считать, что завоевали целый свет, то достигнем мира, который стоит этих усилий».

Конечно, австрийцы тоже могли поупираться. Превратить Вену в «неприступную» крепость. Перегородить все, что можно, баррикадами. В кофейнях устроить огневые точки. В публичных домах — приюты для израненных воинов. В общем, героически пустить родной город черту под хвост. Бейте, стреляйте, берите нас огнем и измором — не сдадимся! Но австрийцы все-таки были австрийцами. Они твердо понимали, что убытки от припадка такого героизма не покроют никакие будущие прибыли. Кто оживит убитых? Куда приедут пить кофе по-венски и есть торт захер иностранные туристы? Для кого будут звучать вальсы Штрауса-младшего и «Марш Радецкого» Штрауса-старшего?

Поэтому 26 июля между двумя странами был заключен мир. Такой же по-немецки молниеносный, как и война. Блиц-мир, если несколько переиначить всем известное слово «блицкриг». Австрия вступила в Таможенный союз. Вскоре даже снова стала союзницей Пруссии. Конфликт был исчерпан.

А полк «Дойчмейстер» императора Австрии (в переводе — «Лучший в Германии») в утешение получил уникальное отличие за храбрость за ту краткосрочную летнюю кампанию — право иметь не один, как все, а целых два(!) полковых флага. Во-первых, потому, что дойчмейстеры действительно хорошо воевали, в отличие от многих австрияков. А, во-вторых, потому что побежденные всегда преувеличивают свой героизм. Это такое правило любой проигранной войны.

Но пресса по обе стороны границы долгое время называла ту войну не иначе, как «братоубийственной». Вообще до нынешнего дня это самая непопулярная и в Австрии, и в Германии война. Какое-то недоразумение. Позор. То, что братьям неприятно вспоминать, как пьяную драку пивными кружками. И кто бы мог подумать тогда, в далеком 1866-м, что в двух мировых войнах и австрийцы, и немцы станут братьями по оружию? Да никто! Просто засмеяли бы вас, скажи вы такое на поле битвы при Кениггреце!

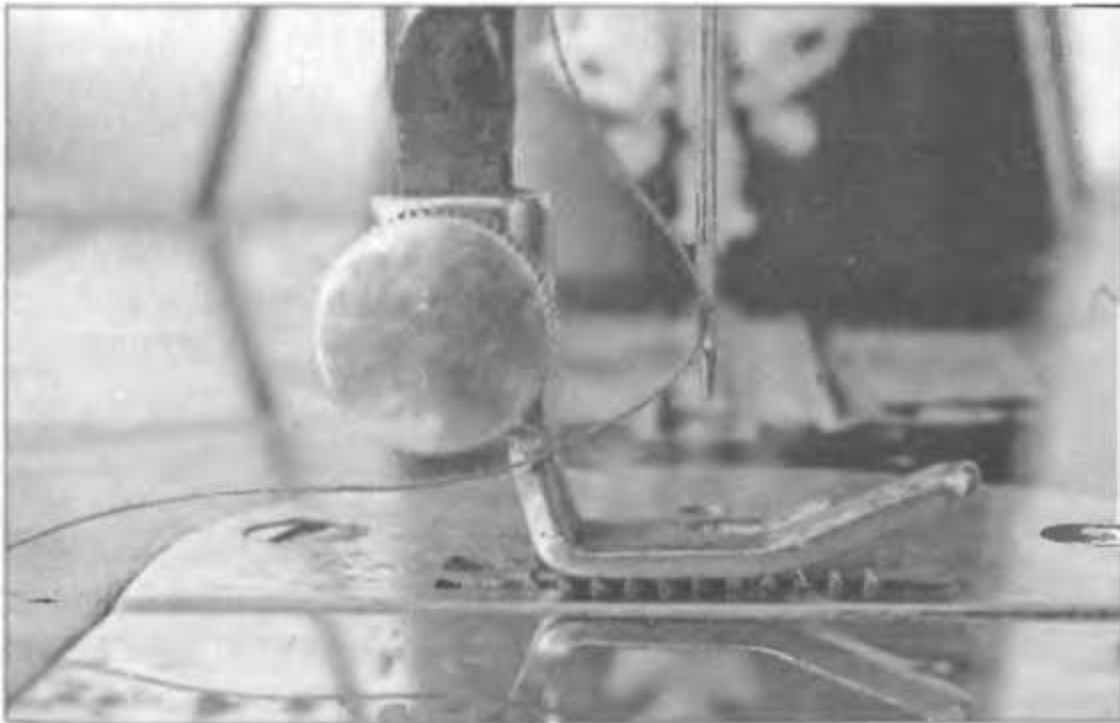
Но знаете, как сегодня вспоминают немцы Семинедельную войну? Не поверите. Как ту, из-за которой в Баварии чуть ли не единственный раз за всю историю не состоялся Октоберфест — пивной фестиваль. Из-за злосчастной войны (а Бавария воевала на стороне Австрии) на него никто не доехал. Хоть мир уже и был заключен. Просто настроения не было. Зато уже через год Октоберфест снова был. И пили на нем и баварцы, и пруссаки, и австрияки. Все вместе. Потому что обычное пиво и праздники человек любит все равно больше, чем войны и кровавый пир.

5 сентября 2014 г.

Великие изобретатели мелочей

Совсем недавно мир был совсем другим. Триста лет назад люди не чистили зубы и мылись только жидким мылом. Они шили одежду вручную и только привыкали к вилке.

Важнее всего — мелочи. Мы привыкли восхищаться великими изобретениями. Но давайте признаемся честно: обычные серные спички для каждого из нас важнее, чем теория относительности Эйнштейна. Холодильник, мыло, швейная машинка, столовый прибор. Все пользуются ими ежедневно и даже и не помнят имен тех, кто облегчил нашу жизнь.

Массовое производство. Иголку для швейной машинки придумали только в 1814 году — для нужд армии.

ШВЕЙНАЯ МАШИНКА — ПРООБРАЗ ПУЛЕМЕТА. Память человечества устроена странно. О том, что пулемет изобрел американец Хайрем Максим, помнит. А, к примеру, изобретателя швейной машинки забыла напрочь. Между тем это важное, полезное изобретение. Еще во времена Наполеона всю одежду шили обычной иглой. Вручную. Представляете, сколько стежков нужно было сделать, чтобы получить в результате обычный солдатский мундир! Причем аккуратных стежков. Абсолютно похожих друг на друга!

Кстати, именно наполеоновские войны и подстегнули мысль изобретателей в этом направлении. На арену истории вышли стотысячные армии. Их нужно было быстро одеть. Поэтому идею швейной машинки выдвинул австрийский изобретатель Йозеф Мадерспергер в 1814 году, когда до конца эпохи Наполеона оставался всего один год. Точнее, Мадерспергер предложил иглу с ушком в острие — именно такую, что бегаёт вверх-вниз в современных швейных машинках. Но в его машинке игла двигалась горизонтально. Да и вообще его идея опоздала. Так и пошли сражаться в битву при Ватерлоо и французы, и англичане, и союзники австрийцев — пруссаки — в мундирах, пошитых вручную. Ни один кутюрье сегодня не может позволить себе пошить одежду для клиента обычной иглой. А рядовые пехотинцы всего двести лет назад носили именно такую — штучную, уникальную. Совсем другое время

было — обстоятельное, тщательное, не знавшее безработицы.

Строчит, как пулемет. Одна из первых швейных машинок — ручная.

Когда в 1830 году французский изобретатель и фабрикант Бартелеми Тимонье построил первую в мире автоматическую фабрику, на которой мундиры для французской армии производились с помощью швейных машинок, портные-ремесленники пришли в ужас. Ровно через год они сожгли фабрику Тимонье вместе с машинками, опасаясь конкуренции и безработицы. Для них это было сатанинское изобретение. Тимонье так и умер в нищете, хотя его изобретение позволяло сделать двести стежков в минуту. А привычную для нашего глаза швейную машинку запустил в серию немецкий изобретатель Зингер в 1851 году. Те мундиры, в которых немцы разбили французов в 1870 году, уже были пошиты на зингеровских машинках. Стук их и хищнодвигающаяся иголка, надежно пробивавшая и ткань, и кожу, явно вдохновила на творческие подвиги и первого «пулеметчика» — Максима.

ПЕРВЫЙ ЧИСТИЛЬЩИК ЗУБОВ — ЛЕВЕНГУК. Каждое утро большинство из нас чистит зубы. А ведь всего триста лет назад никто не чистил. Просто полоскали пасть водой с различными ароматизаторами, чтобы отбить затхлое дыхание. Основоположником зубной гигиены был изобретатель микроскопа голландец Антони ван Левенгук, первооткрыватель микробов. Он жил в городе Делфте и торговал шерстью. Но изо дня в день каждую свободную минуту запирался в задней комнате своего дома и шлифовал увеличительные стекла. С помощью этих линз он рассматривал капли воды, кусочки дерева, листья растений.

Антони ван Левенгук. Посмотрел в микроскоп на содержимое своего рта, пришел в ужас от микробов и придумал первую технологию чистки зубов — тряпочкой и солью.

Перед ним открылся целый мир, кишевший микроорганизмами. Левенгук называл их крохотными зверюшками. Однажды естествоиспытатель навел линзу на смыв с собственных зубов. Оказалось, что эта жидкость густо населена энергичными крошечными тварями, которые гоняли во всех направлениях. Увиденное ужаснуло Левенгука. Он протер свои зубы тряпочкой с солью и снова приготовил смыв. Под линзой микроскопа не оказалось ничего — все микробы передохли. После этого случая Левенгук всем знакомым предлагал чистить зубы с солью. Он прожил девяносто один год, наслаждаясь прекрасным здоровьем и являясь ходячей рекламой чистки зубов. И умер в 1723 году, сверкая белозубой улыбкой. Еще и Петр I успел его посетить в Голландии и перенять полезный метод очищения клыков от полчищ микробов.

Но имя изобретателя зубной щетки, усовершенствовавшего метод Левенгука, поглотило жестокое время. Видимо, никому это открытие первоначально не показалось важным. Мол, какая разница: тряпочкой тереть челюсти или щеткой? Но известно, что у того же Наполеона зубная щетка уже была — причем абсолютно современного вида.

СТРАШНЫЙ МИР БЕЗ МЫЛА. Этот мир даже сложно представить. А ведь он существовал тысячелетиями. И благоухал всеми оттенками смрада, исходящего немывтым гомосапиенсом. Античность обходилась без мыла. Древние греки и римляне натирали тело оливковым маслом и скребками в бане снимали с него грязь. Скифы не мылись вообще. «Мужчины скифов вовсе не омывают тело водой», — писал Геродот. Греку, имевшему привычку купаться, такой обычай казался дикостью.

Широко в обиход первое мыло вошло в Средние века. Мыло изобрели в Италии, примерно в VII веке. Первоначально оно было жидким. А процесс его приготовления невероятно вонючий. Ведь варили его из костей животных. В Англии член гильдии мыловаров под страхом смерти не имел права ночевать под одной крышей с представителями

других ремесел. Профессия, дарившая чистоту, считалась нечистой.

В 1741 году француз Жульен Луи Жоффруа изобрел твердое мыло. Его стали резать брусками. До этого мыло продавалось бочками и просто намазывалось на тело или ткань.

И немного статистики. В 1913 году в Российской империи каждый житель в среднем потреблял чуть больше килограмма мыла в год. В это же время в Западной Европе потребление мыла было в 8-10 раз больше. Не удивительно, что на Украине от тех времен уцелела шутка: «А де ви миетесь?» — «Літом — у ставку!» — «А зимою?» — «А скільки тієї зими?!»

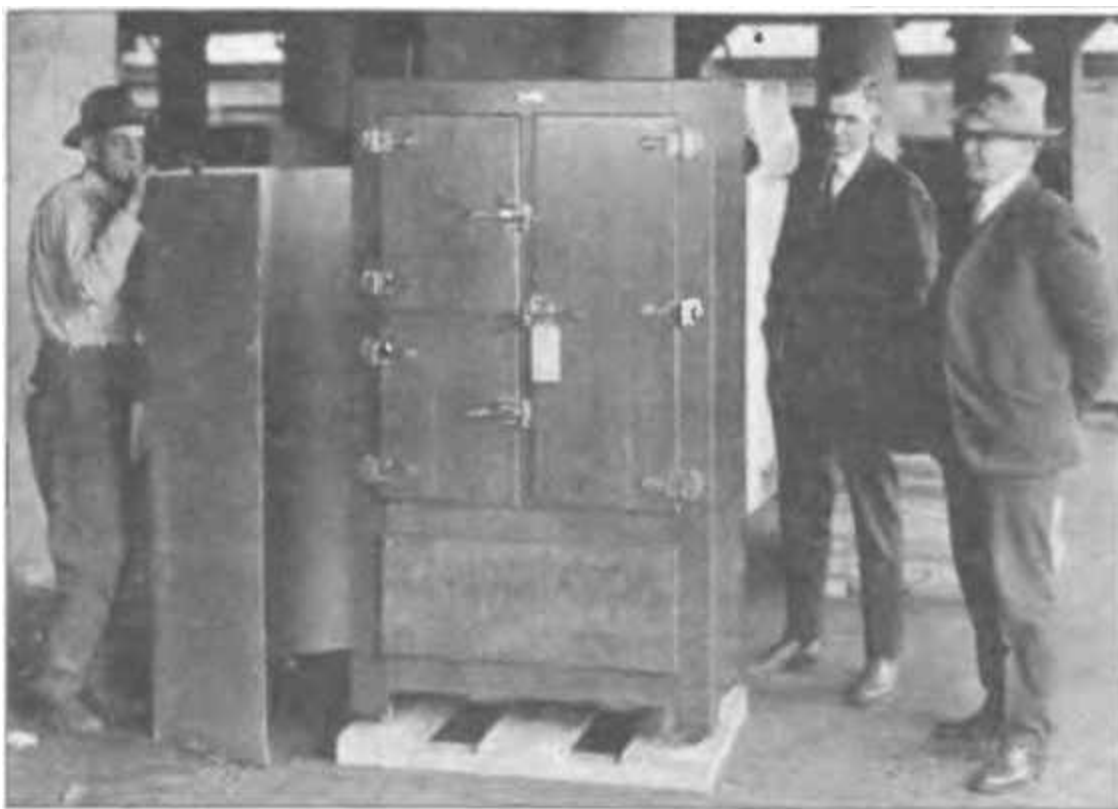
СОЛЬ, КОНСЕРВЫ И ХОЛОДИЛЬНИК. Левенгук недаром предложил чистить зубы солью. Соль — первый консервант, открытый человечеством. До открытия чудесных свойств соли все мясо, доставшееся племени, нужно было съесть сразу, пока оно не протухло. Поэтому жрали от пуза, как свиньи. Соль имеет тот же индоевропейский корень, что и слово «солнце». Считалось, что солнце ее порождает, выпаривая морскую воду. Использование соли позволило консервировать мясо и рыбу и перевозить их на дальние расстояния. К примеру, одной из главных статей экспорта античного города Херсонес на территории Севастополя была соленая рыба. Ее солили в гигантских ваннах и вывозили в Грецию.

Первую консервную банку запатентовал в 1810 году англичанин Питер Дюран. Это была солидная вещь из толстой жести, покрытой изнутри оловом. Новшество пришлось по вкусу, прежде всего, военным и путешественникам. Во время Крымской войны в 1854 году английская армия, осаждавшая Севастополь, уже лопала мясные консервы из жестяных банок. Мясо хранилось в них очень долго. Одна проблема — банки были значительно тяжелее современных и вскрывались не без труда. Нужно было действительно попотеть, вспарывая ножом жестяную крышку.

Качественный металл консервных банок XIX — начала XX веков после съедания тушенки еще раз использовался. Его выпрямляли и штамповали из него всякие мелочи. К примеру, как-то мне попала в руки русская солдатская кокарда, выштампованная из консервной банки. С одной стороны ее были черные и оранжевые овалы, а с другой — буквы с названием консервы. Металла во время Первой мировой войны не хватало — в дело шло все, что было под руками.

Франция, 20-е годы XX века. Домохозяйки консервировали помидоры точь-в-точь, как наши бабушки.

Американское изобретение. Холодильный шкаф для трупов животных.

Но лучше всего хранить мясо в холодильнике. Первоначально они были огромными — техническими. В 1875 году некий Карл Линде построил первый рефрижератор, в котором холод получали с помощью компрессора. Это изобретение внедрили на мясохладобойнях, продскладах и кораблях. К примеру, российский флот, отправившийся вокруг Африки и Азии к Цусиме в 1904 году, совершил многомесячный переход благодаря мясу, хранившемуся в холодильниках на одном из транспортов. В начале XX века это было уже нормой для всех цивилизованных стран. Но первый домашний холодильник изобрел американец Элих Томсон в 1893 году. Он оснастил его электроприводом. Первые холодильники производили много шума и пованивали. Компрессор имел приводные ремни и гудел. Вместо фреона использовался аммиак. Холодильник приходилось периодически смазывать, подзаряжать газом и менять у него ремни. Проблему решил датский инженер Стинструп в 1926 году. Он спрятал электродвигатель под герметичный колпак. Холодильник сразу стал бесшумным.

До конца 30-х годов домашние холодильники в СССР не производили. Только немногим удавалось привезти его из заграничных поездок. Известный критик и бывший эсер-террорист Виктор Шкловский, зайдя к советскому писателю Валентину Катаеву — бывшему белогвардейцу — в разгар сталинских репрессий 1937–1939 гг., увидел у него новенький холодильник, притащенный из-за рубежа, и пошутил: «А вы не боитесь, что снова придут красные?» Тем не менее репрессии благополучно пережили оба, что совершенно не вписывается в страшную картину сталинского Советского Союза, внедренную в нынешние массовые мозги.

Кстати, первый советский компрессионный холодильник родился именно в страшном 1937-м. А его заводские образцы выпустили ровно через два года на Харьковском тракторном

заводе. Холодильник назывался ХТЗ-120. К сожалению, современная Украина, озабоченная проблемами национальной идентичности, совершенно забыла, что харьковские холодильники появились на десять лет раньше, чем знаменитые московские ЗИЛы, выпускавшиеся по совместительству на автомобильном заводе. А ведь какой повод для гордости! «Наши» холодильники-тракторы появились на десять лет раньше, чем «их» холодильники-грузовики! Жаль только, что теперь большинство холодильников и в Харькове, и в Киеве, и во Львове, и в Москве — импортные. Разучились производить «свои».

НЕ БОЙСЬ НОЖА, А БОЙСЯ ВИЛКИ! Первыми вилку изобрели венецианцы. Уже в начале XI века ее использовали за столом в лучших венецианских домах. Она имела только два зуба. Поэтому сторонники высокой нравственности сочли ее изобретением дьявола. Они ассоциировали вилку с двумя рогами сатаны. В западноевропейских монастырях до XVIII века вилку использовать запрещали. Брли мясо руками и были довольны, облизывая пальцы. Французский король Генрих III — утонченный гомосексуалист, отличался, как и многие геи, брезгливостью. Во время своего правления с 1574 по 1589 год он охотно пользовался вилкой и приучал к этому своих придворных. Но «настоящие французы» горячо критиковали его за такую распущенность. Сменивший Генриха III на троне Генрих IV, любивший хватать баб за мягкие места руками, вилкой не пользовался. А его внук Людовик XIV признал полезность вилок за столом только к концу своего царствования.

Генрих III. Пытался приучить придворных к вилке, но вызвал яростную критику консерваторов.

Кардинал Ришелье. Яростный враг дуэлей закруглил кончик столового ножа, придав ему современную форму.

Параллельно с вилкой происходило и внедрение столового ножа. Первоначально он был остроконечным. Можно было и мясо отрезать и с острия его укусить. Кардинал Ришелье обратил внимание, что многие придворные еще и ковыряются столовыми ножами в зубах. Ему пришла в голову мысль закруглить кончики столовых ножей. Так появился привычный нам прибор, которым мы пользуемся за столом. Режешь отбивную, а в зубах уже не поковыряешься — во всем кардинал Ришелье виноват — тиран!

И в завершение напомним стихотворение русского поэта Николая Олейникова «Хвала изобретателям». Оно написано в 1932 году:

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких и смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос,
Хвала тому, кто предложил печати ставить в удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос.
Кто соску первую построил из резины,
Кто макароны выдумал и манную крупу,
Кто научил людей болезни изгонять отваром из малины,
Кто изготовил яд, несущий смерть клопу.
Хвала тому, кто первый начал называть котов и кошек человеческими именами,
Кто дал жукам названия точильщиков, могильщиков и дровосеков,
Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,
Кто греков разделил на древних и на просто греков.

Трудно не согласиться с этими строками. Без Наполеона можно обойтись. А как обойдешься без чайных ложек и макарон?

10 ноября 2012 г.

Потомство фигового листа

Страшно представить, но трусы еще не отметили и столетия. Человечество обзавелось ими только в 20-х годах прошлого века.

Идея этой статьи зародилась у меня случайно. На одном из телеэфиров некий жулик, выдающий себя по совместительству за миллионера и философа, решил уесть меня и заявил: «Вот вы роетесь в грязных трусах Шевченко!». Я рассмеялся и ответил, что и в этом вопросе мой оппонент некомпетентен, так как во времена Шевченко еще не изобрели трусов. Не носил их Тарас Григорьевич. Ни бронзовых, ни сатиновых. И вообще вся дореволюционная Россия от царя до мужика, а также и просвещенная Европа от французского президента до последнего клошара не пользовалась этим полезным элементом нижнего белья до самого начала XX века. Как же они жили? А вот так и жили! Жизнью, совершенно не похожей на нашу.

Мне бы хотелось рассказать об истории того, что мы носим. Надоело о «великом». Хочется написать о малом, но важном. О штанах-галифе, о каблуках и подошвах, о рукаве-реглан и шапке-ушанке. Но, прежде всего, о трусах.

В русском языке слово «трусы» появилось только в 20-х годах прошлого века — в советский период. Жизнь тогда упростилась. Исчезли целые сословия, нормы этикета, правила приличия. Перестали носить сюртуки, визитки, корсеты. Забыли, что такое «делать визиты» — ГПУ само к вам придет, как шутили Ильф и Петров. Зато обогатили жизнь свою трусами.

В чистом белье — чистые делишки. Женское белье начала 20-х напоминало мужские семейные трусы.

Спрашивается, почему раньше не изобрели? Отвечаю: в XIX веке мужскую одежду шили преимущественно из сукна. Оно было толстым и тонким, дешевым и дорогим (чем тоньше, тем дороже!), но как всякая шерстяная ткань — «кусалось». Одежда из такой ткани требовала длинного белья. Даже летом. Посмотрите на старинные фотографии: и блестящие офицеры в узких кавалерийских рейтузах, и солдаты в штанах попроще, и чиновники, и гордые своей принадлежностью к «лицам свободных профессий» присяжные поверенные, то есть адвокаты, были несвободны в одном — под брюками они носили кальсоны, защищавшие ногу по всей длине от контакта с шерстью.

1907 год. Испытание подштанников для императорской гвардии.

Простые солдатские кальсоны были из бязи — дешевой хлопчатобумажной ткани довольно жидкого плетения. Господа офицеры предпочитали этот предмет из трикотажа. А наиболее продвинутые — из шелка. На шелковом белье даже вошь в окопах во время Первой мировой войны не жила — соскальзывала. Ей даже яйца отложить было не на чем! Самым модным цветом для кальсон был лиловый. Резинок в солдатских кальсонах не было — они завязывались на обычную тонкую веревочку. Низ штанин тоже подвязывался веревочками, чтобы они не болтались на ноге. В такой исподней амуниции Русь-матушка пережила и Первую мировую, и гражданскую, вне зависимости от политических пристрастий владельцев подштанников.

После революции каждый устраивался, как умел. К примеру, Михаил Булгаков, получив гонорар за «Дни Турбиных», заказал себе штаны на шелковой подкладке. Еще и хвастался перед друзьями своим изобретением.

Вот, мол, какой я гений — и кальсоны носить не надо, и конечности мои нижние в паху не трет! Но не у всех были такие возможности. Качественное сукно ушло в прошлое вместе со старым режимом. Большинство теперь носило самые примитивные широкие полотняные штаны и радовалось жизни. А под них стали поддевать штаны укороченные — те самые «семейные» трусы.

Изобретение это появилось, правда, не у нас, а в Европе. Слово «трусы» происходит от английского trousers (в переводе — «брюки»), а то, в свою очередь, от французского troussée — «короткие». Кто-то во Франции — на родине мировой моды — догадался укоротить кальсоны и поддеть это новое изобретение под холщевые, летние, уже не кусающиеся штаны. А мы переняли. Причем первые трусы сначала появились у мужчин, а потом их тут же

позаимствовали женщины, так как юбки в 20-е годы укоротились до колена и прежние панталончики просто выглядывали из-под них.

Нужно заметить, это было не первое женское заимствование из мужской одежды. Можно поверить Фрейдю, утверждавшему, что женщины переживают из-за того, что не родились мужчинами. В области моды это правило действует неукоснительно. Посмотрите на современную модницу. Она носит сапоги до колена, которые раньше были обувью мужчин-кавалеристов, брюки в обтяжку, как у гусара. Еще один предмет своего «обмундирования» современная дама позаимствовала у кирасира — лосины. Женщины переняли так называемые «боксерские» трусы, о чем свидетельствует даже их название, пальто, шинели, рукава-реглан. Все это первоначально было частью мужского гардероба. Причем чаще всего военного. Тот же рукав-реглан изобрел во время Крымской войны командующий британской армией лорд Раглан. Этот рукав отличает отсутствие привычной проймы — без шва на плече. Таким образом лорд собирался спастись от осенних дождей под Севастополем. От дождей спасся. Но умер от холеры, наложив перед смертью полные штаны. Зато модницы теперь щеголяют в регланах, даже не помня, кто их породил.

А в штаны, кроме Раглана, кто только не накладывал! Особенно скандальный и даже пророческий случай приключился во время коронации Николая II — в 1896 году в Москве. О Ходынке, где тогда затоптали несколько сотен человек, явившихся за царскими подарками, все знают. А этот инцидент попытались не заметить. Во время церемонии венчания на царство 70-летний дедушка будущего автора «Лолиты» Дмитрий Набоков — сенатор, статс-секретарь и бывший министр юстиции — неожиданно обгадился на виду у высших чинов империи. То ли съел что-то не то. То ли по старости расслабился. То ли перенервничал. Ни одна газета об этом казусе, естественно, не написала. И только главный редактор и издатель самой влиятельной тогдашней газеты России «Новое время» Алексей Суворин сухо отметил в дневнике 19 мая: «Во время коронации у Набокова, который нес корону, сделался понос, и он напустил в штаны».

Это происшествие имело важные последствия для потомства сенатора-засранца. И над старым Набоковым, и над его сыном Владимиром Дмитриевичем — папой будущего писателя-эстета — при дворе стали посмеиваться и называть их, сами знаете, как. Владимир Дмитриевич от этого ударился в вольнодумство, стал требовать конституции и ограничения самодержавия. Даже сделался одним из лидеров партии конституционных демократов — кадетов. А ограничь его родитель в нужный момент желудок, был бы, как и все их татарские предки, верным слугой отечества и престола. Может быть, даже врагом прогресса и парламентаризма.

Итак, «родителями» трусов были кальсоны, они же — подштанники. А кто породил штаны? Последнее время на Украине эту честь решили приписать скифам. К современным украинцам скифы не имеют никакого отношения. Это кочевой народ иранского происхождения — осколок расселения древних ариев. Но поскольку жили они на территории современной Украины, то сторонникам «украинопуизма» мысль о причастности скифов к изобретению штанов все-таки приятна. А то, что скифы так и не научились читать и писать, то, что они изгоняли из своей среды любого, кто был умнее их среднего уровня, историков-сверхпатриотов не интересует. Главное, что штаны открыли!

Между тем, строгие факты свидетельствуют, что штаны куда древнее скифов. В Альпах, в залежах льда, ни раз находили прекрасно сохранившихся людей эпохи каменного века. Они лежали там, как в холодильнике, словно специально приготовленные для исследователей

нашей эпохи. Эти замороженные люди были в хорошо пошитых штанах из шкур животных. В Европе каменный век закончился в III тысячелетии до н. э. А скифы появились на арене истории только в I тысячелетии до н. э. Видите, КАКАЯ хронологическая дистанция между скифами и штанами? НЕПРЕОДОЛИМАЯ!

Никто никогда не назовет точно дату изобретения штанов. Ясно только, что их породил последний ледниковый период, когда негроиды, заселявшие до этого Европу, потеряли темную пигментацию и были вынуждены приспособиться к условиям жизни в холодном климате. Так появилась белая раса — самая молодая из всех человеческих — и... штаны, чтобы согреть ей ноги. Но если имя изобретателя наиболее важной части мужского костюма не поддается установлению, то авторы всевозможных новых разновидностей штанов известны иногда с точностью до года. Первые джинсы были пошиты Леви Страусом в 1873 году как рабочая одежда. А брюки-галифе придумал французский генерал Галифе примерно в это же время — вскоре после франко-прусской войны, в которой ему изуродовали бедро. Кавалеристы носили в то время узкие рейтузы. Уродство генеральской ноги доставляло ее обладателю настоящие мучения. Огюст де Галифе был не стар. Ему совсем недавно перевалило за сорок. Пребывая в высоком звании и отличаясь к тому же завидной потенцией, генерал не собирался уходить из большого секса. Его интересовала не только служба, но и дамы. Куда ни пойдешь — все плятятся на кривое, неправильно сросшееся бедро.

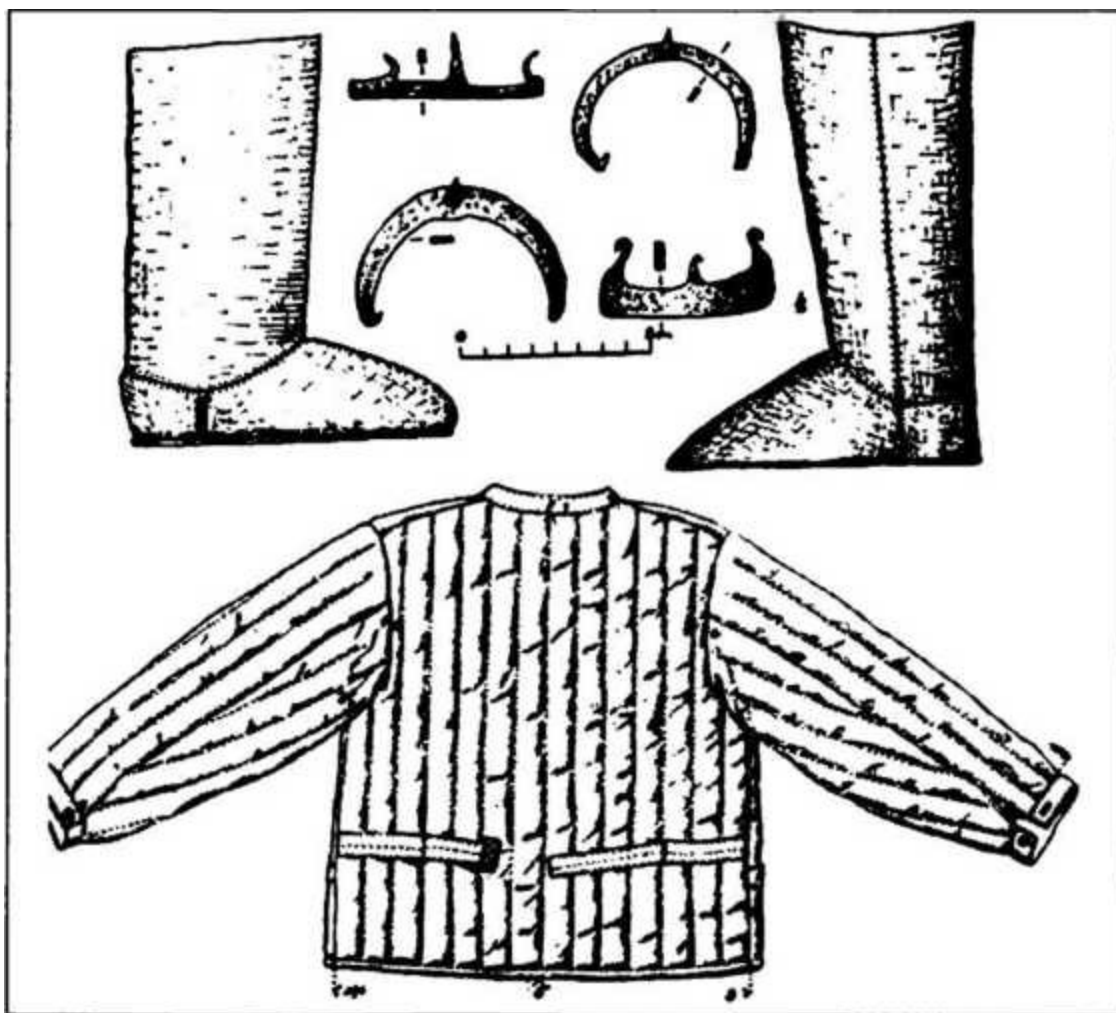
Генерал Галифе. И гитаны нового типа изобрел, и Парижскую коммуну подавил. Жизнь удалась! А тут такое несчастье!

Пораскинув мозгами (ибо в ногах правды нет), генерал Галифе не только заказал себе модель штанов, резко расширяющуюся в том месте, где заканчивается сапог, но и ввел ее во французской армии. Галифе был не просто лихой рубака, но еще и военный министр Французской республики. Власти у него для переодевания армии в брюки имени себя было в избытке. Вскоре каждый французский кавалерист щеголял в точно таких же штанах, как и генерал. Его покалеченное бедро было замаскировано десятками тысяч штанов. Никому бравый генерал-кутюрье больше не бросался в глаза. Вскоре он даже снова женился.

Штаны-галифе прошли победным маршем по всей Европе. Их переняли австрийцы, англичане, немцы и русские. Особенно популярной эта модель стала с 1915 года. А в гражданскую победила все остальные. Карман в таких штанах был, как мешок. Туда влезал и портсигар, и спички, и яблоко, и горсть орехов, и россыпь патронов. В книге ветерана Дроздовского полка Георгия Венуса «Зяблики в латах. Семнадцать месяцев с дроздовцами» один из героев хвастается: «Ротмистр Длинноверхов пришел ко мне только на следующий вечер. Он был во вновь сшитых, широких галифе.

— У этих карманы еще глубже! Руки здесь по локти войдут. Как видите, поручик, я прогрессирую».

В Советской Армии автору этих строк тоже пришлось носить именно галифе. Увы, нынешняя армия их уже не носит. Модель перехватили бойкие девушки, которые виляют теперь на улице задницами в галифе. Ни выправки, ни строевого шага... Полный бардак. Зато Фрейд снова прав — и это они у нас украли.

«Угги» запорожских казаков Богдана Хмельницкого, подковы к ним и русский ватник образца 1915 года — они еще вернутся на подиум!

Шапки-ушанки сегодня тоже почему-то чаще всего встретишь на девушках. Теперь это почти гламурная вещь — часто из дорогого меха. Ушанка и телогрейка были яркими признаками простонародного «советского» стиля. Однако к славянам ни то, ни другое изначально не имело отношения. Стеганую одежду носили кочевые народы. Длинные халаты татар на вате — это и есть телогрейка. Регламентированный образец ватника для солдат русское военное ведомство приняло только в 1915 году. Укороченный халат оказался очень

полезным для окопной жизни. Тогда же в обиходе появились первые ушанки. Называли их «финская шапка». Именно финны придумали эту модель. Высокую папаху может снести с головы порывом ветра. Вязаную шапочку тот же ветер на морозе прожигает насквозь. А ушанка-треух всегда прочно сидит на голове. Холодно — отвернул уши. Потеплело — завернул наверх. Ничего удобнее для «сугрева» головы на холоде пока так и не придумали.

И в заключение об обуви. Мы не можем представить запорожского казака без сапог на каблуках. Увы, этот образ — выдумка художников-романтиков XIX столетия. «Каблук» — слово татарское. В степи его часто делали из обычного копыта. Назначение каблука — надежная фиксация ноги всадника в стремях. Но большинство казаков во времена Богдана Хмельницкого были пехотинцами. Они носили простую кожаную обувь на плоском ходу. На подошву брали кожу потолще. На короткое голенище — потоньше. Внешне такой «чобит» особой красотой не отличался. Чтобы он не протирался в районе пятки — там, где и сегодня больше всего ступается туфля или кроссовка — сапог подбивали железной подковкой. Не такой массивной, как у коня, но тоже довольно солидной. Можно сказать, что вся армия Богдана Хмельницкого была подкована на счастье. Хотя не всем это помогло. При раскопках в районе Берестечко регулярно находили казачьи сапоги той эпохи с подковками. Эта модель исчезла в XVIII веке. Но на память о ней осталась традиция подковывать сапог маленькими подковками. Во время моей службы в армии нам такие тоже выдавались. Берешь табуретку, переворачиваешь ее ножками вверх, надеваешь на ножку сапог — и прибиваешь подковку к каблуку. Эти подковки и давали потом тяжелый гром сапог марширующей на параде роты.

...А начиналось все когда-то с обычного фигового листа.

24 ноября 2012 г.

Чудо нежданное

Дело Гонгадзе, восстание Хмельницкого и победа оппозиции в Грузии над «правильным» президентом Саакашвили доказывают, что история непредсказуема.

Люди боятся будущего. Они не желают добровольно менять сегодняшний привычный уклад ради непредсказуемого завтра. Втайне человечество хотело бы вечно ходить по кругу. Из дома на работу. С работы — домой. Есть, спать, выполнять привычные функции. Но вторгается рок — и все летит в тартарары. Революция сделала князей и графинь жалкими эмигрантами, а политических лузеров-большевиков — правителями одной шестой части суши. Кто это мог предсказать еще в январе 1917-го? Да никто! Буржуазия, делавшая Февральскую революцию, даже не подозревала, что ее плодами воспользуется маргинальная партия с двумя комиками во главе — Лениным и Троцким. Планировали одно. Вышло совсем другое. И так всегда.

Богдан Хмельницкий. Стал памятником только потому, что вовремя умер польский король и начались выборы.

Всю сознательную жизнь копаясь в истории, я пришел к выводу, что она неподвластна никаким закономерностям и преподносит сюрпризы буквально на каждом шагу. В тот самый момент, когда никто никаких сюрпризов не ждет.

Давайте вспомним совсем недавние события. 16 сентября 2000 года исчез Георгий Гонгадзе. При жизни его никто не считал значительной политической фигурой. Тем более фактором, исчезновение которого может изменить историю. Я знал покойного шапочно. Мы познакомились в буфете «Киевских Ведомостей», а потом здоровались, встречаясь на телевидении. Он был широко известен в узких кругах, как Львовский грузин, любивший женщин и постоянно испытывавший недостаток в деньгах. Рубаха-парень, надевавший по приколу черкеску с вышиванкой.

Кто-то мог сказать 15 сентября, за день до его исчезновения, что все последующее

десятилетие пройдет под знаком кассетного скандала и пленок Мельниченко? Да никто! Уверен, даже Мельниченко этого не подозревал. Власть Кучмы находилась на пике. Оппозиция пребывала в упадке. Мороз зализывал раны после поражения на выборах 1999 года. Скандальные пленки те, кому их носили, боялись даже брать в руки. Тем не менее Мороз вылез на трибуну Верховной Рады — и все закрутилось. Оказалось, что страна созрела, как девочка в песне Земфиры. Устав скучать под властью Леонида Даниловича, она рухнула в объятия политической групповухи Майдана.

А ведь все могло быть иначе. Представьте, что Кучма проявил чуть больше выдержки и не обратил внимания на то, что о нем писали в интернете, делавшем тогда в Украине первые шаги. Искра не попала бы в пороховой погреб. Мы имели бы сегодня абсолютно другую реальность. Причем непредставимую. В этой реальности, возможно, не было бы не только президента Януковича, но и президента Ющенко, и премьер-министра Тимошенко. Я не берусь предсказать, как сложилась бы судьба министра транспорта Кирпы, министра внутренних дел Кравченко, и мог ли бы занять место главы государства Сергей Тигипко, которого прочили в претенденты на пост № 1. Повторяю, предсказать это невозможно даже в фантастическом романе!

В историческую закономерность верят только узколобые болваны. Я предпочитаю верить в случай, в судьбу, в счастливый билет. И имею на это не меньше оснований, чем те, кто убеждены, что все в мире развивается «правильно» — по строго выверенным законам. Вот мои аргументы.

В декабре 1761 года прусский король Фридрих находился в крайне стесненных обстоятельствах. Он воевал против коалиции трех государств — России, Франции и Австрии. В его казне практически не осталось денег, а в его армии каждый солдат был на счету. Как безумный, Фридрих носился по внутренним операционным линиям между войсками своих врагов. Разбив австрийцев, ему нужно было срочно обращать оружие против французов, а потом против русских. Одни сражения он выигрывал, другие проигрывал, его столицу Берлин уже дважды брали кавалерийскими налетами враги, Восточную Пруссию надежно оккупировала армия императрицы Елизаветы Петровны, после поражения при Кунерсдорфе король написал: «Я несчастлив, что еще жив». Он постоянно носил с собой пузырек с ядом и ждал неминуемой кончины. И вдруг в полном расцвете сил умерла его главная противница — русская императрица Елизавета Петровна. Полная, сдобная, просто кровь с молоком!

И совсем не старая — ей едва исполнилось 52 года. А Фридриху было пятьдесят. Они были с Елизаветой почти ровесники. Жить бы обоим да жить, друг другу назло. Однако преждевременная кончина Елизаветы стала непредсказуемым счастьем для прусского короля. В России пришел к власти большой поклонник Фридриха — Петр III. Он сразу же вывел свою страну из войны. Коалиция врагов Пруссии рассыпалась. Австрия и Франция без поддержки русских штыков сразу же расхотели воевать. Фридрих не только уцелел, но еще и остался в истории с прозвищем Великий.

Если спросите, за что так повезло Фридриху, я отвечу: не знаю! Он был гомосексуалист, пролил море человеческой крови, тем не менее Бог его почему-то не наказал поражением. Но непредвиденное счастье, привалившее в казино истории Фридриху, сыграло злую шутку с его политическими наследниками. Они решили: раз наш знаменитый король уцелел, воюя на три фронта, мы можем смело воевать на два. И... продули две мировые войны, несмотря на то, что обладали лучшей в мире армией. Никакой закономерности в везении Фридриха не

было.

Броненосец «Цесаревич». В сражении в Желтом море его снаряд разорвался рядом с японским адмиралом Того. Но адмирал чудом остался жив, что предопределило успех японцев.

Больше оно никогда не повторилось. А ведь как ждали повторения! Когда в 1945 году неожиданно умер Рузвельт, в ставке Гитлера все воспрянули: вот она — помощь германских богов! Слава Вотану-громовержцу! Сейчас коалиция СССР, США и Великобритании рассыплется, и будет все, как в 1762 году, когда склеила ласты Елизавета Петровна!

Иногда судьбу истории решает всего один снаряд, попавший в нужное время и в нужное место. Так было в бою 28 июля 1904 года между японской и русской эскадрами в Желтом море. Это сегодня умники объясняют результат той войны глубокими историческими предпосылками. Владимир Ленин даже настроил по этому поводу в молодости целую статью о передовой азиатской Японии и отсталой России. В реальности корабли и Японии, и России по большей части были построены не дома, а на лучших европейских верфях. Японские — в Англии. Русские — во Франции и Германии. Несмотря на внезапное нападение японцев на Порт-Артур, закончилось оно... пшиком. Русский флот стоял на внешнем рейде, не ожидая атаки. Но японские миноносцы смогли повредить только два русских броненосца. После ремонта они успешно вернулись в строй. Потом погиб на mine броненосец «Петропавловск» с адмиралом Макаровым. А русские в отместку потопили два японских броненосца. Один из них назывался «Ясима». В переводе — «восемь островов». Восемь островов — это синоним слова «Япония». Так иносказательно японцы называют свою страну. Гибель «Ясимы», подорвавшегося на русской mine, произвела на суеверных японцев ошеломляющее впечатление. Утонул новейший грозный корабль, называвшийся «Япония». Было отчего прийти в уныние.

И вот 28 июля 1904 года русский и японский флоты встретились в генеральной битве. Командующий русской эскадрой контр-адмирал Виттефт блестяще руководил сражением. Изящными маневрами он не давал более быстроходному японскому флоту охватить голову русской эскадры. Флагманский броненосец японцев «Микаса» получал снаряд за снарядом.

Одна из его башен перестала стрелять. Ее заклинило от русских попаданий. И тут случилось чудо. Русский снаряд попал в мостик «Микаса», где открыто стоял адмирал Того. Но, изранив почти всех вокруг японского флагмана, не причинил ему вреда. Вслед за этим японский снаряд попал в мостик броненосца «Цесаревич», где так же открыто со штабом находился адмирал Витгефт. Почти все погибли. От Витгефта остался только кусок мяса. Управление эскадрой было расстроено. Не потеряв ни одного корабля, она вернулась в Порт-Артур.

Погибший. Адмирал Витгефт.

Уцелевший. Адмирал Того.

А если бы японский снаряд пролетел мимо? Или русский ударил на 20 сантиметров ближе к Того? Русская эскадра прорвалась бы во Владивосток. На соединение с ней с Балтики пришла бы еще одна эскадра. И обе они, взяв флот Того в клещи, сокрушили бы

Японию.

Альтернатива. Броненосец «Микаса» тонет в компьютерной игре.

Еще пример непредсказуемости из свежайшей истории. Режим Саакашвили в Грузии долгое время был самым любимым примером правильных реформ для украинских доморощенных «демократов». Все хвалили Михо, а Ющенко даже подпитывал его оружием. Стекланные полицейские участки, где не берут взятки, госорганы без коррупции, внешнеполитическая ориентация на НАТО... Чего еще грузинам было надо? Даже зарплату их чиновникам платили из западных фондов, а армию муштровали американские инструкторы. И вдруг в образцово-показательной постсоветской стране накануне выборов демонстрируют совершенно безобразные кадры пыток в местной, почему-то не до конца вестернизированной тюрьме, где заключенным загоняли, извините за подробности, веник в анальное отверстие. Саакашвили, как ты это мог допустить? И Грузия большинством голосов низлагает на выборах партию своего передового президента. Причем, впервые в своей истории, без буйства и перестрелок — строго по демократической процедуре. Вы это могли предсказать? Я — нет. И даже западные наставники Саакашвили вряд ли представляли себе, что веником из такого места сметут их человека, в которого СТОЛЬКО ВСЕГО вложено.

Саакашвили. Проиграл вопреки прогнозам.

Иванишвили. Выиграл благодаря... венуку.

Абсолютную непредсказуемость проявляла порой даже вяло жующая жвачку украинская история. Никто не ожидал восстания Богдана Хмельницкого. Даже он сам. За два года до этого взрыва будущий гетман мирно разводил пчел на пасеке своего хутора под Чигирином.

Единственное, чего он хотел, — спокойно встретить старость. Не получилось. Хутор отобрали, любимую женщину увели. Богдан неожиданно озверел. Откуда взялась у него нечеловеческая энергия — до сих пор никто не может сказать. Скромный сотник сбежал на Сечь и договорился с крымским ханом о поддержке.

Любой аналитик сказал бы, что у будущего гетмана был ноль шансов на успех. Шесть тысяч взбунтовавшихся реестровых казаков и кавалерийский отряд Тугайбея против Речи Посполитой — сильнейшего государства Восточной Европы, совсем недавно разбившего Россию под Смоленском. Все прежние казачьи восстания поляки подавляли максимум за год. Но в дело вмешался случай — умер польский король Владислав IV. В Польше начались выборы. Шляхетские партии встали друг против друга, забыв о казачьем восстании. А когда выборы закончились, под контролем Богдана уже была вся Малая Русь, кроме Львова, отказавшегося впустить гетманские войска, но заплатившего контрибуцию в миллион злотых.

Представьте, что Владислав IV прожил бы еще всего год. Польский государственный механизм работал бы в привычном режиме. Магнаты вместо того, чтобы сводить счеты между собой, объединились бы против казаков. Вместо величайшего в нашей истории гетмана был бы просто очередной бунтовщик со смешной алкогольной фамилией — где-то между Гуней и Острианицей. Да и вообще никакой украинской истории не было бы — иезуиты и шляхта полонизировали бы население Западной Руси. В качестве примера для подражания изучали бы Ярему Вишневецкого — сменившего православие на католицизм и европеизировавшегося до потери памяти.

По странной прихоти судьбы, отдельным людям и даже целым народам удавалось срывать джек-пот, словно обманув владельца казино. Идет большая игра. Вертится рулетка. Дамы и господа в смокингах и вечерних платьях. И вдруг появляется некто в телогрейке или шароварах и ставит на счастливую цифру. Что нужно делать после этого? Срочно снимать шаровары, переодеваться в приличную одежду и больше не полагаться на случай, а вкладывать выигрыш в надежный бизнес.

Так поступили потомки казаков Богдана Хмельницкого, став малороссийскими дворянами в имперских мундирах. В 1991 году Украина тоже вытасила счастливый билет. Но историческим опытом предков не воспользовалась. Распевая гимн: «Ще не вмерла...», нельзя достичь успеха. В клиническом случае не помогает даже чудо.

13 ноября 2012 г.

Жизнелюбие против самоубийства

Есть народы с «героическим» виктимным поведением. Наложить на себя руки для них приятно. А есть нации жизнелюбов, ценящие живых победителей.

В 2000-м году в моей жизни был очень тяжелый период. Я написал книгу, имевшую несчастье стать знаменитой. Но те, кому эта книга очень не понравилась, решили, что меня непременно нужно объявить пасквилянтом. Причем официально. Они организовали против меня кампанию травли и подали сразу полдюжины исков в суд. Несколько лет я жил между судами и прокуратурами. Сейчас об этом вспоминать смешно. Тоже мне «злключения»! В стране идет гражданская война. Сотнями гибнут люди. Что перед этим какие-то суды и прокуратуры...

Особенности национальных самоубийств.

Но тогда мне было не до смеха. Неопытной молодости все происходящее казалось неподъемной тяжестью. На меня накатывала самая черная меланхолия, какую только можно вообразить. И вот накануне одного из важнейших заседаний (на нем должны были вынести судебное решение), я зашел в гости к девушке, которой весьма симпатизировал. Девушка была прелестна, умна (хотя я, дурак, об этом совершенно не догадывался!) и тоже испытывала ко мне кое-какие человеческие чувства. Между нами произошло то, что обычно случается в такой ситуации между молодыми людьми. А потом вдруг она спросила: «Как ты будешь завтра воевать?» Я тут же выпалил: «До смерти!» И получил ответ, полностью поменявший мою жизнь: «Нужно не до смерти! Нужно до победы!»

Все, чему меня учили в школе, все те принципы самоубийственного героизма, на которых нас воспитывали, за секунду потеряли смысл. Гастелло, направляющий самолет на колонну врага, чтобы погибнуть, Матросов, закрывающий собой амбразуру, отчаянные вопли: «Погибаю, но не сдаюсь!» бесчисленных книжных матросов (думаю, в реальности они кричали что-то совершенно другое, матерное) потускнели в воображении и отошли на

другой план. Отныне я любил не смерть, а жизнь. Не холодную, никому не нужную знаменитость покойника, а теплую прижизненную популярность. Что толку, если тебя «оценят» после смерти? Другие наживутся на строительстве памятников тебе и издании твоих книг и дисков. «Дым славы ничего не стоит, если он не исходит от горшка с кашей», — стал повторять я придуманную собой формулу.

Вы скажете, что это цинично. На это я отвечу, что вас просто зомбировали. Уже в детстве. И не только вас. Большая часть человечества зомбирована хитрыми людьми, куда более циничными, чем я. Они умирать не желают ни при каких условиях. Но от вас требуют самопожертвования и смерти, чтобы их жизнь стала еще прекраснее и удивительнее.

Генерал Ноги дважды взял Порт-Артур. Но все равно зарезался из-за верности императору и потерянного знамени.

НАЦИЯ И СМЕРТЬ. Тут я сразу же задумался над особенностями национальной психологии. У каких народов больше героев-самоубийц, а какие, наоборот, отдают предпочтение победителям-жизнелюбам? Оказалось, что японцы, немцы, русские и украинцы обожают персонажей, добровольно наложивших на себя руки. Им свойственен культ смерти. А, к примеру, англичане, американцы, татары и евреи предпочитают живых победителей. Иногда смешных, но непременно живых и удачливых. У них героями становятся не жертвы несчастных случаев, а умные персонажи, буквально бронированные своим жизнелюбием — например, маленький хитрый Давид, убивший своей пращей гиганта Голиафа, или летчик Ахмет Хан Султан — один из лучших советских асов.

А в средневековой Японии добровольное вспарывание живота было возведено в культ. Часто самураи делали сеппуку (то, что мы обычно называем харакири) даже в случае смерти своего господина. Страна была бедная. Ресурсов мало. Шансов вписаться в другую «банду» немного. Вспорол себе брюхо на могиле своего безвременно усопшего князюшки и одним махом решил все проблемы. Ни искать новую работу, ни требовать пенсию и социальные гарантии не надо.

Этот смертолюбивый японский обычай оказался невероятно живуч. Количество добровольных самоубийц в истории Страны восходящего солнца просто зашкаливает. Там их, извините за грубость, как собак зарезавшихся! Да и совсем недавно было в избытке. Генерал Ноги, дважды бравший Порт-Артур (сначала — у китайцев, а потом — у русских), покончил самоубийством в не таком уж далеком 1912 году сразу же после кончины своего любимого императора Муцухито. Всю жизнь Ноги преследовал стыд за то, что в молодости во время подавления самурайского восстания он потерял знамя своего 14-го полка. Никакие последующие победы не излечили его от стыда. Точку в своей жизни генерал все равно поставил направленным в собственный живот мечем. Посмотрите на его фотографию. Этому дедушке-ветерану в красивой форме при погонах всего шестьдесят два года. Еще жить бы и жить. А он ножиком чик себе, и в историю к братьям-самураям!

Писатель Юкио Мисима. Всю жизнь хотел быть настоящим самураем. Совершил

харакири в 1970 году.

Знаменитый писатель Юкио Мисима совершил сеппуку уже при моей жизни — в 1970 году. Расстроился, что нация не поддержала его мятеж против тогдашнего порядка — весьма обывательского, на его взгляд, — и отправился туда, куда Солнце заходит. Мисиму можно считать последней японской жертвой Второй мировой войны. Хотя она закончилась за двадцать пять лет до его добровольной смерти. Кумиром писателя в юности был литературный критик и лейтенант японской армии Дзэмэй Хасуда, застрелившийся в 1945 году. Тогда, после поражения в войне, японскую армию буквально захлестнуло цунами самоубийств. Генералы и офицеры резали себе животы сотнями!

САМОУБИЙСТВО ПО-НЕМЕЦКИ. Такой же финал устроили и влюбленные в смерть германские нацисты. Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс, фельдмаршал Модель... Имена этих самоубийц слишком хорошо известны читателям, чтобы останавливаться на них подробнее. Они уходили из жизни в одиночку. Вместе с любовницами и собаками. И даже вместе с детьми, как Геббельс и его жена. Геринг отравился, когда уже был приговорен к повешению. Казалось бы, куда спешить? Однако он предпочел свести счеты с жизнью лично. Откуда у них такая тяга к смерти?

В основе нацизма лежат древние языческие культы германцев, умноженные на зависть к «богоизбранному» народу. Германское язычество пронизано тягой к смерти. Главное место в нем занимает Рагнарек — финальная Битва Богов, в которой все гибнут. Весь германский Олимп (он у них называется Асгард) складывает в ней свои головы. Все боги поголовно — и одноглазый Один, и Тор со своим молотом, и хитрый Локи. Вместе со всем Мирозданием, которое сжигает огонь. Древний миф сыграл злую шутку с немцами. Две проигранные мировые войны тому доказательство. Влюбишься в смерть — страсть, наверняка, окажется взаимной. Упаси вас Бог от такой «любви»!

Еще большее открытие ждало меня, когда я кинул взор на русскую литературу. Тут, что ни имя, то явный или скрытый самоубийца! Повесился Есенин. Пустил себе пулю в висок Маяковский. Затянула петлю на шее Марина Цветаева. Принял смертельную дозу снотворного талантливейший литературовед Юрий Карабчиевский, практически повторив судьбу Маяковского, разоблачительную книгу о котором написал, — только выбрал яд вместо пули. Выбросилась из окна всего в двадцать восемь лет поэтесса Ника Турбина. Это были самоубийцы явные.

А ведь хватало еще и СКРЫТЫХ. Причем среди самых известных. Практически уморил себя голодом Гоголь. Подставлялись под пули на дуэлях раз за разом Пушкин и Лермонтов. Специалисты насчитали в пушкинской биографии ДВАДЦАТЬ ОДНУ (!) дуэльную историю за тридцать семь лет жизни. Ну, мог ли этот задиристый человек не погибнуть? Просто чудо, что он вообще дожил до выстрела Дантеса!

РУССКАЯ РУЛЕТКА. Фактически повторил судьбу своего кумира Лермонтов, литературная слава которого началась с произведения с пророческим названием — «Смерть поэта». Только хороший стрелок попался автору «Героя нашего времени» почти сразу — он не дожил даже до двадцати семи лет. А ведь можно было и не «троллить» Мартынова. Не подшучивать над ним. И тем более не провоцировать фразой: «Так ты что, меня вызываешь?» в ответ на: «Я прошу вас больше не шутить». Хлопнул бы по плечу, извинился

примирительно — всех делов! Ведь оба знали друг друга с юнкерского училища. Нет, напросился Мишель на пулю! Буквально сам нашел ее!

Точно так же скрытым самоубийством была смерть в Персии Грибоедова. В молодости он служил в гусарах. Участвовал в знаменитой «четверной дуэли» — будущий декабрист Якубович точным выстрелом повредил поэту (и что менее известно — композитору) руку, чтобы тот больше не играл на фортепиано. А в Персии нарушил харам — один из важнейших запретов. Приютил у себя барышню-армянку, сбежавшую к нему из гарема. Играл с огнем — доигрался. Взбесившаяся толпа мусульман разгромила дипломатическую миссию. Вместе с Грибоедовым погибла куча людей, за жизнь которых как посол он отвечал. Принято восхищаться рыцарственностью Грибоедова — женщину пожалел. А ведь фактически вместе с собой он «подставил» ни в чем не виноватых сослуживцев и казаков конвоя.

Думается, и девушка сбежала к Грибоедову неслучайно. Завязка разгрома посольства в Тегеране точь-в-точь повторяла причину «четверной дуэли» в Петербурге.

Тогда на квартиру к другу Грибоедов увез популярнейшую в кругах ценителей хореографии и женского тела балерину Истомину — Волочкову того времени. Там они и прожили душа в душу целых два дня, ясно, чем занимаясь. Любовник Истоминой кавалергардский офицер граф Шереметьев тут же вызвал друга неосторожного двадцатидвухлетнего стихотворца на поединок. А приятель Шереметьева корнет гвардейского уланского полка Якубович — самого Грибоедова. Результат — убитый Шереметьев и простреленная кисть левой руки Грибоедова — по этой метке опознают его труп в Тегеране.

Просматривая этот скорбный перечень, я просто схватился за голову. Что за «инфекция» всех их косила? А ведь есть еще Высоцкий, износивший себя до срока алкоголем и наркотиками. Отравившийся от избытка человеколюбия Радищев. Мало кому известный «двойник» Тараса Шевченко Александр Полежаев — поэт, разжалованный при Николае I из студентов в солдаты за порнографическую поэму и погибший от пьянства.

Может, это профессия литератора тому виной? Но почему дожил до пятидесяти шести лет поэт Данте, что отнюдь не плохо для его чумного XIV века? Если бы не малярия, которую он подцепил, жил бы и дальше. Почему до пятидесяти двух дотянул работоголик Шекспир — и поэт, и драматург? Почему мы знаем множество примеров писателей-долгожителей — Льва Толстого, Бернарда Шоу, Шолохова, Солженицина, Ивана Бунина, Сергея Михалкова?

Тут должно быть другое объяснение. Стал я присматриваться и к украинской литературе, которая в случае того же Шевченко, неотделима от русской. Тарас Григорьевич практически убил себя до срока горячительными напитками. В год смерти ему всего сорок семь, а выглядит древним стариком. Ни семьи, ни детей. Только горькое ощущение своей ненужности и одиночества.

Повесился на яблоне Николай Михновский — автор «Самостийной Украины».

Василий Стус раз за разом подставлял себя под неприятности, загоняя в тюрьму. Умер в сорок семь лет после объявленной голодовки в карцере. Думал ли, что его смерть все равно используют те, кого он критиковал и ненавидел? Что бывшие советские поэты-приспособленцы станут такими же приспособленцами уже при независимости? И что смерть его ляжет камушком в установление бесчеловечного олигархического режима, развязавшего сегодня гражданскую войну в Украине?

Военачальник Тамэтомо из рода Минамото ввел в 1170 году моду на харакири в Японии. С тех пор и режутся...

Небесная сотня и герои Крут — украинские аналоги советского мифа о панфиловцах и Матросовых. Мертвые герои. Почему не живые? Да ведь с живыми хлопотно! Живые просят место под солнцем и свою часть пирога. А мертвые — выгоднее всех. Они на пенсионный фонд не дают!

Обратите внимание — практически никто из украинских «можновладцев» не послал своих детей воевать в зону АТО. И сами их отпрыски добровольцами туда не идут. А зачем? Ведь жизнь сладкая, как конфеты нового президента! Лучше искусственно поддерживать тягу к скрытому самоубийству у малых мира сего. Она всегда выгодна тем, кто наверху.

Я буквально содрогнулся как-то, увидев по телевизору лозунг: «Він вже помер за Україну. А ти?» Это было несколько лет назад — еще до всех Евромайданов и Небесных сотен. В репортаже о митинге в честь человека, который сжег себя на могиле Шевченко в советские времена, протестуя против утеснений украинского языка.

ОПЬЯНЕНИЕ СМЕРТЬЮ. Откуда в русских и украинцах такая тяга к скрытому самоубийству? И те, и другие любят алкоголь. Любят и поспорить, кто больше пьет. Во всех языческих ритуалах опьянение играло важнейшую роль. Девушку, которую убивали, чтобы положить вместе с усопшим господином, в языческие времена предварительно подпаивали. И сами пили, словно подсознательно чувствуя, что делают что-то нехорошее. Пьют на войне, потому что страшно. Пьют, чтобы забыться, уйти от проблем.

Опьянение — это уже маленькая смерть. Отключение сознания. Остановка мыслительного процесса. Нарушение логики. Бессвязные речи потерявшего рассудок человека. В этой архаике и есть разгадка тайны скрытой тяги к смерти. Древний человек постоянно был готов, что его принесут в жертву во имя поддержания плодородия или чистоты воды — ради общественного блага, так сказать. А если жребий проносило мимо, и убивали кого-то другого из племени, становился соучастником коллективного убийства. Молчаливо одобрял это действие. Пил вместе со всеми. Но чувство подсознательной вины перед жертвой все равно не покидало его. Старые грехи некрещеных пращуров выскакивают в самый неожиданный момент. И вновь приносятся жертвы Перуну и Ваалу. Добровольные и подневольные. Мы даже не осознаем все это темное наследие, движущее нашими поступками.

Харакири ведь тоже когда-то кто-то придумал. Известно даже имя его изобретателя. Некий предводитель самурайской банды Тамэтомо из рода Минамото в 1170 году вспорол себе живот, не желая сдаваться в плен воинам из рода Тайра. С этого примера все и началось. Если бы он сдался, история Японии пошла совершенно другим путем.

Цепь самоистребительных сценариев можно прервать. Японские солдаты уже хохотали, когда Мисима ровно через восемьсот лет после Тамэтомо убивал себя самурайским мечем. Он выбрал красивую смерть. Они — еще более красивую жизнь. Пусть и незначительную.

Христианство наделило нас свободой выбора. Вместо буйного языческого пьянства оно оставило всего лишь ложечку вина во время причастия. Ему не нужны человеческой жертвы. Первородный грех искуплен распятым, но воскресшим Христом. Мы сами ответственны за свои поступки. Можно выбрать путь темный — к смерти. Можно светлый — к жизни.

Нет предопределения. Когда-то Шевченко написал: «Погибнеш, згинеш, Україно, не стане сліду на землі... Но я повторяю слова другого украинского классика. Советской эпохи. Павла Тычины. Из советского же украинского гимна: «Живи, Україно, прекрасна і сильна».

Я только слегка переделал его слова. Имею право. Ведь слова Тычины тоже переделывал в 1978 году Микола Бажан, убирая упоминание о Сталине.

Живи, Україно,
прекрасна і сильна,
У братнім Союзі
ти щастя знайшла.
Між рівними рівна,
між вільними вільна,
Під сонцем свободи,
як цвіт, розцвіла.

В каком Союзе? Да посмотрим еще. Ведь ничего не кончилось. Все только начинается.

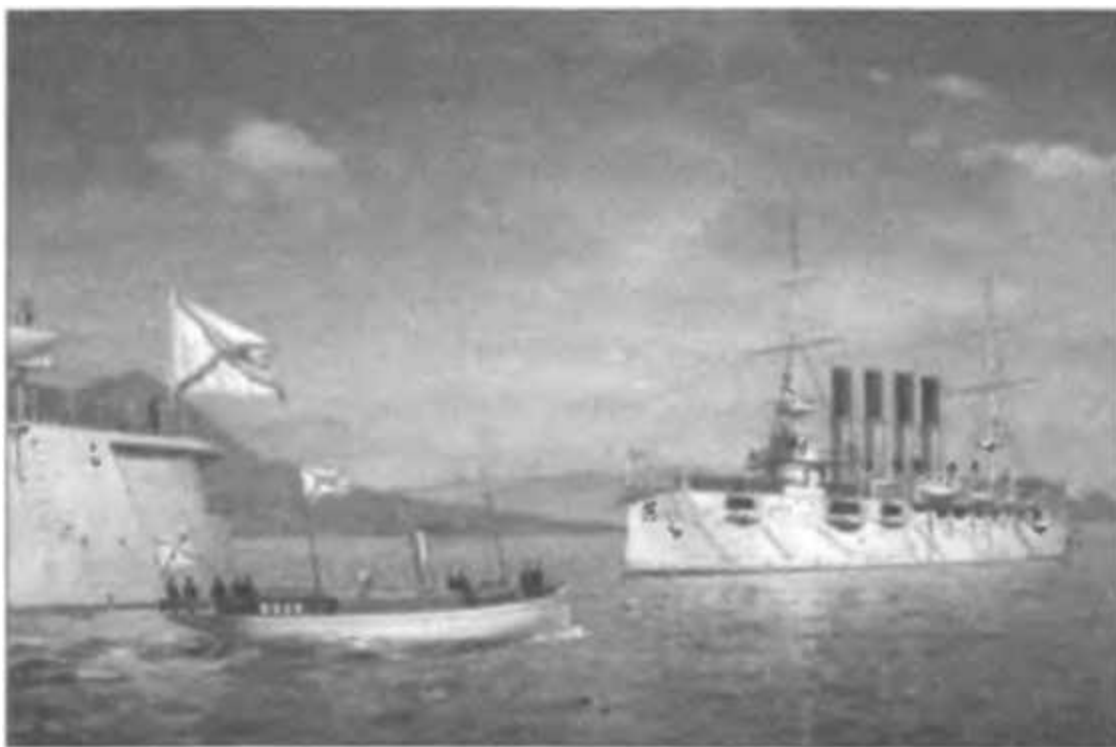
Не умирайте раньше времени.

12 июля 2014 г.

Крейсер «Варяг» — рецепт прорыва

Под вывеской подвига часто скрывается разгильдяйство и военная некомпетентность. Решение действовать по шаблону породило героический миф, но убило корабль.

История крейсера «Варяг» — миф, переживший целое столетие. Думаю, не одно столетие он еще переживет. Немногим боям XX века, богатого двумя мировыми войнами, выпала такая честь. Воевали, кровь проливали, а помнится вот это — одинокий корабль, идущий на бой с целой эскадрой, гордо реющий Андреевский флаг, вечные слова песни: «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступает!»

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Команды русских кораблей той эпохи интернациональны. В кают-компании — множество немецких фамилий. Старшим штурманским офицером «Варяга» был лейтенант Беренс. Старшим минным офицером — лейтенант Роберт Берлинг. Мичманы Шиллинг, Эйлер и Балк — тоже варяговцы. Буквально на первых минутах боя японский снаряд разорвал на куски мичмана Алексея Нирода — от двадцатидвухлетнего графа осталась только кисть руки с кольцом на пальце.

КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ ОФИЦЕР «ВАРЯГА» — НЕМЕЦ. Читая этот список, можно подумать, что речь идет о каком-нибудь германском или британском корабле. Но российский флот начинался при Петре Первом с приглашенных на службу иностранных специалистов. Многие из них обрусели, как в незапамятные времена варяги, давшие название крейсеру. Основали офицерские династии. Так и служили империи на морях из поколения в поколение. С европейскими фамилиями и русскими отчествами, как у того же Берлинга Роберта Ивановича.

К тому же после присоединения Прибалтики (Лифляндии, Эстляндии и Курляндии) в первой половине XVIII столетия в состав российского дворянства вошло вместе с тощими

поместьями многочисленное «остзейское» дворянство. «Ост зее» (Восточное озеро) по-немецки — Балтийское море. Все эти бедные, но благородные роды, вроде знаменитых Врангелей, не мучились лишними сомнениями. Служили шведам до Карла XII. Пришли русские — стали служить им. Впрочем, Романовы не лезли в культурную политику этой категории своих подданных. На каком языке в Риге и Ревеле (ныне — Таллинн) они говорят, какую веру исповедуют — неважно. Лишь бы служили. А служили безденежные немцы действительно хорошо. Такой уж у них был менталитет. Вот и получилось, что РОВНО ТРЕТЬ офицеров-варяговцев, участвовавших в бою, по национальности являлись немцами. Шесть из восемнадцати!

«АУФ ДЕК, КАМЕРАДЕН!» Да и песню, ставшую знаменитым военным гимном, сочинил самый настоящий немец! Природный и чистокровный. Поэт Рудольф Грейнци — подданный германского кайзера Вильгельма. В том же 1904-м. Буквально по горячим следам. И по-немецки, естественно. В оригинале начало звучит так: «Ауф дек, камераден!» («На палубу, товарищи!»). То, что мы знаем в русском переводе, как: «Наверх вы, товарищи!»

Едва отгремели залпы боя у Чемульпо и мировые информагентства разнесли по газетам всех стран сообщение о героическом поединке «Варяга» с кораблями микадо, Грейнци в восторге бросился за письменный стол. Его распирало сочувствие. Мужская солидарность. В войне с японцами Германия была однозначно на стороне России. Поэтому Грейнци и писал, буквально сливаясь с командой погибшего корабля в местоимении «мы»:

Из пристани верной мы в битву идем,
Навстречу грозящей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти!

«Желтолицые черти» меня всегда умиляли. Говорят, из песни слов не выкинешь. Неправда. Эти выкинули. Как «неполиткорректные». Привязка к конкретной войне со временем исчезла. А ведь «Варяг» пели на многих войнах. И не только русские. К примеру, те же немцы, поступавшие после проигранной уже Второй мировой во Французский Иностраннный легион, лихо горланили его во Вьетнаме. Напомню, что до американцев, еще в 50-е в этой стране «желтолицых чертей» (прошу редакторов не вычеркивать!) успели повоевать французы.

ЛОБОДА СРЕДИ ЭЙЛЕРОВ. В общем, причудлива судьба военных песен. Тот же автор «Варяга» Рудольф Грейнци дожил, между прочим, до 1942 года. Интересно, что чувствовал он, когда немецкие танки шли на Сталинград? Что пела тогда его душа? Вряд ли когда-нибудь узнаем.

Но, возвращаясь к офицерам «Варяга», находим среди них и своего земляка — мичмана Александра Лободу. Во время боя ему было всего девятнадцать. Назначение на крейсер он получил ровно за три месяца до прославленного сражения. В Гражданскую войну будет драться против красных на бронепоезде «Адмирал Колчак». Расстрелян в 1920 году в Холмогорах.

Лейтенант Зарубаев с «Варяга» погиб в Петроградском ЧК в 1921 году вместе с поэтом Николаем Гумилевым.

Разведет история героев боя в Чемульпо. Лейтенанта Сергея Зарубаева (вот уж лихая фамилия!) расстреляет ЧК в Петрограде в 1921 году — по тому же Таганцевскому делу, что и поэта Николая Гумилева. Капитан II ранга Степанов (старший офицер крейсера) эмигрирует в Югославию после победы Октябрьской революции, которая для него оказалась не победой, а поражением. Тяжким и непереносимым. Мичман Шиллинг умрет в независимой уже Эстонии (бывшей Эстляндии) в 1933 году. Эйлер скончается в Париже в 1943-м. А лейтенант Евгений Беренс умудрится стать одним из первых начальников Морских Сил Советской Республики (я же говорил — немцы могут служить, кому угодно!) и умрет в Москве в 1928-м. Не судите никого из них строго. Страсти, раздиравшие души в начале прошлого века, остыли, сменившись новыми переживаниями. Да, и наши тоже остынут. Потомки точно так же, как мы сегодня, будут с недоумением взирать на нас, задаваясь вопросом: отчего же ОНИ так кипятились? Стоило ли? А память о «Варяге» и песня все равно останутся.

ВЧИСТУЮ ПРОИГРАННЫЙ БОЙ. С детства, с того, самого момента, как, сидя рядом с отцом у телевизора, смотрел я черно-белый художественный фильм «Крейсер «Варяг»», мучил меня вопрос: мог ли он прорваться? Было ли хоть одно решение, которое принесло бы кораблю не только славу, но и победу — свободное море впереди, тающие за кормой очертания японской эскадры и продолжение боевой биографии?

Бой «Варяга» с японцами 27 января 1904 г. (по ст. ст.) продолжался чуть меньше часа. Ровно в 11:45 броненосный крейсер «Асама» открыл огонь по русскому кораблю, вышедшему в открытое море. А в 12:45, согласно записям в вахтенном журнале, «Варяг» и сопровождавшая его устаревшая канонерская лодка «Кореец» уже вернулись в гавань Чемульпо. Крейсер тащился с явным креном на левый борт. В борту его имелось восемь пробоин. По другим данным, одиннадцать. Потери — 1 убитый офицер и 30 матросов, 6

офицеров и 85 матросов ранеными и контужеными. Еще около ста получили легкие ранения. Это из 570 человек экипажа. Ранение получил и командир корабля капитан I ранга Всеволод Руднев.

ПАМЯТИ „ВАРЯГА“.
Стихотворение Рудольфа Грейца.

<p>Auf Deck. Kameraden, all' auf Deck! Heraus zur letzten Parade! Der stolze „Waryag“ ergibt sich nicht, Wir brauchen keine Gnade!</p> <p>An den Masten die bunten Wimpel empor, Die klirrenden Anker gelichtet, In stürmischer Eil' zum Gefechte klar Die blanken Geschütze gerichtet!</p> <p>Aus dem sichern Hafen hinaus in die See, Fürs Vaterland zu sterben — Dort lauern die gelben Teufel auf uns Und speien Tod und Verderben!</p> <p>Es droht und kracht und donnert und zischt, Du triffst es nur zur Stelle; Es ward der „Waryag“, das treue Schiff, Zu einer brennenden Hölle!</p> <p>Rings zuckende Leiber und grauser Tod, Ein Aechzen, Röcheln und Stöhnen — Die Flammen häßlich um unser Schiff Wie feuriger Rosse Mahnen!</p> <p>Lebt wohl, Kameraden, lebt wohl, hurra! Hinauf in die gutgelindte Tiefe! Wer hatte es gestern noch gedacht, Dass er heut' schon da drinten schlief!</p> <p>Kein Zeichen, kein Kreuz wird, wo wir ruh'n Fern von der Heimat, melden — Doch das Meer das rauschet auf ewig von uns, Vom „Waryag“ und seinen Helden!</p>	<p>Наверх, о товарища, всё по штатам! Последний парад наступает! Врагу не сдастся вамъ гордый «Варягъ», Щады никто не жалеет!</p> <p>Всё вымпелы вьются и цѣпъ гремятъ, Наверхъ якоря поднимая, Готовятся къ бою орудій ряды, На солидъ аловѣще сверкая.</p> <p>Изъ пристани вѣрой на въ битву идемъ, Навстрѣчу грозной намъ смерти, Эт родину въ шоръ открытою уаремъ. Гдѣ ждутъ желтолицыя черти!</p> <p>Свиститъ и гремитъ в грохочемъ крутомъ, Громъ пушекъ, шипенье саргиды, — И стальъ вашъ безстрашный киль вѣрный Подобился кровяному аду! («Варягъ»)</p> <p>И, предсмертныхъ мученьяхъ трепещуть Вдругъ грохотъ и дымъ и стесанья, [тѣла, И судно охвачено моремъ огня, — Настала минута прощанья.</p> <p>Прощайте, товарищи! Съ Богомъ, ура! Въ яслящемъ море подъ нами! Не думали мы еще съ вами вчера, Что нынче уснемъ подъ волнами!</p> <p>Не скажутъ ни камень, ни крестъ, гдѣ лежалъ Во славу ны русскаго флага, Лишь волны морскія прославятъ во вѣкъ Грохотную гибель «Варяга»!</p>
<p>Rudolf Greiz.</p>	<p>Е. М. Студенова.</p>

* В «Луге» напечатано прекрасное стихотворение Рудольфа Грейца, посвященное славному памяти нашего крейсера «Варяг», героически погибшего въ бою при Чемульпо съ японской эскадрой. Приводимъ это стихотворение въ подлинникѣ и въ русской передачѣ его стихами.

Ped

Песня о «Варяге». Немецкий оригинал и русский перевод.

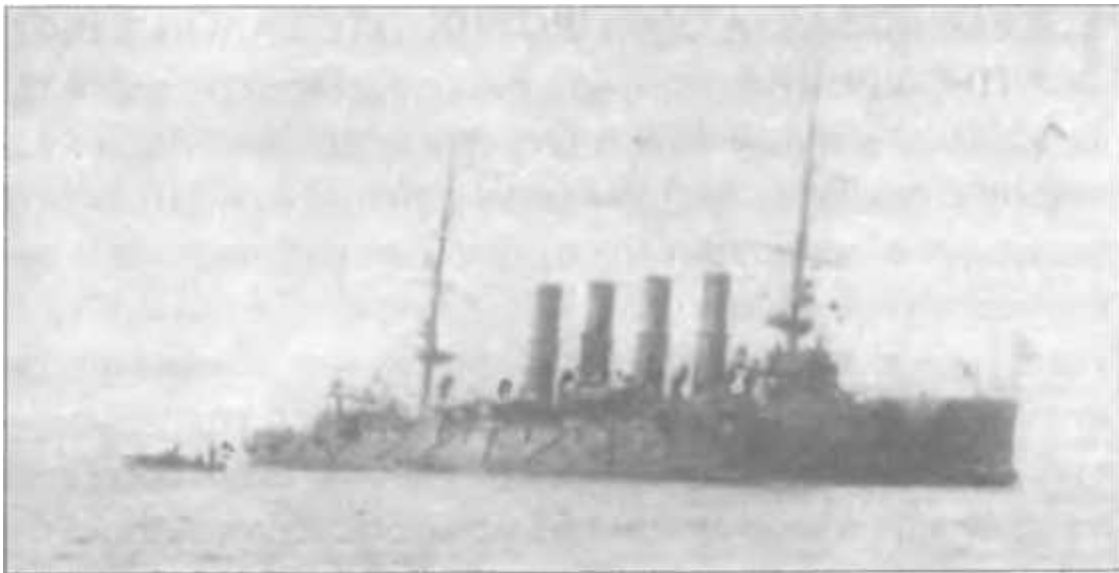
Офицеры «Варяга». Присмотреться — ничего героического...

Фактически все, кто находился на верхней палубе у орудий, были ранены или убиты. О продолжении боя не могло быть и речи.

В тот же день Руднев принял решение о затоплении «Варяга» и взрыве «Корейца». С военной точки зрения — полное поражение. Впрочем, иначе даже не могло быть. На протяжении всего боя «Кореец» сделал только несколько выстрелов по японским миноносцам. Достать крейсера противника устаревшая посуда не могла. Ее орудия стреляли дымным порохом на небольшое расстояние. Боевым значением корабль не обладал вообще.

БЕГУН ПРОТИВ БОЙЦА. В отличие от «Корейца», построенный в США бронепалубный крейсер «Варяг» был новым боевым кораблем с двенадцатью шестидюймовыми орудиями. Однако все они были установлены открыто на палубе и не имели даже противоосколочных щитов. Единственным козырем, корабля являлась высокая скорость. На испытаниях в Америке он показал 24 узла. «Варяг» был быстрее любого корабля японской эскадры. Однако старый тихоход «Кореец», едва развивавший 12 узлов, связывал его по рукам и ногам.

Чтобы справиться с «Варягом», хватало всего одного корабля японцев — броненосного крейсера «Асама», на котором держал флаг контр-адмирал Уриу. Этот корабль британской постройки, кроме 14 шестидюймовых орудий, обладал еще и четырьмя восьмидюймовыми в башнях. Не только палубу, как у «Варяга», но и борта его надежно прикрывала броня. Иными словами, «Варяг» был «бегун», а «Асама» — «боец». «Варяг» предназначался для разведки и рейдерства — охоты за беззащитными транспортом. «Асама» — для эскадренного сражения. А ведь, кроме мощнейшей «Асамы», у японцев при Чемульпо имелись небольшой броненосный крейсер «Чиода», четыре бронепалубных крейсера (из них три новых), посыльное судно и стайка миноносцев в количестве восьми штук. Полное численное превосходство. Целая свора охотников загоняла «дичь»!

После боя. Отчетливо виден крен на левый борт подбитого крейсера.

Как поется в другой, несколько менее известной песне («Плещут холодные волны»): «Мы пред врагом не спустили славный Андреевский флаг, сами взорвали «Кореец», нами потоплен «Варяг»!» Звучит, согласитесь, даже несколько издевательски — сами себя взорвали и потопили, чтобы то, что уцелело, не попало в руки врагу. А это, как по мне, слабое утешение. Учитывая, что «Варяг» японцы потом все равно подняли.

Ни в коем случае не хочу упрекнуть экипаж крейсера и его командира в недостатке личного мужества. Его-то было проявлено даже в избытке! Недаром, кроме русского ордена св. Георгия IV степени, Руднев в 1907 г., уже по окончании войны, наградила еще и Япония. Он получил от микадо орден Восходящего Солнца в знак признания неопровержимой отваги.

Кавалер ордена Восходящего Солнца капитан Руднев. Японцы, получив «Варяг», оценили подвиг его командира.

ПЕРЕДОВАЯ АЗИЯ ПРОТИВ ОТСТАЛОЙ ЕВРОПЫ. Но любой бой — это еще и математическая задача. Имея пистолет, не стоит связываться с целой толпой противников, вооруженных винтовками. Но если у вас длинные и быстрые ноги, лучше не связываться и попытаться уйти. А вот уйти «Варяг» с его 24 узлами против 21-го у «Асамы» действительно мог! Тащилась бы вся эта до зубов вооруженная кавалькада в «бронезилетах» за ним и только потом обливалась бы. Но достать ни из 8-ми, ни из 6-дюймовок не могла. Правда, для этого нужно было предварительно самим уничтожить «Кореец». Но ведь его и так потом взорвали!

Существует версия, что из-за ошибок в эксплуатации русские моряки за предыдущие три года якобы заporоли паровую машину «Варяга». Держать свою рекордную скорость долго он не мог. Тут мне остается только руками развести. Японцы, поднявшие после боя крейсер, перебрали его машину и добились весьма приличной скорости в 22 узла! «Желтолицые черти»? А, может, просто усердные, аккуратные люди, вроде нынешних китайцев, показавшие чванливым европейцам, что могут на самом деле «отсталые» азиаты? Ну, как и те же русские демонстрировали в свое время под Полтавой Европе способность быстро обучаться всем европейским премудростям. В общем, недаром Ленин о русско-японской войне статью написал — о ПЕРЕДОВОЙ Азии и ОТСТАЛОЙ Европе. Так НА ТОТ момент и было!

НЕБРОСКОЕ, НО ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ. Так и видится мне отрадная картина. Ранним утром 27 января 1904 года безо всяких оркестров и исполнения гимнов при прохождении мимо застывших на рейде иностранных кораблей, где несут они почетную службу стационаров, выскальзывает из гавани узкий длинный корабль в боевой оливковой раскраске и летит, что было сил, мимо ошалевших японцев в Порт-Артур. И на нем — мичман Нирод (уцелевший!) и мичман Лобода, которого никто не расстреляет в 1920-м. И все 570 матросов и офицеров, вплоть до вольнонаемного ресторатора Плахотина и матроса 2-й статьи Михаила Авраменко, с которого начинается список погибших, и матросов Карла Спруге и Николая Нагле (явно — эстонцев!), ближе к концу этого скорбного перечня покоящихся!

Своих в Порт-Артуре предупредили бы о готовящемся нападении. Война бы иначе сложилась. А на рейде в это время взрывается «Кореец» и команда его переходит на иностранные корабли — единственное возможное решение, чтобы снять путы с быстрых ног «Варяга».

Всем своим критикам приведу два примера из истории той же войны. 1 августа 1904 года три русских крейсера столкнулись с более мощной японской эскадрой в Корейском проливе. Устаревший крейсер «Рюрик» был подбит и стал терять ход. Но адмирал Карл Иессен отбросил сантименты и принял решение уходить во Владивосток. «Рюрик» погиб. «Россия» и «Громобой» спаслись. Никто не упрекнул Иессена в правильности решения. Оно было единственно верным. По документам, японские крейсера были быстрее русских. Однако на практике ни «Россию», ни «Громобой» в тот день они не догнали. Уголь стал кончатся. А возвращаться в Японию было далеко.

И крейсер «Изумруд» после Цусимского сражения бросился наутек, вместо того, чтобы сдаться, и ни один «желтолицый черт» его не догнал. Сам, правда, сел через несколько дней на камни под Владивостоком. Но зато позора плена ИЗБЕЖАЛ в изначальном смысле этого слова.

В общем, если ты бегун, БЕГИ! И не связывайся с дуболомами. Героем не станешь. Но жить будешь. Лучше петь песни, чем знать, что про тебя их споют другие.

19 июля 2014 г.

Золотой выстрел, или Забытый подвиг адмирала Эбергарда

Всего два точных попадания с броненосца «Евстафий» привели к поражению германского флота у мыса Сарыч в 1914 году. В этом бою героически сражались наши с вами земляки.

Именем адмирала Эбергарда никогда не назовут корабль или морское училище. О нем не будут рассказывать в школах. Ни в российских. Ни в украинских. Его не будут ставить в пример подрастающему поколению. И даже эта статья только рассеет на краткий миг мрак забвения вокруг его славного имени. А потом тьма истории снова стуситися. И потонут в ней густые вице-адмиральские эполеты с черными орлами. И перехваченный золотым поясом стройный стан с якорем на овальной бляхе. И сухощавое, твердое, обрамленное бородой морского волка, лицо.

Броненосец «Евстафий» в Севастополе. Флагман вице-адмирала Эбергарда оказался самым результативным русским кораблем во время Первой мировой войны.

Хотя под началом его сто лет назад на Черноморском флоте служили предки нынешних российских и украинских мальчишек. И успехов он добился куда больших, чем, скажем, горячий энтузиаст адмирал Макаров, забывший отдать приказ протралить внешний рейд в Порт-Артуре (какая оплошность, ваше превосходительство!) и подорвавшийся на mine вместе с броненосцем «Петропавловск». Но Макарова знают, а Эбергарда нет. Почему?

Да разве такое имя должно быть у русского адмирала? Ушаков, Нахимов, Корнилов — вот правильные адмиральские фамилии. Типично русские. Стопроцентно славянские. С правильным окончанием на «ов». А тут какой-то подозрительный Андрей Августович Эбергард. То ли швед, то ли немец. С такой фамилией пристало бы командовать Хохзеефлотте Его Величества кайзера Вильгельма, но никак не морскими силами Черного моря императора Николая II.

Потому не нашлось места в военных святцах для Эбергарда ни в сталинскую эпоху, когда

стали перетряхивать дореволюционную военную славу, ни тем более сегодня. Не вписался. Как говорится, неформат.

Но я больше всего ценю в истории купюры и лакуны, провалы и прочерки, замалчивания и вычеркивания. И пятна — белые и черные. Эбергард, на мой взгляд, — блистательное пятно. История о «золотом выстреле» — попадании прямо в цель с первого раза в нужное время в нужный момент.

Я до сих пор влюблен в его эскадру. В тяжелые грузные броненосцы, похожие друг на друга, как близнецы.

В флагманского «Евстафия». И однотипного с ним «Иоанна Златоуста» — единственного в русском военном флоте корабля, названного именем писателя. Пусть и церковного. И в «Святого Пантелеймона», как переименовали после безобразного матросского бунта в 1905 г. броненосец «Потемкин». И в тяжелый утюг с гордым именем «Три Святителя». И в легкого «Ростислава» с 10-дюймовыми орудиями в башнях главного калибра вместо привычных 12-дюймовок.

Лучший русский адмирал Первой мировой исчез из истории, потому что по происхождению был немцем.

Корабли Черноморского флота не даром носили такие имена. На суше — православное воинство. А на море — православный флот. Главный противник — Турция. Цель — Константинополь. А потому даже корабли должны были напоминать экипажам о возложенной на них задаче. Со времен Екатерины Великой империя грезилась проливами и восстановлением христианской Византии на месте пришедшей из азиатских степей Турции.

А потому один броненосец назовем «Иоанном Златоустом» — именем знаменитого константинопольского проповедника IV в. после Рождества Христова. А другой — «Тремя Святителями». Все трое — ранние христианские святые родом из Каппадокии. Так называемые «великие каппадокийцы», оточившие церковный догмат Святой Троицы и установившие правила монашеской жизни. Каппадокия — это тоже теперь в Турции. Да и Святой Пантелеймон — родом из Малой Азии. В городе Никомедия родился он — в том самом, что ныне, после уничтожения в нем турками-османами греческого населения, называется Измит. Когда римский император-язычник Максимиан приказал отсечь

Пантелеймону голову, у того, по сказанию, вместо крови потекло молоко, а тело, брошенное в костер, не сгорело. В это я, скажу прямо, не верю. Но, повторюсь, имена святых, присвоенные кораблям Черноморского флота, должны были подчеркнуть важность возложенной на них задачи — вернуть земли Византии, уничтоженной басурманами, под православный крест. Русь стремилась отвоевать отчизну своей души — страну, откуда пришло к ней христианство. А если отбросить мистику и вернуться к целям сугубо практическим, то пробиться к Босфору и Дарданеллам и выйти в вечно теплое Средиземное море.

Для этого и обновлялись старые верфи в Николаеве и Севастополе, а рядом с ними строились новые. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк выкупил в 1912 году акции бельгийской фирмы «Наваль», которой принадлежал судостроительный завод в Николаеве. А годом ранее казенное Николаевское Адмиралтейство на 25 лет перешло в аренду частной компании Русское судостроительное общество — «Рус-суд». Акционерами ее состояли члены императорской фамилии и видные деятели Морского министерства. Получив крупный денежный аванс от государства, новая компания тут же затеяла грандиозную реконструкцию завода. На берегах речки Ингул закипела работа. Был заложен гигантский эллинг для строительства линейных кораблей. Засновали невесть откуда взявшиеся инженеры. Жители Николаева с удивлением взирали на плавкран, способный поднимать грузы в 150 тонн и плавучий док грузоподъемностью в 30 000 тонн. Шла большая николаевская ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, о которой после большевистской революции будет приказано забыть. Без крови и репрессий. В теснейшем переплетении интересов частных и государственных! Всею югу нынешней Украины она несла работу, образование и подъем уровня жизни.

Крейсер «Гeben». Почти в три раза превосходил «Евстафия» по огневой мощи. Но сбежал с поля боя!

Но пока в ладной спешке строились первые черноморские дредноуты (заложено их было четыре — «Императрица Мария», «Императрица Екатерина Великая», «Император Александр Третий» и «Император Николай Первый», а еще — линейный крейсер «Измаил», мощью своей превосходивший любого из предшественников), заморского супостата

требовалось чем-то урезонивать. Дабы не крушил он главным калибром тот же Николаев и Одессу, Севастополь и Балаклаву.

Собрав с миру по нитке, Турция строила в Англии самый большой дредноут «Султан Осман I» с четырнадцатью 12-дюймовыми орудиями в семи (!) башнях — население Османской империи сбросилось на него буквально по лире в патриотическом порыве. А военная судостроительная программа Германской империи была столь грандиозна, что не только в Петербурге, но и в Лондоне взирали на нее с непередаваемым беспокойством.

Николаевские линкоры должны были входить в строй с 1915 года. А до того основной ударной силой флота оставались три бывших броненосца, переименованные в линейные корабли, — «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон». Каждый из них нес по четыре 12-дюймовки в двухорудийных башнях. Все вместе они равнялись по артиллерийской мощи одному современному линкору. Это и породило совершенно логическую идею действовать только вместе, создав единую систему координирования стрельбы.

В долгих учениях под командованием адмирала Эбергарда отрабатывался один и тот же прием — второй в кильватерной колонне корабль «Иоанн Златоуст» определяет расстояние до противника, передает координаты другим кораблям эскадры и все они одновременно накрывают противника дружным залпом. Сколько матросского пота и офицерских нервов было потрачено в мирное время на доведение этого упражнения до автоматизма! Но иного выхода не было. Поодиночке любой из кораблей флота был бы разгромлен противником. А уйти от него они тоже не могли — старые русские броненосцы развивали ход только до 16 узлов, а германский линейный крейсер «Гебен» с его десятью 11-дюймовками был на целых десять узлов быстрее. Значит, бой был неизбежен, и готовиться к нему требовалось основательно.

«Двужильный старик — звали мы его, — писал об Эбергарде в книге о боевых действиях Черноморского флота в Первую мировую адмирал Лукин. — Высокообразованный моряк с благородной душой и рыцарским сердцем, старый холостяк, лингвист и, как говорила молва, женоненавистник. Человек государственного ума и огромного опыта. Флот его любил и почитал».

Эбергард родился в Греции в семье русского консула. Окончил Морской корпус. Долго служил на Дальнем Востоке. Был военным атташе в Турции. Карьеру он выстраивал умело — с немецкой расчетливостью. Был аккуратен и отчетлив. Работоспособен беспредельно. Начальство его любило за то, что мог выполнить любое порученное дело. Флотская служба не терпит разгильдяйства. Она все проверяет морем. А Андрей Августович с одинаковым успехом командовал боевыми кораблями и исполнял обязанности штабного офицера. Именно Эбергард подтянул после восстания броненосец «Потемкин», переименованный в «Пантелеймон». И он же быстро оценил идею новой организации стрельбы на Черноморском флоте, разработанную на основе опыта русско-японской войны. И не только оценил, но и стремился довести ее до совершенства — до «золотого выстрела», как говорят артиллеристы.

Пара. Корабельный врач с дамой.

Золотой выстрел — это мечта любого военного. Не «вилка», когда сначала перелет, потом — недолет, а третий залп, пристрелявшись, кладут посередине — в цель. А именно «золотой» — первым же снарядом вдребезги! А корабль качает. И окуляр дальномера заливают брызгами.

И видимость может оставлять желать лучшего. Попасть в противника всегда непросто, а сразу тем более. Но именно к нему — к вожаке «золотому выстрелу» и надо стремиться.

Возможность проверить свои принципы на деле открылась у командующего 18 ноября 1914 года. Эскадра Черноморского флота приближалась к южной оконечности Крыма — мысу Сарыч, неподалеку от Ялты. Впереди ее ждал Севастополь. Кильватерную колонну вел флагманский «Евстафий» с вице-адмиралом Эбергардом на мостике. Погода стояла отвратительная — низкие облака, туман, временами моросящий дождь. За «Евстафием», развивавшим 12 узлов, густо дымили однотипные «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон». Чуть дальше — «Три Святителя» и «Ростислав».

Матросы «Иоанна Златоуста». На нем служило много парней из Украины.

И вдруг со «счастливого» крейсера «Алмаз» — он единственный из крупных кораблей в 1905 году после убийственной Цусимы прорвался во Владивосток — просигналили прожектором: «Неприятель прямо по курсу». Из полосы тумана вынырнул длинный щучий силуэт линейного крейсера «Гебен» — одного из лучших на кайзеровском флоте. И рядом с ним еще один — «Бреслау»! Вот он, давно ожидаемый враг! Скоростной. Мощно бронированный. Способный выбирать для себя любую дистанцию боя и вступать в него или уходить по собственному желанию. Тут только «золотым выстрелом»!

Лейтенант Гаттенбергер с братом. Уже без погон, отмененных Керенским.

Вот как описывает то, что произошло дальше, в книге «У врат Царьграда» историк-эмигрант Георгий Некрасов: «На «Евстафий» адмирал Эбергард с беспокойством ждал сигнала с «Иоанна Златоуста». Разработанные правила стрельбы требовали, чтобы пристрелку вел второй корабль, а потом передавал по радио установку прицела. В течение всего боя второй корабль должен был управлять огнем эскадры. Прошло несколько секунд, а «Иоанн Златоуст» молчал.

— Вероятно, плохо видит цель... мешают полосы тумана, — промолвил адмирал.

— По дальномеру 40 кабельтовых, — доложил артиллерийский офицер.

— Больше ждать нельзя... Это не учение... Открывайте немедленно огонь! — приказал адмирал.

В 12 часов 18 минут «Евстафий» дал первый залп из своих двенадцатидюймовок. Через несколько секунд два огромных пучка светло-желтого пламени вспыхнули на силуэте

«Гибена»: один впереди первой дымовой трубы, а другой — между трубами. Оба снаряда носовой башни лейтенанта Гаттенбергера, давшей пристрелочный залп, попали в цель. Это была уже не просто хорошая стрельба, даже на таком относительно небольшом расстоянии — это была либо превосходная стрельба, либо исключительная удача. А скорее всего, и то и другое!»

Командир башни, двадцатипятилетний мичман Николай Гаттенбергер, ухаживавший за капризной дочерью французского консула в Севастополе Надин Ге, мог бы гордиться своим попаданием. Русские снаряды разворотили каземат немецкого бортового орудия. На «Гибене» сразу погибли 9 офицеров и 105 человек команды. Семь офицеров и 52 матроса получили ранения. «Золотой выстрел» одним нес удачу, другим — смерть. Как всегда на войне.

«В казематах потрясающая картина, — вспоминал матрос крейсера «Гибен» Георг Кооп. — Смерть собрала кровавую жатву. Искромсанные, разорванные, лежат несколько храбрецов, другие сидят, внешне невредимые, облокотившись спинами о переборки, с темно-желтыми лицами и руками — воздействие адского пламени. Все, должно быть, произошло ужасно быстро. Санитары-носильщики уже исполняют свои обязанности. Они ищут опознавательные знаки и собирают оторванные конечности. Погребальная команда на месте и зашивает каждого погибшего в отдельную парусину. К ногам каждого прикрепляют 15-см снаряд. Все они должны обрести тихую матросскую могилу глубоко на дне моря».

Лейтенант, Гаттенбергер после свадьбы. Именно он поразил крейсер «Гибен» и сердце дочери французского консула.

Но это будет только потом, когда бой закончится и избитый «Гибен» уйдет зализывать раны. А пока, по словам Георга Коопа, «русские стреляют яростно. Многочисленные вспышки огня мелькают в дымке. Фантастически сверкают яркие отблески сквозь клубящийся туман. Из всех орудий вырывается этот огненный дождь. В воздухе воет и свистит. Весь русский Черноморский флот обрушил на нас бесчисленные снаряды из своих орудий. Мгновенно море вокруг нас вскипело».

Постепенно вслед за «Евстафием» начинает стрелять «Иоанн Златоуст». Но он не видит противника из-за дыма, стелющегося из труб своего флагманского корабля, и вскоре

прекращает стрельбу. Зато «Три Святителя» дают несколько залпов по «Гебену», а «Ростислав» отгоняет своими выстрелами «Бреслау». Фактически битва свелась к поединку «Гебена» против «Евстафия». Десять башенных орудий первого против всего четырех — русского флагмана. Ответный залп «Гебена» попадает в верхушку трубы «Евстафия» и срывает антенну для управления огнем эскадры. Еще один снаряд пробивает борт броненосца. Ситуация накаляется. Но шок от удачного «золотого выстрела» так велик, а русские снаряды ложатся вокруг «Гебена» так кучно, что германский адмирал Сушон понимает — сейчас в бой втянется вся русская эскадра. Нужно срочно уходить. И немцы, увеличив скорость, исчезают в полосе тумана. Тихоходному Черноморскому флоту не хватает целых десяти узлов, чтобы догнать их. Весь бой занял всего 14 минут.

Р. S. В Севастополе похоронят 38 убитых русских матросов. В Николаеве на старом городском кладбище опустят в могилу мичмана Григоренко — погибшего в том бою на «Евстафии» командира плутонга и сына местного градоначальника лейтенанта Мязговского. Тела этих офицеров привезли из Севастополя и похоронили в один день. Могила Григоренко сохранилась до наших дней. Могилу Мязговского стерло беспощадное время. Дочь французского консула Надин Ге примет предложение мичмана Николая Гаттенбергера и выйдет за него замуж в следующем, 1915 году, а самого его повысят до лейтенанта. Они уедут в эмиграцию после революции. Адмирала Эбергарда император Николай II наградит за победу у мыса Сарыч мечами к ордену Св. Владимира, а в 1918 г. его же арестует ЧК в Петрограде, а потом отпустит, и он умрет через год в неизвестности и будет похоронен на Новодевичьем кладбище. Но если говорить честно, Эбергард, с его немецкой фамилией, оказался самым удачливым русским адмиралом Первой мировой войны. И все это НАША история! Ведь большинство матросов императорского Черноморского флота, участвовавшего в этом бою, были уроженцами нынешней Украины, а на «Иоанне Златоусте» служил будущий сподвижник Нестора Махно — Федор Щусь. Помните о «золотом выстреле» и о том, что японцы пишут иероглифы без черновиков. Именно так нужно добиваться цели и писать свою жизнь.

28 ноября 2014 г.